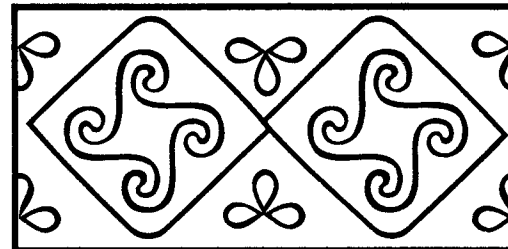

**ВОПРОСЫ
ЛЕКСИКИ,
ГРАММАТИКИ
И СЕМАНТИКИ**

карачаево-
балкарского
языка

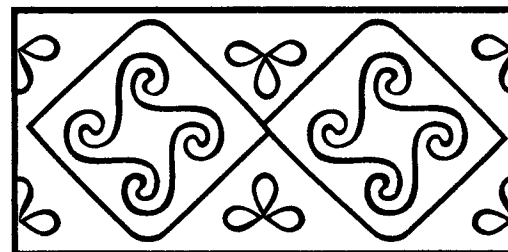

НАЛЬЧИК
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЭЛЬ-ФА»
2002

**ВОПРОСЫ
ЛЕКСИКИ,
ГРАММАТИКИ
И СЕМАНТИКИ**

карачаево-
балкарского
языка

НАЛЬЧИК
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЭЛЬ-ФА»
2002

Печатается по постановлению ученого совета Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований от 23 июня 1998 г.

Ответственный редактор – доктор филологических наук **И. М. Отаров**

КОНЦЕПТ
ИЗДАТЕЛЬ
ЦЕНТРА
ИЗДАТЕЛЬ

Научное издание

**ВОПРОСЫ ЛЕКСИКИ, ГРАММАТИКИ И СЕМАНТИКИ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА**

Редактор *Л. О. Тамазова*
Художник *Л. В. Провоторова*
Технический редактор *Т. В. Демьяненко*
Корректор *Р. Ш. Арапиева*

ЛР № 010238 от 22.07.97

Сдано в набор 01.11.2001. Подписано в печать 15.03.2002.
Формат 84×108^{1/2}. Печать офсетная.
Гарнитура школьная. Бумага писчая.
Усл. п. л. 10,29. Уч. -изд. л. 10,96.
Тираж 500 экз. Заказ № 272

Издательский центр «Эль-Фа»
Республиканского полиграфкомбината им. Революции 1905 г.

Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.
Министерства печати и информации КБР
360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33

4602000000-013
В Т43(03)-2002 без объявл.

ISBN 5-88195-520-X

2

© КБ ИГИ,
2002
© Издательский
центр «Эль-Фа»,
2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сборник включены статьи сотрудников отдела карачаево-балкарского языка КБИГИ и преподавателей КБГУ. В статьях авторов рассматриваются различные вопросы лексики, грамматики и семантики карачаево-балкарского языка.

В разделе «Лексика» представлены работы, освещающие вопросы однокоренных синонимов, структурных типов редуцированных слов, сферы употребления лексики и фонетическая терминология.

В разделе «Грамматика» работы посвящены изучению формальных моделей простых предложений, паллиатива, вопросу разграничения падежей, рассмотрены синтаксические функции фразеологизмов, структуры именных предложений и т.п.

По семантике исследуются объем фразеологического значения, семантика глаголов звучания, чувства и движения.

Все проблемы в этих статьях решаются впервые.

Л. Ж. ЖАБЕЛОВА

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ РЕДУПЛИЦИРОВАННЫХ СЛОВ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В грамматическом строе карачаево-балкарского языка, как и других тюркских языков, наряду с такими средствами языка, как аффиксация, словосложение, использование служебных слов, интонация, ударение и другими, значительное место занимают редуплицированные слова.

По мнению большинства ученых, они образуются одним из наиболее древних и в то же время простых грамматических приемов — редупликацией (см. работы Н. К. Дмитриева, А. Н. Кононова, Н. А. Баскакова, А. Т. Кайдарова, Е. И. Убрятовой, Р. А. Аганина, В. Г. Егорова и др.).

Следует отметить, что в лингвистической литературе используется довольно много терминов, характеризующих редуплицированные слова: удвоение, парно-повторные слова, редупликация, дубликация, повтор (полный и частичный) и многие другие.

По «Словарю лингвистических терминов» О. С. Ахмановой повтор — это то же самое, что удвоение, редупликация, повторение, а удвоение — это то же, что повтор [4, 327].

При этом следует учесть, что термин повтор имеет два значения. Здесь рассматриваются повторы в первом значении, которые по определению О. С. Ахмановой, характеризуются как «полное или частичное повторение корня, основы или целого слова без изменения их звукового состава (или с его частичным изменением) как способ образования слов, синтетических и описательных форм и фразеологических единиц» [4, 327].

Редупликация — явление чрезвычайно распространенное не только в тюркских, но и во многих языках мира, как и в древних индоевропейских, угро-финских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, китайско-тибетских, а также в языках Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока и многих других.

Как отмечают ученые, во многих языках мира редупликация используется как средство выражения различных грамматических категорий (формальным средством выражения грамматической категории множественного числа имен, интенсива прилагательных, разделительных числительных и т.д.).

Редупликация как языковой прием давно привлекает внимание исследователей. В работе «Язык» Э. Сепир писал: «Нет ничего более естественного, чем факт широкого распространения удвоения, иными словами, повторения всего или части корневого элемента. Этот процесс используется с самоочевидным символизмом для обозначения таких понятий, как распределение, множественность, повторность, обычность действия, увеличения в объеме, повышенная интенсивность, длительность» [19, 59].

Несмотря на то, что прием редупликации изучается давно и довольно тщательно, как справедливо замечает Н. Ф. Алиева, «естественность, самоочевидность этого способа слово- и формообразования, вероятно, немало содействовали тому, что в языкознании об удвоении обычно говорилось лишь мимоходом. Его структурные, функциональные и семантические возможности характеризовались только в общих чертах»... «Видимо, не случайно, — продолжает автор, — нам не удалось обнаружить ни одной специальной работы общелингвистического характера, посвященной удвоению: этому вопросу отводится только по две-три страницы в общих трудах» [3, 3].

В тюркском языкознании общая характеристика повторов и их структурных типов дана в трудах Н. К. Дмитриева, Н. А. Баскакова, А. Т. Кайдарова, Р. А. Аганина, С. Н. Муратова и многих других.

Лексико-грамматические особенности, структурно-семантические типы и стилистические функции редупликации в современном карачаево-балкарском языкознании всестороннему анализу до сих пор еще не подвергались.

В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, с помощью редупликации образован широкий круг эмоционально-экспрессивной лексики: существительных с собирательным значением, обычно сопровождаемым пренебрежительно-иронической или юмористической оценкой: *кзарт-кзурт* собир. ирон. «старика и старухи всякие», *жаш-кзуш* собир. ирон. «мо-

лодежь всякая», такие повторы ограничены в своем употреблении определенными стилевыми условиями, хотя и характеризуются стабильностью структуры и лексического значения.

Редуцироваться могут как знаменательные части речи (имена существительные, качественные прилагательные, наречия, редко числительные, деепричастия на -а/-е, -й, -ып/-ип), так и звукоподражательные и образоподражательные слова.

С помощью редуцирования создаются в основном стилистически маркированные слова, входящие в состав эмоционально-экспрессивной лексики и закрепленные за обиходно-просторечной сферой языковой практики. Поэтому большинство редуцированных слов, являясь окказиональными образованиями, устойчивостью не отличаются и вследствие этого не все редуцированные слова входят в стабильный фонд лексики. Они не обладают признаком регулярной воспроизводимости, создаются непосредственно в речи, и поэтому словари их обычно не регистрируют. Повторы чаще всего служат средством выражения собирательной или расчлененной множественности, многократности и повторности действия, интенсивности качества, разделительности и т.д. «В этих случаях, — замечает Л. С. Пейсиков, — редуцирование рассматривается в грамматике» [16, 160].

Учитывая опыт, накопленный в тюркологии, и исходя из фактического материала, в карачаево-балкарском языке можно выделить три основных типа словообразовательной редуцирования:

1. Полная редуцирование без какого бы то ни было изменения фонемного строения редуцирата: а) звукоподражательных и образоподражательных слов; б) словарных форм наречий; в) прилагательного (при форме множественного числа определяемого существительного); г) существительных в основном падеже.

2. Повторы с фонеморфологическими изменениями второго компонента.

3. Повторение первого слога имени прилагательного с добавлением фонеморфологически значимого согласного -б, -п, -пп или редко -м — для выражения высокой интенсивности обозначаемого признака.

Рассмотрим каждый структурный тип в отдельности.

1. Полная редуцирование: а) звукоподражательных и образоподражательных слов: *боркь-боркь* звукопод-

ражание кипению воды в котле, *тарх-тарх* звукоподражание выстрелу, *кьаркь-кьаркь* звукоподражание карканью вороны, *шьрт-шьрт* образоподражание шаркающей походке человека. Данная категория слов в карачаево-балкарском языке до сих пор еще не собрана и не исследована. Однако такие слова широко распространены во всех сферах языковой практики, правда, многие из них — те, которые создаются непосредственно в речи, после единичного употребления более не воспроизводятся и больше не существуют в качестве лексической единицы. Другие же регулярно воспроизводятся во всех нужных ситуациях и входят в состав стабильной и общеупотребительной лексики.

Звуко- и образоподражательные слова в речи употребляются с помощью вспомогательных глаголов *эт* «делать», *бол* «стать», «становиться» или же деепричастной формы *деп* «сказав»: *боркь-боркь эт* «сильно (бурно) кипеть (о воде в котле)», *кьаркь-кьаркь эт* «каркать (о вороне)», *шьрт-шьрт эт* «шаркать», *гуу-гуу деп* «выть (о лисе)», *дып-дып деп* «стучать (о сердце)». Например: *Жулдуз, кьыгган кьысхачны гоппанда бозагъа сугъуу, боркь-боркь этдирип, булгъап Солтан-Хамитни бла Такушну алларына салды* (Шахмырзаланы С., Таг ала-сында, 83) «Жулдуз опустила раскаленные щипцы в большую чашу с бузой и, когда буза зашипела и вспенилась, поставила на стол перед Султан-Хамидом и Такушем». [Агъач кьакъгъыч] *Тыкь-тыкь этип терекни Буруну бла кьагъады...* (Шахмырзаланы С. Назмула, 320). «[Дятел] стучит клювом по дереву: *тук-тук*». *Бизге суусанха быж-быж эте тургъан айран да ичиргендиле* (Тёпеланы С. Уучу Заурбек, 14) «Чтобы мы могли утолить жажду, нам еще подали шипучего айрана»; б) повторение словарных форм наречий: *аз-аз* «понемногу», *терк-терк* «почаще», «часто»; *шош-шош* (разг.) «потихонечку», *тынч-тынч* (разг.) «спокойненько». Приведенные примеры свидетельствуют о том, что путем удвоения наречий не образуются совершенно новые лексические единицы, относимые к иной части речи, но усиливается первоначальное значение наречий. Например: *Заман Темиржанны ачыуун эски эте, аз-аз унутдуруп барады* (Кьоркьмазланы К. Горда бычакъ. II, 125). «Время понемногу залечивает горе Темиржана». *Солтан-Хамит кьэзлерин кьолу бла терк-терк сыйпайды* (Шах-

мырзаланы С. Танг аласында, 76) «Султан-Хамид часто вытирает глаза рукой»;

в) повторение прилагательных (при форме множественного числа определяемого существительного): *ариу-ариу кызыла* «красивые-красивые девушки», *бийик-бийик таула*, «высокие-высокие горы», *кгара-кгара булутла* «черные-черные тучи», *узун-узун орамла* «длинные-длинные» улицы. Например: *Аггачлада тюрлю-тюрлю кганатлыла жырлайдыла*. «В лесах поют разные-разные птицы». *Узун-узун терекле, Терекле сайын бутакгэла...* «Высокие-высокие деревья, на каждом дереве-ветки». *Иничге-иничге аякгэлары, Кгара-кгара туякгэлары, Узун-узун жаякгэлары (загадка)* «Тонкие-претонкие ноги, черные-пречерные копыта, длинные-предлинные челюсти» *отгадка*: жур (лань).

Полная редупликация прилагательных также не ведет к образованию новых слов с принципиально новой лексико-грамматической характеристикой, а указывает на полноту проявления качественного признака. Таким образом, полный повтор прилагательных является средством не словообразования, а формообразования.

Чаще всего повторяются качественные прилагательные. Полная редупликация прилагательных, используемых для усиления качества или признака предмета, менее употребительна по сравнению с частичной редупликацией, и, судя по примерам, полная редупликация характерна главным образом для просторечия и детской речи. В художественной литературе она употребляется чаще всего как стилистический прием. *Бутакгэ-бутакгэ мюйюзлери, кёк кырдыкдан кийизлери. (загадка)* «У /олень/ ветвистые (букв. ветвями-ветвями) рога, а поляны у них (имеются в виду поляны, где они пасутся) – покрыты зеленой травой» (*отгадка*: буу – «олень») *Кгалау-кгалау тешекле, аны билмеген – эшекле (загадка)* «Грудами сложены матрасы, а те, кто не догадается, что это такое – ослы» (*отгадка* – стопка хычинов);

г) Полная редупликация существительных в основном падеже выражает идею собирательной или разделительной множественности предметов и их разнообразие: *сюрюу-сюрюу ийнекле* «стадами коровы», *топ-топ кзумачла* «тюками ткани», *кгауум-кгауум адамла* «группами люди». Например: *Сюрюу-сюрюу жуггутурла, маралла мукзут болуп, ёрге айланьп барадыла* (Жюрек жырлай-

ды, 306) «Стада туров и оленей резко повернули и ушли вверх».

Полная редупликация имен существительных на русский язык переводится творительным падежом существительного во множественном числе. Такие повторы характерны большей частью для разговорной речи, а также они встречаются в фольклорной поэзии, загадках, пословицах и поговорках. Например: *Эгиз-эгиз тёллю туусун. (Фольк.)* «Пусть приплод (у скота) будет двойнями, пусть счастье привалит восьмикратное» пожелание блага).

Полный повтор имен существительных выражает значение количества и меры, выполняет функции нумеративных существительных. «Если повторное слово представляет собой удвоение существительного, служащего единицей расчета или измерения, – замечает Э. В. Севортян, – то оно в этом случае оказывается на положении числительного, при котором определяемое, как известно, не получает в тюркских языках показателя множественности» (Севортян 1956: 322). Например: *Ой, долай, долай долдыргган, Ийнеклерибиз ашагган балдыргган. Гоппан-гоппан жау алдыргган* (Фольк.) «Ой море, море бурлящее. Коров своих мы кормим борщевиком, масло мы получаем большими чашами». *Таматабыз кгош-кгош тигим кгалдырыр, мени айтханына женгил чандырыр* (Къарачай халкъ жырла, 39). «А старший наш помногу нам угощение сделает, и быстро меня с поручением куда-либо отправит». *Ахча капек-капек жыйылады* (Нарт сёз) «Деньги собираются по копейке» (*посл.*). *Сыра чапчакгэлары кгалдыла Башларына кгарыш-кгарыш жау салып* (Фольк.) «Остались пивные бочки с толстым слоем жира» (*кгарыш* – это расстояние между растянутым большим пальцем и мизинцем руки). *Аман кгатынны тулукгэ-тулукгэ сёзю болур* (Малкъар нарт сёзле, 135) «У нерадивой женщины слов бывает много (букв. мешками)».

2. Повторы с фонеморфологическими изменениями второго компонента: этот тип повторов также широко распространен во многих тюркских языках, в том числе и в карачаево-балкарском. О том, как появляются повторы с фонемным изменением во втором компоненте, Г. И. Рамstedт пишет следующее: «Для выражения понятия «и так далее», «и тому подобное», «или что-нибудь в этом роде» тюрки и монголы применяют своего рода повторы или полную редупликацию, состоящую в том, что непос-

редственно за существительным следует его вариант, первым звуком начального слога которого является звук «т-», например, калм. *tete* «верблюды», *tete-tete* «верблюды и пр.» [17, 220].

По его мнению, данный тип редупликации является весьма продуктивным способом словообразования, но используется этот способ главным образом в народном разговорном языке, являясь таким образом разговорной формой [17, 244]. Этому же мнению придерживаются многие исследователи. По-видимому, исходя из этого мнения, многие лексикографы включают в словари частичную редупликацию с фонемным изменением во втором воспроизводящемся компоненте в качестве словарных единиц: Ср.: тат. *арык-торык* «крайне худой», *берам-серам* «изредка»; башк. *агас-магас* «всякие деревья», *каты-кото* «сухомытка» и т.п.

При частичной редупликации наблюдаются главным образом следующие фонеморфологические изменения: 1) эпентеза, или наращение согласного -м-, редко -с-, -ч- во втором компоненте: *ахча-махча* собир. ирон. «деньги всякие», *азыкь-мазыкь* собир. ирон. «провизия и что-нибудь в этом роде», *аз-маз* «понемногу», *ун-мун* пренебр. ирон. «мука и что-нибудь в этом роде», *этген-сэтген* пренебр. ирон. «прохожие всякие», *уппа-чуппа* пренебр. ирон. «поцелуй всякие»;

2) замена инициального согласного исходного слова: *бёрек-мёрек* собир. ирон. «пирожки и что-нибудь такое», *сюек-мюек* собир. ирон. «кости и что-нибудь в этом роде», *хычын-мычын* пренебр. ирон. «хычины и что-нибудь в этом роде»;

3) замена первого гласного в исходном слове: *кзарт-кзурт* собир. ирон. «старички и старухи всякие», *кзан-кзун* собир. ирон. «кровь и тому подобное», *дауур-дууур* собир. ирон. «галдеж и шумы всякие».

3. Повторение первого слога имени прилагательного с добавлением фонологически значимого согласного -б-, -п-, который удваивается перед гласной морфемой -пп-, или крайне редко -м-, для выражения высокой интенсивности обозначаемого признака; повторяемый первый слог получает централизованное ударение. Носителем основного значения в таких повторах является вторая часть, а первая выполняет роль количественного усилителя или своего рода коэффициента [6, 86]. Ср.: *кзара* «черный» —

кзэ-п-кзэра «черный-черный», *кзызыл* «красный» — *кзы-п-кзызыл* «красный-красный», *жашил* «зеленый» — *жа-п-жашил* «зеленый-зеленый»; *кёк* «синий» — *кё-м-кёк* «синий-синий»; *жангы* «новый» — *жа-ппа-жангы* «новый-преновый», *бош* «пустой» — *бо-ппа-бош* «совсем пустой», *толу* «полный», — *то-п-толу* / *то-ппа-толу* «совсем полный», *акъ* «белый» — *ап-акъ* (аппакъ) «очень белый», «белоснежный». *Тёп-тёгерек*, *топ кибик*, *Ичи кзызыл*, *от кибик (загадка)* «Круглый-прекруглый, как мяч. А внутри все красное, как огонь» (*отгадка* — харбыз «арбуз»). *Жап-жашил*, *кём-кёк*, *кзып-кзызыл*, *сап-сары*, *чыммакъ акъ гокка хансчыкзланы кзатында кёкюрекни кенге ачып, керилип жатып солугзандан иги, кимге не кёрюне болур?* (Хочуланы С. Хапарла, 12) «Что может быть лучше отдыха, когда ты лежишь, широко раскрыв свою грудь, среди зелёных-презелёных, голубых-преголубых, красных-прекрасных, жёлтых-прежёлтых, белых-пребелых цветов?»

Следует отметить, что частичная редупликация не распространяется на относительное прилагательное, ее действие ограничено небольшим кругом качественных прилагательных. Например: Хасан *кзып-кзызыл кзызарып*, *бетин ёрге кётюралмады* (Хубийланы О. Аманат. 1, 106) «Хасан густо покраснел (букв. стал красным-красным) и не смог поднять свои глаза». *Жай келгенлей, айрымкан кём-кёк кёгереди* (Батчаланы М. Элчилерим, 11) «С наступлением лета остров становится зеленым-зеленым». *Чаллыкзда сап-сары, кём-кёк эм кзып-кзызыл гюлле битедиле* (Тёппеланы С. Уучу Заурбек, 10) «На лугу растут желтые-прежелтые, голубые-преголубые и красные-прекрасные цветы».

В карачаево-балкарском языке к частичной редупликации прилагательных ошибочно относят и сочетание прилагательного *акъ* «белый» со словом *чым* и пользуются традиционным неправильным написанием этого слова в виде *чыммакъ*. Следует отметить, что здесь слово *чым* входит в число слов типа *асыры*, *бек*, *дум-тум*, *энг* и другие, передающими значение «очень», «самый», «чрезмерно», «совершенно». [21, 121]. В других тюркских языках: туркм. *чым гызыл* «совершенно красный», каз. *шым кызыл* «очень красный».

В «Правилах орфографии и пунктуации балкарского языка» (1991) в параграфе № 74, где говорится о правописании повторов, приводится как исключение правописание прилагательного *кзара* «черный» со словом *дум*.

Правда, в этом исключении слово *дум* характеризуется как частица, что является ошибочным мнением. Слово *дум*, как отмечено выше, является самостоятельным словом и должно выделяться в словарях как самостоятельная лексическая единица. Например: *Сен, дум къара къашлы, къара кёзлю, назик санлы, ариу халлы дайым эсимдесе* (Хочулань С. Хапарла, 3) «Ты – самая чернобровая и черноглазая, стройная и привлекательная, постоянно у меня в душе».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аганин Р. А. Повторы и однородные парные сочетания в современном турецком языке. М., 1959.
2. Адилов М. И. Система повторов в азербайджанском языке. Автореф. дисс... д-ра филол. наук. Баку, 1968.
3. Алиева Н. Ф. Слова-повторы и их проблематика в языках Юго-Восточной Азии. // Языки Юго-Восточной Азии. Проблемы повторов. М., 1980.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
5. Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. М., 1952. Т. II. Ч. 1.
6. Дмитриев Н. К. Парные словосочетания в башкирском языке // «Известия АН СССР», Отд. гуманитарных наук. 1930. № 7.
7. Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.; Л., 1940.
8. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.
9. Егоров В. Г. Словосложение в тюркских языках // Структура и история тюркских языков. М., 1971.
10. Закирова Р. Г. Структурно-семантические типы и функции слов-повторов в башкирском языке. АКД, Уфа, 1987.
11. Кайдаров А. Т. Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1958.
12. Калабаева Т. Б. Лексико-грамматическая структура повторов в казахском языке. АКД, 1980.
13. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.
14. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960.
15. Муратов С. Н. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М., 1961.
16. Пейсиков Л. С. Словообразование в персидском языке. М., 1973.

17. Рамstedт Г. И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
18. Севортян Э. В. Словообразование в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1956. Ч. II.
19. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. М.; Л., 1934.
20. Убратова Е. И. Парные слова в якутском языке // Язык и мышление. М.; Л., 1948. XI.
21. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977.

Л. Х. МАХИЕВА

КЪАРАЧАЙ-МАЛКЪАР ТИЛДЕ ФОНЕТИКА ТЕРМИНЛЕНИ ЖАРАТЫЛЫУЛАРЫ ЭМ АЙНЫУЛАРЫ

Малкъар жазма, башха кёп миллетлени жазмаларыча, таууш (фонема)–харф (графема) жазмады. История памятникледе тубеген бир къауум затла шагъатлыкъ этгенге кёре, 1922–24 жыллагъа дери къарачай-малкъар халкъны жазмасы арап графика бла Ц диалектде жазылганды. Ол заманлада бусагъатдача школла болмагъандыла, окъургъа эм жазаргъа юйретмегендиле. Аны себепли, малкъар тилде окъуй эм жаза билгенле жангызда арап алфавитни билгенле болгъандыла. Ала сынамларына кёре, малкъар тилни тауушларын тюз эм тынгылы билмегенлери себепли, 1924 жылда къарачай-малкъар халкъы арап графикадан латин графикагъа кечеди. Биринчи латин харфланы болушлугъу бла къарачай-малкъар алфавитни Алийланы Омар жарашдыргъанды. Ол жылда, малкъар халкъны жазаргъа, окъургъа юйретюде уллу магъанасы болгъан, латин алфавитни мурдорунда биринчи малкъар букварь басмаланады. Аны басмагъа жарашдыргъанла Абайланы Исмаил бла Акъбайланы Исмаил болгъандыла.

Болсада, жылдан-жылгъа къарачай-малкъар тил айный, ёсе баргъаны себепли, тилге жангы сёзле орус тилни юсю бла келе башлайдыла. Тилде алгъын жюрюмеген жангы тауушла чыгъадыла. Ол зат а, тилни фонетика къурамы тюрленгенин ачыкълай, алфавитге жангы харфла къошаргъа кереклисин кёрюзтеди. Аны бла байламлы, 1936 жылда къарачай-малкъар халкъ Шимал Кавказны талай халкъы бла бирге латин алфавитден орус

алфавитге кечеди. Бусагъатдагы къарачай-малкъар тилни алфавитини мурдорун орус графика къурагъанды. Алай, жарсыугъа, орус графиканы мурдорунда къуралгъан жангы алфавитге кечгенде, малкъарлыла бла къарачайлыла бир бирлеринден башхаракъ алфавитге кечгендиле. Ол башхалыкъ орус тилде жюрютюлмеген юч тауушну белгилеудеди: *нг(нъ) ж(дж), у(у)*. Кертисин айтханда, белгиленген юч харф ючюн къарачай эм малкъар алфавитлени бир бирден башха этерге кереклиси жокъ эди. Бусагъатда, къарачайлыла 1964 жылда, малкъарлыла уа 1991 жылда басмаланган орфографиялары хайырланадыла. XX ёмюрню 20-чы–30-чу жылларында тау эллерибизде школла ачылгъан эдиле. Окъутуу иш алада ана тилде бардырылып тургъанды. Ол зат бир-бир предметлени терминлерин айнытыугъа уллу болушлукъ этгенди.

Алай, жарсыугъа, 1944 жылда малкъар халкъ кечюрюлюк, таудула кеп жылларын Орта Азияда бла Къазахстанда ётдюргендиле. Битеу халкъыбызны культурасын айнытыугъа, терминле жарашдырыу ишге да кечгюнчюлюк бек уллу чырмау болгъанды.

Малкъар халкъ туугъан жерине 50-чи–60-чы жыллада къайтхандан сора, эллерибизде халкъны окъутуугъа, культурасын айнытыугъа, аны бла бирге къарачай-малкъар тилни ёсдюрюу мадарлагъа эс белюнеди. Ол заманы ичинде кеп зат да этилгенди.

Бусагъатда малкъарлылагъа малкъар тилни магнасы алгъын заманладан эсе игида кетюрюлгенди. Ал заманлада ана тилибиз, сансыз этилип, школада предметча окъутулуп тургъаны белгиледи. Шёндю, бир-бир малкъар школада 1–1У класслада битеу окъуу предметлеге юйретиу иш ана тилде бардырылады. Ол зат а тилни ёсгенин кергюзтеди. Ана тилде китапла, газетле, журналда басмаланадыла, телевидение эм радио бериуле жетишимли бардырыладыла. Республикада миллет тиллени тенгликлерин тохташдырыугъа уллу эс белюнеди.

Тилибизни илму жаны бла тинтиу, окъутуу-методика иш Малкъарда, Къарачайда да бардырылады. Лингвистлерибизни ишлери энчи китапла болуп, жыйымдыклагъа кирип басмадан чыгъадыла. Ана тилден орта школагъа, вулагъа, колледжлеге деп, программала, окъуу пособияла, суратлау, методика литература басмаланадыла. Бу затла лингвистика терминологияны айнытыугъа уллу болушлукъ этедиле.

Болсада алыкъа кемчиликле кепдюле. Сёз ючюн, фонетика терминледе бир-бир затланы атлары ана тилибизде жокъдула. Кёбюсюнде калька формада «кечюрмеле» асламыракъ тюбейдиле. Орус тилни юсю бла келген терминле да аслам жюрютюлунедиле. Бусагъат заманда, башха тилден алынган терминледен эсе, калькаланы игиге санайдыла. Къарачай-малкъар тилде калькаланы кёбюсю атла боладыла.

Арт жыллагъа дери, школагъа, вулагъа деп хазырланган программаланы алып къарагъанда, жангы терминле къурау ишге хазна эс бурулмагъанды. Малкъарда бла Къарачайда чыкыгъан окъуу, методика литератураны тенглешдирип къарагъанда, бир-бир затланы атлары бир бирден башхадыла. Къарачай эм малкъар халкъланы тиллери бир болгъаны себепли, орфографияларында да, терминлеринде да энчилик зат болмазгъа керекди.

Тил билимде бир-бир алимле тилде тохташхан терминлени орунларына окъутуу пособиялагъа, китаплагъа д.а.к. кеслери жарашдыргъан, неда магъана жаны бла келишген сёзлени терминле этип кийиредиле. Ол бек уллу кемчиликледен бириди. Биринчиден, термин тутхан магъанасын толу ачыкъларгъа керекди, аны бла бирге уа окъугъан адамгъа ангылашымлы болуп, аны эсинде къалдыргъа керекди.

Жарсыугъа, бусагъатда бизде лингвистика терминологияны жаратылыу историясы белгисизди, лингвистика терминлени сёзлюкклери жокъду. Терминлени тил билимге кимле эм къачан кийиргенлери тохташдырылмагъанды. Аны бла байламлы, бир къауум фонетика терминни жаратылыу историяларына къарайыкъ.

Къарачай-малкъар тилни юсюнден илму ишле жазып, биринчи терминлени тил билимге кийирип къарачайлы алимлерибиз башлагъандыла (Байрамкъулланы У., Байрамкъулланы А., Алийланы У. д.б.). Къарачай-малкъар тилни грамматикасын биринчи жарашдыргъанладан бири къарачайлы алим Байрамкъулланы У. болгъанды (КТГ, 1931). Къарачай-малкъар тил билимге ол кеп термин кийиргенди.

Таууш «звук». Терминни биринчи тил билимде Байрамкъулланы У. хайырланады. Ачыкъ тауушла бла ачыкъ харифле [1, 4].

Эринсиз ачыкъла «негубные гласные». Эринли ачыкъла «губные гласные»

Бу терминлени биз биринчи У. Б. Алиевни ишинде кёребиз: Базыкъ ачыкъ тауушла эки тюрлю боладыла:

бири эринсиз базыкъ ачыкъ тауушла, экинчиси уа эринли базыкъ ачыкъ тауушла [3, 22].

Назик ачыкъ тауушла «переднеязычные мягкие гласные». Базыкъ ачыкъ тауушла «заднеязычные твердые гласные»

Бу терминлени биринчи тил билимге Байрамкзулланы У. кийиргенди: Базыкъ тауушла бла назик тауушла [1, 12].

Байрамкзулланы У. кесини грамматикасында «базыкъ ачыкъ тауушла» деген терминни орунуна «къаты ачыкъла» дегенди: Сингармонизм ачыкъ тауушланы къатылыкларына, жумушакълыкларына кере болгъанча, аланы эринли, эринсиз болгъанларына кере болады [1, 12]. Байрамкзулланы У. «назик ачыкъ тауушла» деген терминни орунуна «джумушакъ ачыкъла» деген терминни хайырланады: «Сёзю ал бёлюю джумушакъ ачыкъ бла бошалса, аны ызындан келген ачыкъ тауушла да джумушакъла боладыла» [4, 26]. Байрамкзулланы У. кийирген термин тил билимде орналмагъанды. Къарачай-малкъар тилде «назик ачыкъ тауушла», «базыкъ ачыкъ тауушла» деген терминлени тюзге санап жюриютедиле.

Зынгырдауукъ къысыкъла «звонкие согласные». Тунакы къысыкъла «глухие согласные»

«Зынгырдауукъ къысыкъла» деген терминни биринчи тил билимде Байрамкзулланы У. хайырланады: Сангыраула бла зынгырдауукъ тауушла [1, 18]. Къарачай-малкъар тил билимге «тунакы къысыкъла», «тунакы таууш» деген терминни биринчи Будаиланы А. кийиргенди: «Тунакыла деп а кзуру даурдан кзуралгъан къысыкълагъа айтадыла, юлгюле: п, к, ш, т, ф. [5, 145]. Алийланы У. Б. 1957 жылда «тунакы къысыкъла» деген терминни «зынгырдауукъ къысыкъ тауушла» бла «сангырау къысыкъ тауушла» деп хайырланады [2, 8]. Орусбийланы И. кесини «Къарачай-малкъар тилде грамматикалыкъ сюзюню юсюнден» деген статьясында «зынгырдауукъ эм сангырау къысыкъла» деп жазады [7, 210].

Орусбийланы И. бла Будаевны да статьялары бир китапта басмаланадыла, бир заманда жазылгъан да болурла. Алай болгъанлыкъгъа эки алим бир ангыламгъа эки тюрлю ат атайдыла. Бусагъатда тил билимде «тунакы къысыкъ» деген термин жюриюдю.

Къысыкъ тауушла «согласные звуки»

Термин бек алгъа къарачай-малкъар тил билимде У. Б. Алиевни 1957 жылда чыкыгъан китабында тюрбейди: «Къысыкъ тауушланы къысыкъ харфла кергюзтедиле» [2, 5]. А. Байрамкулов «тунакы тауушла» деп хайырланады: «Ачыкъ тауушла бла тунакы тауушла» [4, 11].

Къарачай-малкъар тилни къысыкъ тауушларына эм аланы юлешиниулере 1966 жылда чыкыгъан «Къарачай-малкъар тилни грамматикасында» къаралады.

Къарачай-малкъар тилни къысыкъ тауушлары кзуралгъан жерлерине кере, тиллиле «язычные» (ал тиллиле «переднеязычные», орта тиллиле «среднеязычные», арт тиллиле «заднеязычные»), тишлиле «зубные» эм эринлиле «губные» боладыла [9, 33].

Тилли къысыкъла «язычные согласные»

Тилли къысыкъ тауушла деп, тилни болушлугъу бла кзуралгъан тауушлагъа айтадыла. Ала кеслери да хауаны ургъанына, тилни къалайы артыгъыракъ къатышханына кере ал, орта эм арт тиллилеге юлешинедиле [8, 26].

Тишли къысыкъ тауушла «зубные согласные»

Тишли къысыкъ тауушла тишлени болушлукълары бла кзураладыла [8, 26].

Эринли къысыкъ тауушла «губные согласные»

Эринли къысыкъ тауушла деп, эринлени болушлугъу бла кзуралгъан тауушлагъа айтабыз [8, 26].

Кзуралгъан мадарларына кере, къысыкъ тауушла сындырылыучулагъа «смычные», шууулдаучулагъа «целевые» эм аффрикатлагъа «аффрикаты» юлешинедиле [8, 26].

Жумушакъ къысыкъла «мягкие согласные», къаты къысыкъла «твердые согласные»

Бу терминлени биз биринчи И. Орусбиевни «Къарачай-малкъар тилде грамматикалыкъ сюзюню юсюнден» деген статьясында керемиз: «Жумушакъ къысыкъла, аланы асламысында кеслерини энчи жумушакълыкъкъатылыкъ шартлары болмагъанын ол зат хоншу ачыкълагъа кере болгъанын сюзюп ангылата билиу. Къаты къысыкъланы да болумгъа кере халлары» [7, 209].

Экиленген къысыкъла «удвоенные согласные»

Къарачай-малкъар тил билимде бу терминни биринчи А. Будаев хайырланады: «Экиленген къысыкъла сёзде бир неда эки тауушну белгилейдиле. Ала жазыуда бир харфны эки кере жазылыуу бла суратланадыла» [6, 45].

Сингармонизм «сингармонизм»

У. Байрамкулов сингармонизмге «бирчалыкъ» деп айтады [1, 10]. «Бирчалыкъ» деген терминни башха алимле кеслерини ишлеринде хайырланмагъандыла. Аны себепли, къарачай-малкъар тил билимде «бирчалыкъ» деген термин бегимегенди. Бусагъатда бизни тилде «сингармонизм» деп жюриюдю.

Сингармонизм деп, сездеги ачыкъ тауушла кеслерини къуралыгуларына кере, биринчи бёлумдеги ачыкълагъа ушап баргъанларына айтадыла. Къарачай-малкъар тилде сингармонизмни төрт жоругъу барды [8, 21].

Басым «ударение»

Термин биринчи кере И. Орусбиевни статьясында тубейди: «Тау тилде басымны кесин билиу кеп бёлумле сёздеде, сёз тутушлада бек керекли болады» [7, 212].

Тил билимге И. Орусбиев «басым» деген ангыламны кийиргинчи У. Байрамкулов «тартыу» дегенни хайырланганды [1, 12].

А. Будаевны «Малкъар фонетиканы окъутууну методикасы» деген ишинде «тартыу» деген термин тубейди: «Сезде тартыу тюшген тауушну тапхан къыйын болмайды, ол бирси тауушладан эсе созулуракъ эм ачыкъ айтылады» [6, 64].

Къарачай-малкъар тилде сёз басым бла бирге айырычу басым да жюриюдю. Айырычу басым айтымны басымы болады. Ол кеси да эки тюрлюге юлешинеди: логика басымгъа эм учундургъан басымгъа [8, 40].

Бёлум «слог»

Тил билимге «бёлум» деген терминни биринчи У. Байрамкулов кийиргенди: Сёзню бёлумюн экинчи тизгиннге кечюрмеклик [1, 7].

Басымлы бёлум «ударный слог»

Басымсыз бёлум «безударный слог»

Бу терминлени биринчи тил билимде А. Байрамкулов хайырланады: «Сезде кючлюрек айтылгъан бёлумге басымлы бёлум, къалгъан бёлумлеге басымсыз бёлумле дейдиле» [4, 18].

Уллу харф «заглавная буква»

Гитте харф «прописная буква»

Биринчи терминле У. Байрамкуловну ишинде тубейдиле [1, 10].

Белгилисича, асламында малкъар тилге жангы сёзле орус тилден неда аны болушлугъу бла киредиле. Къарачай-малкъар тилни тинтген биринчи алимлерибиз терминлени асламын башха тилледен алгъандыла. Термин-

лени кёбюсю къарачай-малкъар тил билимге орус тилни юсю бла киргендиле. Сёз ючюн: сонорлула «сонорные», бурунлула «носовые», алфавит, азбука «алфавит», сингармонизм, ассимиляция, диссимиляция, протеза, эпентеза, редукция, элизия д. б.

Кертиди, арт жыллагъа дери саулай терминология-бызгъа кереклисича эс бурулмагъанды. Къарачай-малкъар тилни лингвистика терминологиясында да бу кемчилик эленеди. Терминледе бирчалыкъ жокъду, аны себепли аланы айырып, тутхан магъаналарын толу ачыкълагъанланы кёюп, келишмегенлерини орунларына, бир магъананы толу белгилеген, тил билимге келишген жангы терминлени кийиррге керекди. Жангыдан къуралгъан терминле, тутхан магъаналарын тюз ачыкъларгъа, аны бла бирге уа литература мардагъа бойсунургъа керекдиле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байрамкулов У. Д. Къарачай тилни грамматикасы. Нарсана, 1931.
2. Алиев У. Б. Малкъар тилни грамматикасы, 1-чи кесек. Фонетика бла морфология. Нальчик, 1958.
3. Алиев У. Б. Башланган школада малкъар тилни учебники. Грамматика бла тюз жазыу, 2-чи кесек. Нальчик, 1942.
4. Байрамкулов А. М., Урусбиев И. Х. Къарачай-малкъар тилни грамматикасы. Фонетика. Морфология. 1-чи кесек. Черкесск, 1965.
5. Будаев А. Ж. Малкъар тилни къысыкъ тауушларын окъутууну методикасыны вопрослары // «Материалы научно-практической конференции преподавателей русского, кабардинского, балкарского языков и литератур. Нальчик, 1963.
6. Будаев А. Ж. Малкъар фонетиканы окъутууну методикасы. Нальчик, 1964.
7. Орусбиев И. Х. Къарачай-малкъар тилде грамматикалыкъ сюзюню юсюнден // «Материалы научно-практической конференции преподавателей русского, кабардинского, балкарского языков и литератур. Нальчик, 1963.
8. Толгурова А. З. Фонетика карачаево-балкарского языка (конспекты лекций). Нальчик, 1986.
9. Къарачай-малкъар тилни грамматикасы. Нальчик, 1966.

СФЕРА УПОТРЕБЛЕНИЯ КАРАЧАЕВО- БАЛКАРСКОЙ ЛЕКСИКИ

Слова современного карачаево-балкарского языка различаются между собой не только своим происхождением, экспрессивно-стилистическими свойствами и принадлежностью к активному и пассивному составу, но и сферой своего употребления в социально-диалектном отношении.

Неоднородность лексики с точки зрения ее употребления видна сразу, при самом элементарном анализе нескольких наудачу выбранных слов. Одни слова оказываются общеизвестными и общенародными, другие выступают как ограниченные в своем употреблении той или иной группой лиц, тем или иным говорящим коллективом.

Лексика карачаево-балкарского языка с точки зрения сферы своего употребления распадается на три большие группы: лексика общенародная, т. е. известная и употребляемая всеми говорящими на данном языке, лексика диалектная и лексика профессионально-терминологическая.

Общенародная лексика

В общенародную лексику входят те слова, понимание и употребление которых не связано с местом жительства, профессией, образом жизни и т.п. [13, 119].

К общенародной лексике относятся слова, принадлежащие к разным частям речи. Сюда входят существительные: *хауа* «воздух», *суу* «вода», *ётмек* «хлеб», *мал* «скот», *терек* «дерево», *кзууанч* «радость» и др.; прилагательные: *жангы* «новый», *улла* «большой», *акз* «белый», *кзызыл* «красный», *ингирги* «вечерний» и т.п.; глаголы: *ишле* «работать», *ич* «пить», *айт* «говорить», *кзайггыр* «заботиться», *саггын* «вспоминать», *секир* «прыгать» и т.д.; числительные: *бир* «один», *эки* «два», *беш* «пять», *элли* «пятьдесят», *минг* «тысяча» и др.; местоимения: *мен* «я», *сен* «ты», *ол* «он», *меники* «мой», *сизники* «ваш», *бу* «этот», *кзайсы* «который» и др.; наречия: *тамбла* «завтра», *мында* «здесь», *анда* «там», *ары* «туда», *бери* «сюда», *бирге* «вместе», *алггын* «раньше» и т. п.; частицы: *окзу*

на «даже», *бютюнда* «особенно», *ма* «вот», *угзай* «нет», *хау* «да» и др.; союзы: *бла* «и», *уа* «а», *даггыда* «еще», *не* «или» и т.п.; междометия: *ах*, *ох*, *ой*, *оу*, *фу* и др.

К общенародной лексике относятся и такие грубые слова, как *гай* «пасть», «рот», *быдыр* «пузо, брюхо», *тыкзла* «жрать» и т.п., хотя не все карачаевцы и балкарцы их употребляют: культурные люди обычно стараются избегать подобных слов в своей речи [13, 178].

Употребление общенародной лексики не зависит ни от места жительства, ни от профессиональной принадлежности человека, эти слова являются тем фондом, на базе которого в первую очередь происходит дальнейшее совершенствование и обогащение лексики. Подавляющее большинство входящих в нее слов устойчиво в своем употреблении и употребительно во всех стилях речи [25, 114].

Диалектная лексика

Кроме общенародной лексики, которая в одинаковой степени понятна всем карачаевцам и балкарцам, в их языке, как и в любом другом, содержатся такие слова, бытование которых ограничено территориально. Это диалектная лексика, находящаяся за пределами литературного языка. В устной речи диалектные слова наиболее часто встречаются в языке людей старшего поколения. В письменном же языке употребление диалектизмов заметно ограничено и допускается в специальных целях [2, 98].

«Диалектизм – это слово, или оборот речи, или звуковая особенность, или грамматическая черта, характерная для говора и воспринимаемая нами как нелитературная. Понятие «диалектизм» возникает тогда, когда мы, слушая чью-то в целом литературную речь или читая художественное произведение, замечаем инородные слова, обороты и другие особенности языка, которые нарушают литературную норму и которые мы объясняем влиянием диалекта. Эти-то диалектные вкрапления в литературную речь мы и называем диалектизмами» [13, 120].

В произведениях карачаево-балкарских писателей диалектизмы больше всего встречаются в речи персонажей. Например, повесть И. Гадиева «Санга айтама» «Тебе говорю» в диалогах имеет такие предложения: – Не кёф кьалдын, кзызым? – «Что так долго задержалась, дочь

моя?»; — Угъай, угъай, хо бир да, мени ахца керекли зерим зохту — «Нет, нет, что ты, я в деньгах не нуждаюсь»; Здесь диалектизмами являются слова: *кёф* (вместо лит. *кёп*), *ахца* (лит. *ахча*), *зер* (лит. *жер*), *зохту* (лит. *жокъду*).

До сих пор остается спорным вопрос о членении карачаево-балкарского языка на диалекты. [17, ВЗ — 15 а] считал язык карачаевцев и язык балкарцев разными языками. В. И. Филоненко [22, 550] членил язык только балкарцев на три диалекта: чокающий, смешанный и чокающий. А. М. Аппаев (1960: 16) устанавливает в балкарском языке (без карачаевского) четыре диалекта: черекский, хуламо-безенгийский, чегемский и баксанский. У. Б. Алиевым (1963: 67–68) и А. Ж. Будаевым [5, 72] карачаево-балкарский язык разделен на три диалекта: карачаевский (речь всех карачаевцев), промежуточный баксано-чегемско-хуламо-безенгийский и малкарский. Наиболее правильной представляется классификация, предложенная Ш. Х. Акбаевым [1, 21], который на основе богатого материала, собранного во всех районах Карачая и Балкарии, делит карачаево-балкарский язык на: 1) основной (карачаево-баксано-чегемский), или *ч*-диалект с баксано-чегемским говором; 2) малкарский, или *ц*-диалект и 3) хуламо-безенгийский переходный говор.

Основной, или *ч*-диалект имеет следующие фонетические особенности: а) во всех позициях диглитературное *ф* переходит в *п*: *фатеген-патеген* «керосин», *фатар-патар* «квартира», *ыфчык-ыпчык* «перевал» и т. п.; б) наблюдается переход литературного *т* в *д* в начале слова: *тукъум-дукъум* «фамилия, род; вид, сорт, тип», *топан-допан* «купол; шапочка» и т. д.; в) имеет место переход литературного *к* в *г* в начале слова: *керох-герох* «пистолет; револьвер»; *косук-госук* «вид съедобной травы» и т. п.; г) наличие палатализованных согласных *г, к, л, р, ж, ч* независимо от гармонии гласных вместо непалатализованных *г, к, л, р, ж, ч* литературного языка: *гахник-гяхник* «мурава», *камар-кямар* женский пояс с серебряными или золотыми украшениями», *жыла-жиля* «плакать», *жылан-жилян* «змея», *хычин-хичин* «хычин (пирог)» и др.; д) метатезы: *хч-чх, хс-сх, кс-ск* (*ахча-ачха* «деньги», *ахса-асха* «хромать», *ёксюз-ёксюз* «сирота» и т. п.); переход литературного *у* в начале слова или в первом слоге в *ю* перед *я*: *уя-юя* «гнездо», *уян-юян* «про-

сыпаться», *уят-юят* «разбудить», *туякъ-тюякъ* «копато» и др. [9, 5].

Ц-диалект имеет также морфологические особенности, которые характеризуются: а) выпадением сонорного *н* в составе аффиксов 3-го лица ед. ч. повелительного наклонения: *барсын-барсы* «пусть пойдет», *келсин-келси* «пусть придет», *кгалсын-кгалсы* «пусть останется» и т. д.; заменой аффикса принадлежности 1-го лица мн. ч. *-ыбыз/-ибиз* во вторичном деепричастии аффиксом *-ыкъ/-ик*: *келгенибизде-келгеникде* «когда мы пришли», *чыкъгъа-ныбызда-чыкъгъаныкъда* «когда мы вышли» и т. п.; г) употреблением редуцированной формы причастий будущего времени на *-ныкъ/-ник, -нукъ/-нюк* параллельно с его полной формой на *-арыкъ/-ерик, -ырыкъ/-ирик, -урукъ/-юрюк*: *сынарыкъ/сынныкъ* «то, что должно сломаться, разбиться», *жуунурукъ/жууннукъ* «тот, кто должен купаться», *сакъланырыкъ/сакъланныкъ* «то, что должно сохраниться» и др.

Ц-диалект имеет также морфологические особенности, которые характеризуются: а) выпадением сонорного *н* в составе аффиксов 3-го лица ед. ч. повелительного наклонения: *барсын-барсы* «пусть пойдет», *келсин-келси* «пусть придет», *кгалсын-кгалсы* «пусть останется» и т. д.; заменой аффикса принадлежности 1-го лица мн. ч. *-ыбыз/-ибиз* во вторичном деепричастии аффиксом *-ыкъ/-ик*: *келгенибизде-келгеникде* «когда мы пришли» *чыкъгъа-ныбызда-чыкъгъаныкъда* «когда мы вышли» и т. п.; г) употреблением редуцированной формы причастий будущего времени на *-ныкъ/-ник, -нукъ/-нюк* параллельно с его полной формой на *-арыкъ/-ерик, -ырыкъ/-ирик, -урукъ/-юрюк*: *сынарыкъ/сынныкъ* «то, что должно сломаться, разбиться», *жуунурукъ/жууннукъ* «тот, кто должен купаться», *сакъланырыкъ/сакъланныкъ* «то, что должно сохраниться» и др.

Ц-диалект характеризуется диалектизмами фонетическими, семантическими и лексическими. Фонетические диалектизмы отражают особенности звуковой системы данного диалекта. Например, одной из этих особенностей является цокание: во всех позициях в слове вместо *ч* литературного языка произносится аффриката *ц*: *чач-цац* «волосы», *чыпчыкъ-цыфцых* «воробей» и др. В этом диалекте имеет место также зокание, при котором в начале и в середине слов вместо *дж/ж* литературного языка произносится свистящий звук *з*: *джер/жер-зер* «земля»,

джюддю / жюжю-зюзю «личинки мух, червей» и т. п. Этому диалекту характерны еще нерегулярный переход губного согласного *п-ф* в сильной позиции в середине слова и регулярный переход в позиции перед глухими согласными: *кёпюр-кёфюр* «мост», *тыпыр-тыфыр* «очаг», *ёпке-ёфке* «легкое», *алып-алыф* «взяв» и др. Согласные *кз* и *к* в определенных позициях переходят в заднеязычный *х*: *эшек-эшех* «осел», *кзызчыкз-кзызцых* «девочка», *ички-ицхи* «напиток» [8, 6].

Фонетическими диалектизмами можно считать и следующие слова ц-диалекта: *файнар* (вм. лит. *фанер*) «фанера», *зимилт* (лит. *юзмелт*) «шерсть, расчесанная и приготовленная для прядения», *ийнору* (лит. *ары*) «туда», *ийнонда* (лит. *анда*) «там», *чинке* (лит. *инчке*) «тонкий», *жикир* (лит. *зикир*) «зикр, радение, молитва», *гацоф* (лит. *гёжеф*) «силач», *кзарыуа* (лит. *кзатура*) «стебель травянистого растения», *кёкмюреуюз* (лит. *кёптюреуюз*) «синька» и т. д.

Семантические диалектизмы – это слова, совпадающие в написании и произношении с литературными, но отличающиеся от них своим значением. Подобные диалектизмы являются синонимами по отношению к словам литературным. Например, *жингирик* (ц.-диал.) «громкий плач (обычно детский)» и *жингирик* (лит.) «локоть»; *хуюн* (ц.-диал.) «нить из конопли» и *хуюн* (лит.) «шнурок из сыромятной кожи для плетения подошв горской обуви (чабуров)»; *кют* (ц.-диал.) «пасть» и *кют* (лит.) «пасти». *Кютюп айланган малла тынгысыз болуп башладыла* (Шуёхлукъ. № 1. С. 78) «Пасущиеся животные забеспокоились».

Лексические диалектизмы – это слова, которые совпадают с общелитературными по значению, но отличаются своим звуковым комплексом. Они называют те же понятия, что и тождественные им слова литературного языка, т. е. являются своего рода синонимами [25, 172]. Так, лексическими диалектизмами являются слова ц-диалекта: 1) существительные – названия одежды: *гефхин* «фартук, передник» – лит. *ал бота*; *фадауан* «мятая трава, повторно вкладываемая в горскую обувь для согревания ног» – лит. *мидел*; *бехция* «женское платье» – лит. *жыйрыкз*; в хуламо-безенгийском говоре: *этек* «юбка» лит. *тёбен жан*; слово *этек*, имеющее во всех диалектах и литературном языке одно значение «подол», изредка встречается в Карачае и в значении «юбка». Ср. тур. *этек*

лик «юбка», болг. *пола* «юбка», казах. *етек койлек* «юбка» (ВИДКЯ, 1958 : 175); названия пищи: *жюдюр* «ежевика» – лит. *кзара нанькз*; *бурчакз* «бобы» – лит. *кзудору*; *кзаймакз* «сметана» – лит. *сют баш*; *уууз* «молозиво» – лит. *ырпыс* и др.; названия животных: *кеселке* «ящерица» – лит. *гургун*; *кзумурсха* «муравей» – лит. *гумулжук* и т. д.; названия жилища и домашней утвари: *тахан* «подпорка, стойка» – лит. *чыпын*; *гош* «хлев» – лит. *бау*; *кюрек* «лопата» – лит. *жугар*; *кюштел* «бочка, кадка» – лит. *чыккыр*; *кифе* «тяпка» – лит. *чага*; названия разных предметов: *жызгери* «щепа» – лит. *жонгурчха*; *ушхолу* «кишка» – лит. *чеги*; *кёзлеу* «родник» – лит. *шаудан*; *мыры* «лужайка, поляна» – лит. *талачыкз*; *фотку* «опилки» – лит. *быхчы кзышхыр*; *мырзы* «береза» – лит. *кзайын*; прилагательные: *чиппо* «худощавый» – лит. *кзатангы*; глаголы: *эче* «качать (колыбель детскую)» – лит. *тебирет*; *кзылкзындыр* «удушить» – лит. *буу*; *кзытире* «сопротивляться» – лит. *кзажалулукз эт*; междометие: *дол* понукание волов при вспашке – лит. *хайт*.

Цокающий диалект имеет и некоторые морфологические особенности. Например, наблюдается стяжение формы глагола типа: *келген эдим* – *келгийим* «я приходил (тогда)», *билген эдим* – *билгийим* «я догадался (тогда)», *кетген эди* – *кетхийи* «он уходил (тогда)», *эслеген эдик* – *эслегийик* «мы заметили» и т. п.; наличие желательной формы 1-го лица ед. ч. на *-н* вместо *-м* литературного языка: *барайым-барайын* «пойду-ка», *сатайым-сатайын* «продам-ка», *жазайым-жазайын* «напишу-ка» и т. д. [9, 17].

Как известно, национальный язык в процессе становления и развития своих норм оказывает всестороннее воздействие на диалектные слова.

В результате этого, они, теряя присущие им характерные признаки, сближаются с нормализованным языком. Под влиянием литературного языка многие диалектизмы расширяют сферу своего употребления и становятся известными всем носителям языка – карачаевцам и балкарцам. Освоенными литературным языком можно считать слова из ц-диалекта: *абери* «что-либо» (лит. *ары-бери*), *шёндю* «сейчас» (лит. *бусагзатда*), *готон* «плуг» (лит. *сабан агзач*). *Готон* в значении названия современного железного плуга позаимствован носителем ц-диалекта из грузинского языка через осетинский [14, 5], взамен названия *сабан агзач* (букв. «полевое брев-

но»), которое носило более примитивное пахотное устройство – соха.

Проникновению диалектизмов в литературный язык помогает много факторов, одним из которых являются художественные произведения прежде всего Ж. Токумаева, И. Гадиева и А. Теппеева. Тем не менее в художественной литературе диалектные слова встречаются редко, притом главным образом в речи персонажей. Иначе говоря, употребление диалектизмов в художественных произведениях свидетельствует не столько об их освоённости литературным языком, сколько о специфике языка того или иного писателя [8, 14].

Диалектизмы не следует смешивать с регионализмами, т.е. со словами «которые, будучи в сущности литературными, однако, ограничены в употреблении определенной географической областью» [8, 10]. Регионализмы в языке возникают в связи с проживанием носителей одного и того же языка в разных, территориально разделённых регионах, например, карачаевцы живут в Карачаево-Черкесской Республике, а балкарцы – в Кабардино-Балкарской Республике. Поэтому карачаево-балкарский литературный язык в настоящее время существует и развивается в двух вариантах – карачаевском и балкарском [25, 72].

В карачаево-балкарском языке имеют место регионализмы фонетические, лексические, семантические и словообразовательные.

Фонетические регионализмы: существительные – названия животных: карач. *сарыубек* – балк. *сарыуек* «крокодил», *кёбелек* – *гебенек* «бабочка», *айю* – *айыу* «медведь» и т. п.; названия растений: карач. *кюндюш* – балк. *кундуш* «черемича», *кюрюч* – *кюйрюч* «ясень» и др.; названия частей тела человека: карач. *хамхот* – балк. *гимхот* разг. «харя», *бюрек* – *бюйрек* «почка» и т. д.; названия родства: карач. *къарнаш* – балк. *къарындаш* «брат», *кюеу* – *киеу* «зять» и др.; слова, связанные с пищей: карач. *мюрзеу* – балк. *мирзеу* – «зерно, хлеб», *шибиджи* – *чибиджи* «перец», *сарымсакъ* – *сарымсах* «чеснок», *хауун* – *хууан* «дыня», *гардош* – *картоф* «картофель» и т. д.; слова, связанные с одеждой: карач. *палтон* – балк. *пальто* «пальто» (в карач. варианте, вероятно, народная этимология, связанная со словом *тон* «шуба»), *мес* – *мес* «сафьяновые сапожки без каблучков с незначительным голенищем, носили в зимнее время в основном пожилые

мужчины» и т. п.; слова, характеризующие человека: карач. *малхыяр* – балк. *малхуния* «идиот, дурак, дубина», *тумакъ* – *туумакъ* «несообразительный», *гёджеб* – *гёджеф* «силач, борец», *гатчай* – *гатча* «развратница, блудница» и др.; слова, связанные с природой: карач. *тубан* – балк. *туман* «туман», *бугзой* – *бугзей* «трещина в леднике», *кюрт* – *курт* «сугроб», *айрымкан* – *айрыкам* «остров», *джангур* – *жауун* «дождь» и т. п.; названия жилища и предметов обихода: карач. *тыбыр* – балк. *тыпыр* «очаг (дома)», *орундукъ* – *ундурукъ* «кровать», *шиндик* – *шинтик* «стул», *тиш* – *шиш* «вертел», *джыккыр* – *чыккыр* «бочка», *мычхы* – *бычхы* «пила», *боюнсах* – *боюнса* «ярмо», *миз* – *биз* «шило», *чалкзы* – *чалгзы* «коса» и т. п.; названия разных предметов и явлений: карач. *дордон* – *дёрден* «зоб, грудь», *кёзюу* – *кезиу* «очередь, период», *тиек* – *тюек* «клавиша, лад», *дюрю* – *дуру* «ряд скошенной травы», *джоппу* – *жокку* «пучок», *кюкюрт* – *кукурт* «сера», *чарс* – *чарш* «скачки», *улху* – *ултха* «взятка», *кёрдеуюк* – *кердеуюк* «медный купорос», *ёлче* – *ёлчем* «размер, мера, мерка», *тушман* – *душман* «противник», *битир* – *фитир* «подавание по случаю прекращения мусульманского поста», *алмасты* – *алмосту* «домовой, колдун, леший, ведьма», *туч-турч* «олово», *гуммос* – *губус* «бородавка» и др.; прилагательные: карач. *миийк* – балк. *бийик* «высокий», *мыдах* – *мудах* «грустный, печальный», *адаргы* – *адыргы* «маленький, незначительный, мизерный, ничтожный», *жити* – *жютю* «острый», *тамада* – *тамата* «старший», *илгиздик* – *изгилтин* «отчужденный, одичавший» и т. д.; глаголы: карач. *асха* – балк. *акъса* «хромать», *ахсын* – *ахтын* «вздыхать, охать, ахать», *илген* – *элген* «вздрогнуть, испугаться», *юрен* – *юйрен* «учиться»; «привыкать», *чимде* – *чимди* – «щипать» и др.; частицы: карач. *огъуна* – балк. *окъуна* «даже», *тюл* – *түйюл* «нет», *огъай* – *угъай* «не, нет» и т. п.; наречия: карач. *алкзын* – балк. *алыкга* и др., местоимения: карач. *бютеу* – балк. *битеу* «целиком, все, весь» и др.

Лексические регионализмы карачаево-балкарского языка менее многочисленны, таковы, например, существительные – названия растений: карач. *бусакъ* – балк. *акътерек* «тополь», *гокка ханс* – *гюл* «цветок», *итбурун* – *улёкзу* «шиповник», *раса* – *гъойггун* «папоротник», *къачхач* – *шахшах* «опийный мак» и т. п.; названия животных: *мамурач* – *айыу бала* «медвежонок», *къумурсха* –

гумулжук «муравей», кеселекке – гургун «ящерица», те-келемлююз – метеке «улитка», сокзур чибин – саскы «овод», каска – сенгирчке «стрекоза», гылын кзуш – уку «сова», бабуш – баппуш «утка», кзырым тауукз – гура «индюк» и др.; названия одежды: карач. кзоллукз – балк. кзол кзап «перчатка, варежка», чепкен – жыйрыкз «платье (женское), ала кзытай – басма «ситец», билезик – юзмелт «кудель (небольшой виток чесаной шерсти, готовой к прядению)» (карачаевское название этой реалии, видимо, от билек «рука» – пряжа наматывается на руку); ич жаулукз – чикиля «небольшой платок однотонного цвета, поверх которого надевали платок потеплее» и т. д.; названия частей тела человека: карач. омурау – балк. аркга жик «позвонок», чыначыкз – жингирик «локоть» и др.; прилагательные: карач. мелхум – балк. элпек «изобильный», муккур – гуппур «сгорбленный» и т. д.; глаголы: карач. баджар – балк. мажар «снабжать», джукзлат – ечюлт «гасить, тушить» и др.; наречия: карач. хаман – балк. дайым «постоянно» и др.; наименования разных предметов и явлений: карач. кзобан – балк. черек «большая река», кёлекке – ауана «тень», сенкилчек – гыллыу-ча «качели», кзаладжюк – сабан агзач «соха», кзач – кюз арты «осень», кзаранчха – бодуркзу «пугало», учхун – урходук «пепел», гюрбе – кюф «ящик», «закром», гёзен – гуму «кладовая», тамал – мурдор «основа» и т. д.

В карачаево-балкарском языке имеют место слова, идентичные по выражению в обоих вариантах языка, но различные по содержанию. Это семантические регионализмы. Например, слово гырхы у карачаевцев обозначает «грубый, резкий», а у балкарцев – «худощавый». Семантическими регионализмами можно считать и следующие слова: гадура – карач. «сачок, ловушка для пчел», балк. «цедилка, дуршлаг»; джыйрыкз – карач. «морщина; оборка, складка», балк. «платье (женское)»; чыначыкз – карач. «локоть», балк. «мизинец»; чегет – карач. «лес», балк. «тенистая сторона», ёзен – карач. «ущелье», балк. «равнина» и др.

Словообразовательные регионализмы передают особенности словообразования в вариантах карачаево-балкарского языка, так, например, у карачаевцев «обманщик» имеет название алдауукз, а у балкарцев алдаучу. К таким регионализмам следует отнести и следующие пары слов: карач. бугунчакз – балк. бугунуч «прятки (игра)», карач. джагзлат – балк. жаггала «брать за шиворот»,

карач. жылысыман – балк. жылыракз «тепловатый» и т. п.

Морфологические различия между карачаевским и балкарским вариантами литературного языка менее значительны. Они проявляются в некоторых залоговых и временных формах глагола [5, 73], а также в прилагательных. Так, балкарской форме понудительного залога на формант т кзозут «дразни» (собаку) в карачаевском соответствует форма с нулевым формантом, т.е. форма основного залога: кзозу «дразни» (собаку). Балкарской временной форме на -йучу / -иучю в карачаевском иногда соответствует форма на -чан / -чен: барыучу / барыу-чан «ходящий куда, посещающий кого-что (постоянно)», беруучю / беруу-чен «дающий (постоянно)» и т. д. Балкарским глагольным аффиксам -ур / -юр, -урга / -юрге, -ырга / -ирге, -урукз / -юрюк в карачаевском языке соответствуют аффиксы -ар / -ер, -арга / -ерге, -арыкз / -ерик: кзоркзур / кзоркзар «побоится», юркюр / юркер «напугается, шарахнется» и др., кзоркзурга / кзоркзарга «бояться», юркюрге / юркерге «пугаться; шарахаться», тинтирге / тинтерге «шарить, рыться (ища что-либо)». В прилагательных уменьшительной степени карачаевского варианта параллельно употребляются аффиксы -йуукз / -ууукз, -ююк и -йучу / -уучу, -юучю: абыныуукз / абыныучу «часто спотыкающийся, неудачливый, невезучий», джортууукз / джортуучу «рысистый», ёпкелеуук / ёпкелеучю «обидчивый» и т. п. В карачаевском варианте языка имеет место параллельное употребление послелога бла и аффикса -тын: орам бла / орамтын «по улице». Бизни элде бир орамтын экиси келе эдиле (А. Уртенев) «По одной улице нашего села они шли вдвоем». В балкарском языке употребляется только форма орам бла «по улице».

Профессионально-терминологическая лексика

Профессионально-терминологическая лексика, или профессионализмы – это слова, являющиеся принадлежностью речи определенного коллектива, объединенного какой-либо производственной деятельностью, специальностью и профессией. В их состав входят словарные единицы, известные не всем карачаевцам и балкарцам, а употребляемые одной какой-нибудь профессиональной группой лиц. Это в первую очередь термины. Термин –

это слово или словосочетание, являющееся названием научного, технического, сельскохозяйственного и т. п. понятия. Совокупность терминов данной науки или профессии называется терминологией [13, 134]. В настоящее время, в период информационного и соответственно терминологического взрыва, происходит двойкий процесс: с одной стороны, резко увеличивается количество доступных только для специалистов особых терминов; например, в каждом высокоразвитом языке только в области химии имеется несколько миллионов терминов. С другой стороны, специальные термины интенсивно проникают в общелитературный язык. Специальная терминология становится главным источником пополнения словарного состава литературного языка [23, 40].

Термины «изобретаются» или «изготавливаются» отдельными людьми, обычно учеными, в тесном контакте с лингвистами, но в таком младописьменном языке, как карачаево-балкарский, многие термины созданы не в связи с развитием науки. Любая профессия во все времена рождала соответствующую терминологию [2, 118]. У карачаевцев и балкарцев наиболее развиты были издавна скотоводство, земледелие, изготовление изделий из шерсти и т. д.

Термины, связанные с этими ранними отраслями хозяйства, иногда называются профессиональной лексикой. О недостаточной разработанности этого лингвистического понятия свидетельствует наличие у него множества названий: «профессиональная лексика» [10, 12 и др.], «ремесленная терминология» [19], «народная терминологическая лексика» [26], «народные термины» (3) и т. д.

Исследованию этих терминов карачаево-балкарского языка посвящен ряд работ [6, 11, 15, 16, 20].

Еще до создания письменности народом были созданы термины — по животноводству: *ууакъ аякъллы мал* «мелкий рогатый скот», *токълу* «овца от шести месяцев до одного года», *ишек* «овца от одного года до двух лет», *зада* «овца от двух до трех лет», *экижашар* «двухгодовалый бычок», *быштады* «телка-скороспелка» (первотелка, отелившаяся в возрасте двух лет) и т. д.; по земледелию: *батан* «копна», *гебен* «стог», *кёгет* «фрукт», *кендираш* «конопля», *картоф* «картофель», *айлыкъ турма* «редиска», *татыран* «хрен», *кзозукъулакъ* «щавель» и др.; по швейному делу: *жагъа оюмду* «горловина (вырез шеи)», *ёзюу* «передняя часть рубашки, где застегиваются пуговицы», *бутлукъ* «штанина», *кюбе* «кольчуга, железная рубашка воина», *кзыйынды* «обрезки, остающиеся после кройки одежды», *юзмелт* «небольшой виток чесаной шерсти, готовый к прядению» и т. п.; по кулинарии: *аш* «пища», *ушхууур* «ужин», *ачытхы* «закваска», *кзурмач* «жареная кукуруза», *жарма* «крупа», *кзууут* «толокно», *тыммыл* «плоская лепешка без начинки», *ху-дур* «похлебка из воды и муки, иногда с молоком», *сохта* «домашняя колбаса из печени и жира» и др.

В современном карачаево-балкарском языке наиболее интенсивно создаются общественно-политические термины. Таковы, например: *унукъдуруу* «гнет», *кзол кётюрюу* «голосование», *иш хакъ* «заработная плата», *айырычуу* «избиратель», *миллетчилик* «национализм», *аманлыкъчы* «преступник» и т. д. Большое развитие получили и школьные грамматические термины: *ачыкъ таууш* «согласный звук», сингармонизм, *бёлум* «слог», *тамыр* «корень», *мурдор* «основа», *ат* «имя существительное», *болуш* «падеж», *айырма даража* «превосходная степень», *санау* «числительное», *алмаш* «местоимение», *сёзлеу* «наречие», *этим* «глагол», *араш айырма* «взаимно-совместный залог», *толтуруу* «дополнение» и др.

Основными способами образования терминов являются лексико-семантический, морфологический (аффиксальный) и синтаксический. При образовании терминов лексико-семантическим способом происходит закрепление за словом нового значения. «При этом звуковой комплекс остается без изменения» [4, 77]. Если взять, например, термины швейного дела, то по этому методу образованы названия: *бурун* «нос» — (*чындайны*) *буруну* «мысок чулка», *жагъа* «берег» — *жагъа* «воротник», *аркъау* «поперечный брус крыши дома» — *аркъау* «уток ткани» и т. п.

Морфологический способ заключается в том, что к корню слова присоединяются словообразовательные аффиксы, создавая вторичные корни, т. е. основы. Таковы термины: *ийириучю* «прядильница» от *ийириу* «прядение», *олтанлыкъ* «материал, пригодный на подметки» от *олтан* «подметка», *тобукълукъ* «накладка на коленный сустав для утепления» от *тобукъ* «колесо» и т. д.

Синтаксическим (аналитическим) способом образуются сложные термины, о которых Г. О. Винокур пишет: «Одним из языковых средств систематизации терминов является двусоставный термин, одна часть которого яв-

ляется у него общей с другими терминами, а другая служит его отличительной характеристикой в ряду смежных понятий» [7, 13]. Этим способом образованы, например, термины: *мешина ийне* «машинная игла», *гуржабай ийне* «вязальная игла для кружев», *кийим тигшучю* «портной», *кийим бичшучю* «закройщик», *галепей кёнчек* «брюки-галифе», *кенгбухчакъ кёнчек* «брюки навыпуск» и др.

В отличие от нетерминов, многие из которых многозначны, термины в пределах одной науки должны обладать однозначностью. Это – требование к идеальным терминологическим системам [25, 176]. В реальных существующих терминологиях немало терминов, которым присуща так называемая категориальная многозначность, например: *жамау* «латание», «починка одежды» и *жамау* «латка»; *чулгъау* «обмотка» (процесс) и *чулгъау* «портянка» и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акбаев Ш. Х. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка (опыт сравнительного и сравнительно-исторического изучения). Черкесск, 1963.
2. Бардаев Э. Ч. Современный калмыцкий язык // Лексикология. Элиста, 1985.
3. Баялиев А. Киргизские народные термины промысловой охоты. Автореф. дис... канд. филол. наук. Фрунзе, 1972.
4. Бозиев А. Ю. Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1965.
5. Будаев А. Ж. Общие сведения о карачаевцах и балкарцах, карачаево-балкарском языке // Проблемы обучения родному и русскому языкам в балкарских и карачаевских школах. Нальчик, 1991.
6. Будаев А. Ж., Узденова Л. А. Рекомендации по унификации грамматической терминологии карачаево-балкарского языка в школьных учебниках. М., 1987.
7. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования русской технической терминологии // Труды Московского института истории, филологии и литературы. Т. V. Сборник статей по языкознанию. М., 1939.
8. Гузеев Ж. М. Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик, 1984.
9. Гузеев Ж. М. Предисловие к «Толковому словарю карачаево-балкарского языка». Т. 1. Нальчик, 1996.
10. Доскараев Ж. Материалы профессиональной лексики в языке аральских и каспийских рыбаков // Вопросы истории

диалектологии казахского языка. Вып. 1. Алма-Ата, 1958 (на казах. яз.).

11. Жаппуев А. А. Термины земледелия в карачаево-балкарском языке. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. М. 1974.
12. Ибрагимов С., Асамутдинова М. Отражение профессиональной лексики в «Девону лугат-ит тюрк» и Кудадгу билиг // Советская тюркология. Баку, 1972. № 1.
13. Калинин А. В. Лексика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1978.
14. Климов Г. А., Шагиров А. Общекавказское название плуга // Лексико-грамматические особенности языков Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1990.
15. Отаров И. М. Профессиональная лексика карачаево-балкарского языка (на материале названий одежды и обуви). Нальчик, 1978.
16. Отаров И. М. Очерки карачаево-балкарской терминологии. Нальчик, 1987.
17. Прёhle. 1909: W. Pröhle, Karatschaisches Wörterverzeichnis Keleti Szemle. Bd. X. Budapest, 1909. S. 83–150.
18. W. Pröhle. Balkarische Studien I, Keleti Szemle. Bd. XV, Budapest. 1914–1915. S. 164–276.
19. Трубочев О. В. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.
20. Улаков М. З. Термины животноводства в карачаево-балкарском языке. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Баку, 1983.
21. Филин Ф. П. Некоторые вопросы функционирования и развития русского языка // ВЯ, 1975. № 3.
22. Филоненко В. П. Загадки горцев Северного Кавказа // Уч. зап. ПГПИ. Т. 15. 1957.
23. Фомина М. И. Современный русский язык // Лексикология. М., 1983.
24. Хаджилаев Х.-М. И. О различиях в лексике карачаевского и балкарского вариантов современного литературного карачаево-балкарского языка // Советская тюркология, 1979.
25. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1964.
26. Юлдашев А. А. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972.

ОБ ОДНОКОРЕННЫХ СИНОНИМАХ В СОВРЕМЕННОМ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В карачаево-балкарском языке довольно много слов различающихся словообразовательными аффиксами, в совпадающих в значении. У одних из них аффиксы самостоятельные, а у других они являются вариантами одного и того же аффикса. Ср., например: *тракторчу* *тракторист*, *байлам* – *байлау* «союз (грам.)», *тилтя* *тилкзай* «зайка» и *солакзай* – *солэгзай* «левша», *томуру* – *томурау* «чурбан, чурка, обрубок бревна», *бугзумуч* *бугзулуч* «прятки» и др.

Среди лексикологов нет единого мнения о том, куда отнести такие слова: к морфологическим вариантам одного и того же слова или к однокоренным синонимам. Так, по мнению А. И. Смирницкого и О. С. Ахманова слова, имеющие общий корень и разные аффиксы, являются словообразовательными (или морфологическими) вариантами, поскольку в них тождество лексико-семантического значения и тождество корневой морфемы доминирует «...над ничего не выражающим внешним различием (различием словообразовательных аффиксов. М. А.) и подавляет его» [1, 24; 2, 214]. Это же мнение разделяют и тюркологи [3, 77–78], [4, 63–96], [5, 99–101] и др.

Ряд авторов [6, 130–132], [7, 151–163], [8], [9, 18], [10, 107] придерживается мнения, согласно которому однокоренные слова с неодинаковыми словообразовательными аффиксами следует квалифицировать самостоятельными словами-синонимами. Последние 25–30 лет явно превалирует это мнение, правда, некоторые исследователи, например Р. П. Рогожникова, вместо термина «однокоренные синонимы» употребляет термин «однокоренные слова», что представляется нам менее удачным. Имеется и третья точка зрения, сторонниками которой являются С. Г. Бережан, О. И. Москальская, З. Г. Уразбаева и некоторые другие. Из однокоренных, но разноаффиксальных слов синонимичными они признают только такие, которые обладают семантико-стилистическими или только семантическими различиями. Например, С. Г. Бережан [1, 149–151] и О. И. Москальская [12, 57] однокоренные слова

разной аффиксальной частью считают синонимами только при наличии у них семантических и стилистических различий, при отсутствии же этих признаков квалифицируют их морфологическими (или словообразовательными) вариантами. З. Г. Уразбаева при разграничении однокоренных синонимов и морфологических вариантов слова придерживается чисто семантического принципа: однокоренные слова с разными аффиксами она считает синонимами при частичном совпадении их значений, а при полном совпадении значений относит такие слова к словообразовательным вариантам [4, 25].

Таким образом, при разграничении однокоренных синонимов и морфологических вариантов слова одна группа исследователей учитывает как содержательную, так и формальную сторону подобных языковых единиц, а другая – только содержательную сторону их.

Теоретические разногласия по данной проблеме отражены и в составлении общелингвистических словарей. Например, в «Карачаево-балкарско-русском словаре» (М., 1989) однокоренные синонимы *бешеу*–*бешеулен* «пятеро», *британлы* – *британчы* «британец» приведены как варианты слов (в одной словарной статье), а морфологические варианты слов *солакзай* – *солэгзай* «левша», *томуру* – *томурау* «чурка, чурбан, обрубок бревна» – как разные слова-синонимы.

Более приемлемой представляется нам точка зрения исследователей первой группы по следующим соображениям. Признание синонимами не всех однокоренных слов с разными аффиксами, а лишь тех из них, которые имеют какие-либо семантические различия, приводит к непризнанию синонимами слов, совпадающих в значении (ср. русск., *бегемот* – *гиппопотам*, карач.-балк. *хораз* – *адакга* – *кзыттай* «петух»), что противоречит давно укоренившемуся у лингвистов мнению о лексических синонимах.

Функционально-стилистические различия также не могут быть критерием синонимичности или несинонимичности однокоренных слов с разными аффиксами, так как в каждом языке имеется большое количество синонимов однокоренных и разнокоренных, не имеющих таких различий (ср. карач.-балк. *бугзумуч* – *бугзунчакъ* «прятки», *бешеу* – *бешеулен* «пятеро», *боксёр* – *боксчу*, *иги* – *ахшы* «хороший, хорошо», *аман* – *осал* «плохой», «плохо», *алай* – *болсада* «но, однако» и др.)

взаимодействие устной и письменной разновидностей литературного языка, тенденция к экономии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирницкий А. И. К вопросу о слове: Проблема тождества слова // Труды Института языкознания АН СССР, 1954. Т. 4.
2. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии М., 1957.
3. Юлдашев А. А. Принципы составления тюркско-русских словарей. М.: Наука, 1972.
4. Уразбаев З. Г. Вариантность слова в современном башкирском литературном языке: Диссертация. Уфа, 1982.
5. Гузев Ж. М. Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик: Эльбрус, 1984.
6. Филин Ф. П. О слове и вариантах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.: Л., 1963.
7. Рогожникова Р. П. Соотношение вариантов слов, однокоренных слов и синонимов // Лексическая синонимия. М., 1967.
8. Степанова В. В. Форма слова в аспекте лексикологическом (лексико-системном) // Герценовские чтения, 26. Л., 1973.
9. Горбачевич Н. С. Вариантность слова и языковая норма Л.: Наука, 1978.
10. Граудина К. С. Вопросы нормализации русского языка Грамматика и варианты. М.: Наука, 1980.
11. Бережан С. К. О синонимичности однокоренных слов с разной аффиксальной частью // Лексическая синонимия. М., 1967.
12. Москальская О. И. Вариантность и дифференциация в лексике литературного немецкого языка // Норма и социальная дифференциация языка. М., 1969.

ГРАММАТИКА

С. М. ХУБОЛОВ

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Фразеология является относительно молодой отраслью языкознания. Однако она имеет значительные успехи как в исследовании общих проблем фразеологической теории, так и в изучении устойчивых словесных комплексов конкретных языков.

Большое внимание изучению вопросов фразеологии уделяется исследователями тюркских языков. Фразеологическим единицам ряда тюркских языков посвящены крупные монографические и диссертационные работы, не говоря уже об отдельных статьях [1]; [2]; [5]; [7]; [8]; [9]; [10, 11] и др.

Интерес к фразеологической проблематике в тюркском языкознании все возрастает. В этих работах освещаются такие вопросы, как предмет и задачи фразеологии, основные признаки фразеологизмов, границы и объем фразеологии, семантические признаки фразеологизмов, грамматические разряды фразеологических единиц, стилистическое использование фразеологизмов, сочетаемость фразеологических единиц и др. В них, однако, не все вопросы получили должного освещения. Одной из малоразработанных проблем в сфере фразеологии является функциональная роль фразеологических единиц, т.е. в качестве каких членов предложения могут выступать те или иные грамматические разряды фразеологизмов. За исключением монографий М. Ф. Чернова [11, 133-135, 144] в других работах, посвященных вопросам фразеологии тюркских языков, данная проблема не получила никакого освещения.

На наш взгляд, разработка этой проблемы имеет большое значение, особенно, при изучении вопроса о средствах выражения членов предложения. В данной статье мы попытаемся описать, ни в коей мере не претендуя на все-

общий охват, синтаксические функции фразеологизмов карачаево-балкарского языка.

Фразеологизмы соотносятся с различными частями речи. Соотносимость фразеологизмов с частями речи определяется их лексико-грамматическим значением. В карачаево-балкарском языке по соотносительности с той или иной частью речи выделяются четыре основных семантико-грамматических разряда фразеологизмов: субстантивные, адъективные, адвербиальные и глагольные.

При соотношении фразеологизма с той или иной частью речи учитываются такие грамматические и семантические свойства фразеологического оборота, как способ выражения грамматически господствующего компонента, синтаксическая функция фразеологизма, семантические особенности фразеологизма, сочетательные способности фразеологизма и др. [4, 204].

К субстантивным фразеологизмам прежде всего относятся обороты, грамматически господствующим компонентом которых выступает имя существительное. Они являются обозначениями предметов, явлений, лиц. Подобно именам существительным, они обладают категориями лица, падежа, принадлежности. Субстантивные фразеологизмы преимущественно образуются из сочетаний существительного с существительным и прилагательного с существительным: *сёз къапчыкъ, багъыр бет, кёз чырагъы, сары алтын, тюзсюз челек* и др.

Адъективные фразеологизмы соотносятся с именами прилагательными. Как и последние, они обозначают признак предмета. Но в отличие от прилагательных они не только обозначают признаки предметов, но и дают этим признакам экспрессивно-оценочную характеристику [11, 125]. В структурном отношении данный тип фразеологизмов характеризуется, в отличие от субстантивных, большим разнообразием. Адъективные фразеологизмы строятся по таким схемам, как прилагательное + прилагательное, числительное + прилагательное, существительное в форме разных падежей + причастие, деепричастие + причастие и др.: *ачы тилли, аман бетли, бир сёзлю, къан къайнатхан, къаяланы тепдирген, бетине уялмагъан, ташдан суу сыкъгъан, барып тохтагъан* и т. д.

Адвербиальные фразеологизмы, семантически и функционально соотносительные с наречиями, занимают большое место в системе фразеологии карачаево-балкарского языка. Общей их характеризующей чертой является

экспрессивно-оценочное, эмоциональное определение признака действия.

С точки зрения формальной структуры наречные фразеологизмы карачаево-балкарского языка достаточно разнообразны, они бывают двух-, трех- и более компонентными и строятся по различным моделям: *аякъларын сюйрей, бетин тургъузуп, къарыны атылгъынчы, терс кёз бла, ит бла кишитик кибик, кёзюмю аллында, башымы кёзлума алып, аякъ тюзюнде чёп сынмай, артына-аллына къарамай, кзуру айланган, кзуйрукъсуз ит кибик* и др.

Фразеологические единицы, стержневыми компонентами которых выступают глаголы, являются самыми многочисленными и отличаются наибольшим разнообразием структурных типов. Распространенность соответствующих фразеологизмов объясняется конструктивным богатством глагола, «глагол – самая сложная и самая емкая грамматическая категория языка. Глагол наиболее конструктивен по сравнению со всеми другими категориями частей речи» [3, 337].

Свое значение глагольные фразеологизмы выражают в основном в тех же категориях и формах, какие свойственны глаголам. В них формы глагольного словоизменения являются свойством не одного глагола, а всего сочетания в целом. Глагольное слово придает им категориальное значение глагольности и служит средством связи с другими слогами или устойчивыми словесными комплексами в высказываниях. Роль глагола в исследуемых соединениях слов значительна. Глагольный компонент выступает основным элементом, оформляющим их грамматическую семантику и важным синтагматическим средством. Именно глаголы вносят в глагольные фразеологизмы всю совокупность форм и значений, присущих им как семантически целостным единицам языка [11, 152].

По структуре глагольные фразеологизмы бывают двух-компонентными, трех- и более компонентными и строятся из сочетаний различных частей речи и глагола.

Синтаксические функции вышеперечисленных грамматических разрядов фразеологизмов в основном совпадают с синтаксическими функциями тех частей речи, с которыми они соотносятся.

Синтаксические функции субстантивных фразеологизмов в основном совпадают с аналогичными функциями существительных [6, 81]. Эти фразеологизмы в предложении могут употребляться:

1. В роли подлежащего: *Тёрт юйюнде да кюйюзде элинг басар жеринг жокъду* (Х. А.) «В доме столько ковров, что негде ногой ступить». *Былань уа жанларында къара капеклери жокъду* (М. Б.) «У них нет ни гроша». *Къабаханга барайым, ол ундан къуру болмаз, аны арт кыстырыггы болуучуду* (С. Ш.) «Схожу к Къабахан, у нее бывает мука, она всегда запасливая».

2. В роли дополнения: *Бу башсыз тиширыуну уа нечакгыргандыла?* (Ж. З.) «А эту вдову почему вызвали?» *Мында чий беллеге жер жокъду* «Здесь нет места лентяям». *Ол итти баласын а бир кёрге эдим* (фольк.) «Мне бы встретиться с этим щенком».

3. В роли определения: *Масхутну къаты кгол келинчиги да башын кётюрюрге кюрешеди* «Эта жадная сноха Масхуда и то пытается возникать». *Сакъ болургъа керекди, къара жюрек адамла къайда да тубейдиле* «Надо быть осторожным, недобрые люди везде встречаются». *Аныча ачыкъ жюрек адамлагъа мен тубеменге* «Такого доброго человека, как она, я не встречал».

4. В роли сказуемого или в составе сказуемого: *Сени жауунгу да кголу жукъаргъа эди... кголунгда болса ийнан тенгинг да боллукъду, жууугъунг да боллукъду, сыйынг да боллукъду* (О. Х.) «Чтоб враги твои обнищали... если ты богат, поверь, и друзья найдутся, и родственники будут, и уважение будет». *Аскерни эки кголу алтынды* «Жанкылыч» «У Аскера руки золотые». *Къызгъанчылыггы да аны кибик бир адамны кголундан келмезча, алай къаты кгол адамды* (Х. А.) «Настолько он жадный, что второго такого не найдешь».

Следует отметить, что некоторые субстантивные фразеологизмы могут выступать лишь в определенных функциях, что объясняется более ограниченными возможностями синтагматических вариаций этих фразеологизмов по сравнению с их свободно-синтаксическими вариантами.

Синтаксические функции адъективных фразеологизмов в целом совпадают с такими же функциями имен прилагательных. Эти фразеологизмы в предложении могут быть:

1. Подлежащим: *Тийреде узун тиллиле аны юсюнден аман хапарны жайып тебиредиле* (М. Б.) «Соседи с длинными языками начали распространять о нем плохую весть». *Хар ишде тюз ниетли, терс боюнлу да тубейдиле, тюз ниетли терс акъыллы бла кюреше, жашау алгъа алай барады* (З. Т.) «В любом деле встречаются и хорошие и плохие, жизнь течет в борьбе хорошего с плохим». *Бизде бир къауум май жюреклиле иги адамны жерге жутдургъунчу тынчлыкъ тапмайдыла* (Х. А.) «У нас некоторые завистливые люди не находят себе места, пока не загонят хорошего человека в землю». *Тили аман халкъны булгъар* (Посл.) «Злоязычный посеет смуту в народе».

2. Дополнением: *Чомур, аллах урганны юсюнден мен не айтайым* (О. Х.) «Чомур, что я могу сказать об этом безбожнике». *Бурунун сюрте билмегенлеге оноу берсенг, иш алай боллугъу белгили эди* «Когда несведущему доверяешь дело, ясно было, что он его завалит». *Ол бети къамамагъанни манга бир таптырыгъыз, мен аны жерине салырма* «Найдите мне этого наглеца, я поставлю его на место».

3. Определением: *Ауруу эсиртген къарт башын жастыкъдан алмай жатады* (Х. А.) «Обессиленный болезнью, старик лежит, не поднимая головы». *Ахырында къалияр къазарыкъ ахлула каклары болмагъан жерге къалакъларын сугъуп, Ийналукъну сюйгенича этерге къоймадыла* (З. Т.) «Под конец родственники, чтоб им неповадно было, сунув нос не в свое дело, помешали Ийнадуку поступить по своему». *Бети кгалын адамны сёз бла уялтмазса* (Посл.) «Бессовестного человека не пристыдишь словом».

4. Сказуемым или компонентами сказуемого: *Сени жашынг санга аман кёрюннгенликге, ол антын ханты бла ашагъанладан тюйюлдю* (О. Х.) «Хотя ты не доволен своим сыном, он не из тех, кто бросает слова на ветер». *Сизден кгалгъанла уа хуна тешикденми чыкъгъандыла* (Ж. З.) «А что, другие, кроме вас, с неба что ли

свалились». *Киеуонгу да жылы келгенликге, саулай Кэрачайны башын аулап турган бир адамды* (М. Б.) «Хотя твой зять и в возрасте, он является одним из руководителей Карачая». *Алий, тынч кёрюннгенликге, башына бёрк кийгенледенди* «Хотя Алий кажется спокойным, он очень смел».

Следует указать, что адъективные фразеологизмы, хотя и редко, в составе деепричастного оборота могут употребляться в роли обстоятельства: *Раяны атасы, жашауну иги кесек сюрген киши болганлыкыгга, саулукзлу, тири адамды* (Ж. Т.) «Отец Раи, хотя и прожил довольно долго, все еще бодр и здоров». *Ала, сени жаларыгынг болганын кёрюп, сени алдаргга шуёх боладыла* (Фольк.) «Видя, что ты состоятелен, они набиваются в друзья, чтобы тебя обмануть».

Синтаксические функции адвербиальных фразеологизмов

Синтаксические функции адвербиальных фразеологизмов в целом совпадают с аналогичными функциями наречий. Следует отметить, что данные обороты чаще всего в составе предложений употребляются в роли обстоятельства образа действия, это, по-видимому, связано с функциональным своеобразием адвербиальных фразеологизмов. Их основное назначение в языке – это живое, рельефное отображение признака действия (11, 144): *Жютю кёз Солтанбек, кёз жумуп ачхынчы, Мироновну аллына секирди* (Ж. З.) «Остроглазый Солтанбек в мгновение ока оказался перед Мироновым». *Аркзасында да кзошкзулакз кзауалы бла Сафар, аякзларын сюррей, мыккыл барады* (З. Т.) «С двухстволкой за спиной Сафар идет еле волоча ноги». *Игилеге, ахшылагга тынгыламай, таякз башларын турггузуп, тапхан аманлыкзларын этип айланадыла* (Х. А.) «Не слушаясь никого, приняв грозный вид, они занимаются вредительством». *Толтурган а алай этерсе, алай да, аягынг басханны кёзюнг кёрмей этерсе* (И. Б.) «Это ты как миленький выполняешь!».

Наречные фразеологизмы, хотя и редко, в предложении употребляются в функции сказуемого или в составе сказуемого: *Бизни мёлеуше уа бютюнда бу арт кезиуде кёз ачдырмай башлагганды* (Э. Г.) «Наша мёлеуше в последнее время не дает глаз раскрывать». *Жамиляны ачыуу*

кёпден, ышаргзаны да кзар кюн тийген кибикди «У Жамили столько горя, что она улыбаться не может».

Синтаксические функции глагольных фразеологизмов

Синтаксические функции глагольных фразеологизмов в основном совпадают с аналогичными функциями глаголов. Наиболее часто они встречаются:

1. В роли сказуемого: *Ферманы таматасы болганлыкыгга, ол жангыз бир ишден баш бурмайды* (О. Х.) «Хотя он заведует фермой, ни от какой работы не уклоняется». *Окзугган кзураным бла ант этеме, абиреклеринги кзайда болганларын айтсанг, башынга бош боллукзса* (И. Б.) «Клянусь Кораном, если скажешь, где твои абреки, ты получишь свободу». *Мени кзолумдан келлик тжюйдю, ансы бауурум бла барыр эдим* (Я. З.) «Это не в моих силах, а то я ползком бы добрался». *Адыхамны тжюнде жашы миниучю ажирни кёргенде, Ёрюзмекни кёзлерине кзан чапды* (Ж. З.) «Когда Ёрюзмек увидел под седлом Адыхама жеребца своего сына, у него глаза кровью налились». *Чырпыла ичинде айыуну эсlegenде, Мазанны тобукзлары кзалтырадыла, кёзлери мангылайына чыкздыла* (Ш. М.) «Когда в зарослях увидел медведя, у Мазана ноги подкосились, глаза на лоб полезли». *КзанаMAT Кзьямытны уланындан туугзанны, хайда айланнганды да, ахшы кзундуз ийлеуюн бергенди* (Х. А.) «КзанаMAT дал взбучку внуку Кзьямыта». *Ийнек кибикледен бири ажашып, ингирде юйге кзайтмай кзалгган эди да, аны излей, бюгече жанымдан тойдум* (Б. Г.) «Одна из коров потерялась, в поисках ее за ночь сильно истомился».

2. В составе сказуемого: *Аха, энди мында да жжююсханланы аякз тжюплеринде жер жана башлагганды* (И. Б.) «Аха, теперь и здесь у господ начала гореть земля под ногами.» *Керти адамгга керти билек болургга керекбиз* (Ж. З.) «Для настоящего человека мы должны быть прочной опорой». *Саусузланып турган Сжюдюм а, бу хапарны эшитгенде, бютжюнда кётжюрем болду, эси тайып кзалгган эди* (Ж. З.) «Когда захворавшая Сжюдюм услышала эту весть, у нее ноги подкосились, она потеряла сознание». *Саматны атасы Хажимурза элде кзан кзайнатхан адам болгганды* (Х. Ш.) «Отец Самата Хажимурза был в селе могущественным человеком».

3. Обстоятельства: *Ибрагим, баш бла, тюр бла да журюр, бир талай адамгъа тюрбеди* (Б. Г.) «Ибрагим ухитрился встретиться с несколькими людьми». *Бир къауумла ишни къолайсызлыгъын кърюр, башларын алып тышына кетедиле* (Х. К.) «Некоторые, убедившись в бесперспективности задуманного, взяли и ушли». *Ол, атына кишен салып, ушкогун къолуна алгъанлай, тегерегине кзулакъ ийгенлей, терен сагъышла этеди* (С. Ш.) «Он, стреножив коня, с винтовкой в руках, прислушиваясь вокруг, ушел в глубокое раздумье». *Болмачы затны бармакыгъа чърген, адамланы къанларын бузуп тургъанны къояргъа керекди* (Х. Ш.) «Придравшись к пустякам, хватит портить людям кровь».

Хотя и реже, но глагольные фразеологические обороты употребляются и в роли других членов предложения. Они могут быть:

а) подлежащим: *Къызгъа терс кезден къарау эски дуняны кююдю* (Ш. М.) «Пренебрежительное отношение к женщине – пережиток прошлого». *Сафар болмаса, алагъа сёзю ётерик жокъду* (О. Х.) «Кроме Сафара, на них ничьи слова не действуют». *Жаралылары ичинде не жарасыны уллулугъун, не къркзуулугъун айтып тыкъсыгъан, не эс ташлагъан кърюмеди* (О. Х.) «Среди раненых не было ни таких, которые жаловались на боль или на опасность раны, ни потерявших сознание».

б) дополнением: *Таматасы аскерден келгинчи, башына иш этмезлигин билеме* (О. Х.) «Пока старший не вернется из армии, знаю, что не создаст семью». *Алим сизни да, кесин да бет жарыкылы этеригине ышаныгъыз* (О. Х.) «Не сомневайтесь в том, что Алим ни себя, ни вас не подведет». *Къызны бети бла ойнагъанга кечим болмазгъа керекди* (О. Х.) «Не должно быть никакой пощады тому, кто посягнет на честь девушки»;

в) определением: *Бизни хар билубиз боюнбузгъа салынган жумушну тынгылы тибурайыкъ* (Х. К.) «Каждый из нас пусть выполнит порученное ему дело на совесть». *Атанг ауруйду, не амал этерге билмейме. Аны жанын кгалдырлыкъ бир дарман барды* «Нартла» «Твой отец болен, не знаю, как помочь. Есть одно лекарство, которое сохранит ему жизнь». *Бир тыпыргъа къарамагъан юйдеги кзыйын тюзеледи* (О. Х.) «Семье, где нет единства, трудно на ноги стать».

Как свидетельствуют языковые факты, фразеологические единицы карачаево-балкарского языка в функ-

циональном отношении характеризуются весьма широким диапазоном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахунзянов Г. Х. Идиомы (исследование на материале татарского языка): Автореф. дисс. ... д-ра. филол. наук. Казань, 1974.
2. Байрамов Г. А. Основы фразеологии азербайджанского языка: Автореф. дисс. ... д-ра. филол. наук. Баку, 1970.
3. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1972.
4. Жуков В. П. Русская фразеология. М., 1986.
5. Муратов С. Н. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М., 1966.
6. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка. М., 1976.
7. Нелунов Г. А. Глагольная фразеология якутского языка. Якутск, 1981.
8. Рахматуллаев Ш. Некоторые вопросы узбекской фразеологии: Автореф. дисс. ... д-ра. филол. наук. Ташкент, 1966.
9. Ураксин З. Г. Фразеология башкирского языка. М., 1975.
10. Хертке Я. Ш. Фразеология современного тувинского языка. Кызыл, 1978.
11. Чернов М. Ф. Фразеология современного чувашского языка. Чебоксары, 1985.

М. А. БИРАБАСОВА

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НОГАЙСКОМ И КАРАЧАЕВО- БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Сложное предложение – особая единица языка. «Содержанием сложного предложения как единицы языка является определенное отношение между двумя событиями. Сложное предложение – это целостное образование, состоящее из двух или нескольких предикативных структур, в основание которого положена модель предложения – двусоставного или односоставного» [6, 15]. Исходя из этого, карачаево-балкарские лингвисты пишут, что «сложное предложение – синтаксическая конструкция с двумя и более предикативными центрами, сопровождаемая единой интонацией сообщения и выражающая определенную цельную мысль» [4, 518].

Компоненты сложного предложения взаимосвязаны. Их зависимость друг от друга разнообразна. Отличие во взаимоотношениях компонентов сложных предложений является основополагающим аргументом для разделения их на сложносочиненные и сложноподчиненные. В сложносочиненных предложениях компоненты равноправны, а в сложноподчиненных предложениях один из них (главное предложение) занимает грамматически ведущую позицию, а другой – зависимую позицию.

Отсюда видно, что сложноподчиненное предложение представляет собой сочетание двух структур – главной и придаточной части, поэтому нужно изучить как форму придаточного, так и форму главного предложений, а также отношения этих форм как конструктивных элементов единого синтаксического построения, только в единстве обладающего коммуникативной самостоятельностью.

Рассматривая сложноподчиненное предложение как единство формы и содержания, необходимо исходить прежде всего из содержательного отношения между подчиняющим и подчиненным предложением, связанным с главной частью сложного целого с помощью союза, союзного слова или без них, т.е. с помощью подчинительной интонации. Учитывая это, по средствам связи компонентов сложноподчиненные предложения можно делить на следующие группы:

- а) союзные сложноподчиненные предложения;
- б) сложноподчиненные предложения с союзными словами;
- в) бессоюзные сложноподчиненные предложения.

Обзор имеющейся литературы показывает, что вопрос о первых двух типах сложноподчиненного предложения изучен сравнительно глубоко, а сложноподчиненные предложения третьей группы пока еще не стали объектом специального исследования. В ногайском языкознании они никем не рассматривались, это и послужило причиной выбора темы настоящей статьи.

Ногайский язык является младописьменным. Изучению его синтаксического строя пока никакого внимания не уделено. В работе проф. Н. А. Баскакова «Ногайский язык и его диалекты» (1940) даны краткие сведения о сложном предложении и его типах. То же самое можно сказать и о школьном учебнике ногайского языка.

Бессоюзные предложения, не имея формальных средств выражения связи между частями, наделены по-

чти неограниченными возможностями чисто интонационной передачи отношений смысловой и синтаксической зависимости. Общим признаком бессоюзных сложных предложений является особый характер их интонации: первая часть, как не вполне завершенная, сопровождается предупредительной интонацией и паузой перед началом второй части. Кроме того, вторая часть в подобных предложениях предстает как конструктивно-обусловленная всем составом или отдельными членами первой части сложного предложения [6, 23].

«Придаточные части бессоюзных сложноподчиненных предложений могут служить дополнением к главному предложению, выражать причину, следствие или условие того, о чем говорится в главном. Смысловая связь в этих предложениях в устной речи выражается интонацией, а на письме – постановкой соответствующих знаков препинания» [5, 201].

Имеющийся в нашем распоряжении материал показывает, что в ногайском и карачаево-балкарском языках бессоюзными могут быть не все типы сложноподчиненных предложений. В соответствии с поставленной задачей приведем все типы сложноподчиненных предложений, компоненты которых связываются между собой с помощью подчинительной интонации.

1. Наиболее часто встречаются конструкции, в которых придаточное подлежащее присоединяется к главному при помощи интонации. В таких сложных конструкциях подлежащее в главном предложении отсутствует. В силу необходимости возмещения отсутствующего подлежащего за главным предложением следует подлежащее предложение» [4, 542]. Например: ногайск. *Белгилиди: кыстан сонъ язлыкъ келеди* «Известно: после зимы приходит лето». *Ким ийги окыса, мактавга ол калар* «Кто хорошо учится, заслуживает похвалы». Карач.-балк. *Тюздю: сен ол заманда заводда ишлей эдинг* «Правильно: ты тогда работал на заводе?» *Сен Москвагъа барсанг, игиди* «Если ты поедешь в Москву, было бы хорошо».

2. Сказуемое придаточное предложение при помощи подчинительной интонации присоединяется к главному предложению и между ними ставится двоеточие, например, ногайск. *Меним сага айтаягым солды: ийги окы, уйкенлерге тынъла, атынъды аьрувлик пен айттыр* «Вот что я хотел тебе сказать: хорошо учись, слу-

шайся старших, чтобы все гордились тобой». Карач.-балк. *Бизни анда кёргенибиз олду: Муса чалгъы тишей, Азамат бычакъ билей тура эди* «Вот что там мы увидели: Муса отбивал косу, Азамат точил нож».

Иногда к сказуемому придаточного предложения бессоюзного сложноподчиненного предложения могут присоединиться частицы *-са/-се, эсе*. Например: карач.-балк. *Сиз иги окъусагъыз, бек кереклиси олду* «Если вы будете хорошо учиться, это то, что нужно». Ногайск. *Сен кайда эсенъ, мен сондайман* «Каков ты, таков и я».

3. Дополнительное придаточное предложение в бессоюзном сложном предложении употребляется в положительном положении по отношению к главному предложению. Например: ногайск. *Биз эситкенмиз: Харун институтта бесевге окыйды* «Мы слышали: Харун в институте хорошо учится». Карач.-балк. *Биз барыбыда кёргенибиз: Хасан анда кеп къатлы ариу юйле ишлетгенди*. «Мы все видели: Хасан там построил красивые многоэтажные дома».

Встречаются и такие конструкции, когда в целях особого подчеркивания значения придаточного дополнительного сосредоточения внимания слушателя на нем, говорящий иногда употребляет придаточное дополнительное типа в начале, а главное – за ним [1, 174]. Например: ногайск. *Сен институтта калсанъ, сугемен* «Хочу, чтобы ты остался в институте». Карач.-балк. *Ол заманла озгъандыла, биле болурса* «Те времена прошли, ты, наверное, знаешь?».

4. Придаточные предложения времени бессоюзного сложноподчиненного предложения в ногайском и карачаево-балкарском языках могут быть разделены на следующие подтипы:

а) придаточное предложение времени предшествует главному; его сказуемое выражается различными наклонениями глагола, за которым может следовать частица «да». Например: ногайск. *Окувынъды кутыларсынъ да, авыл школасында куллык табарлар* «Как закончишь учебу, тогда для тебя в аульской школе найдут место». Карач.-балк. *Дерслерибизни этейик да, алай барайкъз* «Выполним уроки, тогда пойдем»;

б) придаточное времени предшествует главному предложению; компоненты сложноподчиненного соединяются с помощью порядка следования их и особой подчинительной интонации как в карачаево-балкарском, так и в

ногайском языках. Например: *Сен келдинъ – мен кеттим* «Как только ты пришел, я ушел».

При произнесении с сочинительной интонацией эти же предложения станут сложносочиненными и будут означать: «Ты пришел, я ушел». И поэтому нужно иметь в виду, что в образовании таких сложноподчиненных предложений решающую роль играют порядок следования их составных частей и подчинительная интонация;

в) придаточное предложение также предшествует главному, сказуемое его выражается глаголом прошедшего категорического времени с частицей *-ма/-ме* в ногайском языке и *-мы/-ми* в карачаево-балкарском языке. Например: ногайск. *Япыраклар саргайып басладыларма, куъз этти* «Как только начинают желтеть листья, наступает осень». Карач.-балк. *Жаз келдими, сабанлада эл мюлк ишле башланьрыкъдыла* «Как только наступит весна, сразу на полях начнутся сельскохозяйственные работы!».

5. Придаточное предложение следствия стоит перед главной конструкцией и между ними ставится двоеточие. Например: ногайск. *Сузык болдым: авырдым да калдым* «Замерзла: из-за этого заболела». Карач.-балк. *Арбазда тагъылып тургъан ит юрдю: сюрючю элгенди* «Собака, привязанная во дворе, залаяла, пастух вздрогнул» [2, 198].

6. Придаточное предложение условия. Наиболее продуктивным средством объединения частей сложноподчиненного бессоюзного предложения является условная форма глагола на *-са/-се* – общая для бессоюзного подчинения всех тюркских языков, с ее помощью выражаются условные отношения между событиями, т.е. такие отношения, когда одно событие, главное, зависит от другого. Например: ногайск. *Койшы коьп болса, кой арам оьлер* «Если пастухов много, баран сдохнет»; карач.-балк. *Хар ким да кёрген къыйынлыгъыны жилиаун этип турса, жашау тохтап къалыр эди* «Если бы каждый постоянно горевал о пережитых трудностях, жизнь бы остановилась».

7. Придаточное предложение причины предшествует главному предложению, соединяется с ним интонационно и между ними ставится двоеточие. Например: ногайск. *Энди ол туйьден баста этип туры эди: кувырдакты шалгышылар баста ман йийтаган эдилер* «Теперь он

из проса готовил басту (мамалыга): жаркое косари ели бастой».

Из вышеизложенного видно, что в современном ногайском и карачаево-балкарском языках бессоюзными могут быть сложноподчиненные предложения с придаточными подлежащими, сказуемыми, дополнительными, времени, следствия, условия, причины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматов И. Х. Малкъар тил. Синтаксис. Нальчик: Эльбрус, 1992.
2. Он же. Указ. работа. С. 198.
3. Баскаков Н. А. Ногайский язык и его диалекты. М.: Л. 1940.
4. Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1976.
5. Колесникова В. А. Выступление // Вопросы грамматики тюркских языков. Материалы координационного совещания по проблемам глагольного вида и сложноподчиненного предложения в тюркских языках, состоявшегося 24–27 сентября 1956 г. Алма-Ата, 1958.
6. Пюрбеев Г. Ц. Синтаксис сложного предложения монгольских языков: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Л., 1983.

М. Б. КЕТЕНЧИЕВ

СТРУКТУРА ИМЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРЕДИКАТАМИ МЕСТА В КАРАЧАЕВО- БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Локативные предикативные конструкции изучены на материале различных языков. При этом они проанализированы и различными методами [1, 20; 2, 16]. Что же касается формально-семантической организации предложений с локативными предикатами в карачаево-балкарском языке, то этот вопрос рассмотрен не столь полно, хотя и имеется ряд научных исследований, в которых описываются локативные конструкции [3, 60; 4, 80].

В лингвистике рассматриваемые предложения делятся на две большие группы: а) предложения с динамическими локативными предикатами и б) предложения со статическими локативными предикатами. В карачаево-балкарском языке они репрезентируются рядом формаль-

ных схем, которые передают несколько семантических структур. Место локального предиката в именных конструкциях карачаево-балкарского языка занимают именные лексемы в различных падежных формах и сочетания имен с послелогом определенной семантики.

В ряде лингвистических работ отмечается, что употребление именного сказуемого в косвенных падежах не типично для тюркских языков [5, 26]. Однако имеется и прямо противоположное мнение [6, 19]. О правильности последней точки зрения свидетельствуют и факты карачаево-балкарского языка [7, 25–38].

Рассмотрим формально-семантическую структуру именных локативных предложений, бытующих в современном карачаево-балкарском языке.

Схема $C_1 - C_2$. Функционально эта схема представляет собой формулу: подлежащее + сказуемое, выраженное именем существительным в дательном-направительном падеже. Среди предложений, передаваемых этой схемой, часто встречаются конструкции, в которых предикат выражен словами, обозначающими направление движения или пункт, в который направляется субъект. Этому способствует заполнение синтаксической позиции предиката именем существительным в дательном-направительном падеже. Слово, оформленное данной падежной формой, обозначает не только направление движения, но и его предел. Примеры:

1. *Азрет Терскъолгъады* «Азрет направляется в Терскол». 2. *Машина Чегемгеди* «Машина направляется в Чегем» и т. д. Семантическая структура подобных предложений трехкомпонентна и состоит из активного субъекта движения, выраженного именем существительным в основном падеже / C_1 /, локального конкретизатора и предиката движения, совмещенных в дательном-направительном падеже имени. Локальный конкретизатор обозначает ориентир в направлении, к которому совершается движение. Общая семантика рассматриваемых предложений: направление движения как признак активного субъекта.

В данных построениях позицию подлежащего или субъекта замещают имена, обозначающие как активное лицо, самостоятельно совершающее движение, так и нелицо, осмысливающееся как способное к самодвижению. В позиции сказуемого употребляются слова с пространственным значением, которые в дательном-направитель-

ном падеже передают сему «направление движения». Подобные лексемы носят локальный характер. Вместе с тем в карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, позицию сказуемого занимают и имена объектным значением. Ср.: *Къызла Асиятхадыла* «Девушки идут к Асият». Проф. И. Х. Ахматов отмечает, что в данном случае имеет место синкретизм членов предложения и в глагольных предложениях этот компонент предлагает назвать «локализованным объектом /Олок/» [8, 185]. Пользуясь этим термином можно отметить, что S_3 в приведенных примерах служит для выражения значения локализованного объекта и предиката движения. Это подтверждает правильность мнения В. В. Бабайцевой о том, что, с одной стороны, синкретизм членов предложения свидетельствует о гибкости системы членов предложения, т. е. они способны выразить все разнообразие явлений действительности и отношений между ними. С другой стороны, все оттенки значений нельзя выразить лишь посредством типичных членов предложения, так как сами языковые значения не всегда являются однозначными [9, 139].

Схема $S_1 - C_5$. Предложения, в основе которых лежит данная формальная схема, на функциональном уровне состоят из подлежащего и сказуемого, позиция которого занята именами существительными в местном падеже. Слово в этом падеже выражает в основном пространственные отношения, поэтому ряд исследователей называют семантические компоненты предложения, передающие эти отношения, локативными [10, 154]. Они обычно обозначают местонахождение субъекта. Это такие нарицательные и собственные имена, как *юй* «дом», *таула* «горы», *шахар* «город», *эл* «село», *Москва*, *Нальчик* и т. п. Примеры: 1. *Саудат юйдеди* «Саудат находится дома». 2. *Малла орамдадыла* «Животные находятся на улице». 3. *Азрет Къашхатаудады* «Азрет находится в Кашхатау» и др. Эти конструкции двухкомпонентны и состоят из субъекта локализации и предиката локализации. Общая семантика: местонахождение как признак субъекта, это свидетельствует о том, что рассмотренный тип предложений относится к статичным локативным конструкциям. Из указанных и им подобных предложений мы узнаем не только местонахождение того или иного предмета, лица, но и место проживания человека. Они синонимичны глагольным предложениям с семантикой бы-

тия. Например: *Асхат элдеди // Асхат элде жашайды* «Асхат живет в селе».

Схема $S_1 - C_6$. Место предиката в данной схеме во многих случаях занимают слова с локативным значением, оформленные исходным падежом имени. В предложении они обозначают ориентир, от которого совершается движение. Например: 1. *Хасан къошданды* «Хасан идет из кошары». 2. *Ол Хабазданды* «Он идет из Хабазы». Они по форме двухкомпонентны, но имеют трехкомпонентную семантическую структуру, состоящую из активного субъекта движения, локального конкретизатора и предиката движения, такие предложения выражают исходную точку «движения или перемещения предмета» [12, 51] и обозначают фазисный момент, этап в движении субъекта. Их общая семантика: определение начальной точки движения субъекта. Таким образом, они прямо антонимичны предложениям, построенным по схеме $S_1 - C_3$.

В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, широко распространено явление взаимной заменяемости падежей. Наблюдается и явление замены некоторых падежных форм сочетанием имени с послелогом. Прав И. Х. Ахматов, когда подчеркивает, что даже если они взаимозаменяемы, то «падежные формы и послеложные сочетания отличаются друг от друга определенными оттенками значений» [13, 288]. Это находит свое отражение и на семантике синтаксических построений. Поэтому можно отдельно остановиться на конструкциях с локальными предикатами, выраженными послеложными сочетаниями.

В одноместных формально-семантических типах моделей именного предложения место предиката могут занимать сочетания имен с послелогом *дери* «до, вплоть до», *таба* «в направлении». Примеры: 1. *Алим шахаргга дери* «Алим идет до города». 2. *Машинала эл табдадыла*. «Машины едут в направлении к селу». Подобные предложения состоят из субъекта движения, выраженного именем существительным в основном падеже, локального конкретизатора и предиката движения, выраженных сочетанием имени с послелогом. Сочетание слова с послелогом *таба* «в направлении к» обозначает ориентир, в направлении к которому совершается действие, а послеложные сочетания с послелогом *дери* «до» — ориентир-указатель предела движения или аллатив и терминатив. Таким образом, общая семантика пред-

ложений с предикатами – послеложными сочетаниями: а) с послелогом *дери* – ситуация, обозначающая пространственный предел как конечную точку движения субъекта; б) с послелогом *таба* – ситуация, обозначающая ориентир, в направлении к которому совершается или предполагается движение субъекта. Это два частных смысла единой смысловой сущности – директива.

В современном карачаево-балкарском языке ряд предложений с предикатами, выраженными послеложными сочетаниями, обозначают и местонахождение субъекта. Это видно на следующих примерах: 1. *Ахмат аггачны къыйырында эди* «Ахмат был на окраине леса». 2. *Терскгол Минги Тауну этегиндеди* «Терскол расположен у подножья Эльбруса». 3. *Асхат кёлню жагъасындады* «Асхат находится на берегу озера». 4. *Мен къаяны эрининдеме* «Я нахожусь на краю скалы». 5. *Шалушка Нальчикни къатындады* «Шалушка расположена рядом с Нальчиком». 6. *Малла къолну ичиндедиле* «Животные находятся в долине».

Как видно из примеров, все послелогии имеют свои оттенки значений. Однако их объединяет общая семантика: местонахождение как признак субъекта.

Рассмотренный нами материал позволяет говорить о том, что в карачаево-балкарском языке семантика предложений зависит от знания компонентов, занимающих синтаксические позиции, имеющиеся в предложении. Одна формальная схема может передавать несколько семантических структур. В то же время близкие по смыслу предложения имеют и различную оформленность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попко Т. Г. Семантическая структура локального предиката в современном французском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Минск, 1988;
2. Черский А. Ю. Семантика и синтаксис предложений с локативными предикатами в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1988.
3. Ахматов И. Х. Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1983;
4. Кетенчиев М. Б. Формально-семантические модели именных предложений в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1993.

5. Игамбердыев Б. Выражение сказуемого в простых предложениях в современном узбекском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1965.

6. Акрамов Т. Именное сказуемое в современном узбекском литературном языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1967.

7. Кетенчиев М. Б. Ук. соч. С. 25–33.

8. Ахматов И. Х. Ук. соч. С. 185.

9. Бабайцева В. В. Изучение членов предложения в школе. М., 1975. С. 139.

10. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977. С. 154;

11. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988. С. 104.

12. Она же. Ук. соч. С. 51.

13. Ахматов И. Х. Ук. соч. С. 288.

М. З. УЛАКОВ

РОЛЬ УСТНОЙ РЕЧИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ НОРМЫ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Интенсивность процесса формирования и стабилизации норм уровня языка происходит в зависимости от его степени развития и от практических потребностей общества. Установленные каноны апробируются в языковой практике, в «механизме» взаимодействия всех систем языка.

Формирование норм лексической системы карачаево-балкарского языка началось с процесса перехода диалектных форм к языковому единству в пределах складывающейся народности. В условиях отсутствия собственной письменности и слабого влияния исконных письменных традиций основную роль в становлении норм лексической системы исследуемого языка оказали обобщенные формы устной речи. Источником служили традиционные каноны древнетюркских наречий, сложная цепь взаимоотношений собственно диалектов, [1, 10; 1; 1, 67–74] структурные типы и социальные функции наддиалектных форм языка.

Из-за отсутствия цельных письменных текстов, фиксирующих устную народную речь той или иной эпохи, нет возможности воссоздать объективную картину

влияния форм устной речи на формирование норм лексической системы карачаево-балкарского языка; здесь можно вести речь только о реконструированных языковых отношениях, сложившихся в результате исторических условий того времени [2, 9].

Особые обобщенные варианты устной речи предназначались в основном для ситуаций, возвышавшихся над уровнем повседневного бытового общения [3, 9]. В этом отношении наибольший интерес представляют язык фольклора и устно-поэтической литературы, изучаемые с лексико-стилистической стороны.

Если подходить хронологически, не меньший интерес в этом аспекте представляют публичная речь, язык обрядовых и религиозных действий, своеобразная фразеология, связанная с разного рода семейными и общественными ритуалами, формулы вежливости и приветствий. Иначе говоря, сюда включается вся система речевых форм, обслуживающая круг наиболее важных культурных и общественно-правовых явлений в различные периоды жизни народа. Если эту систему рассматривать в единстве, она определяется как особый вариант языка, отличающийся в сравнении с диалектной и региональной речью относительной устойчивостью лексических средств, отдельных грамматических особенностей, а также в некотором консерватизме звуковой стороны слов. Даже речь повседневного бытового общения, характерная своей вариативностью, выступает как диалект по отношению к выделенной на фоне более устойчивой и целостной в своих определяющих признаках языковой системе. Материалы показывают, что между диалектами изучаемого языка складывались определенные взаимоотношения в виде наддиалектной нормы, обслуживающей более высокие сферы общения, в том числе устную поэзию, религиозные обряды, а также основные аспекты общественной жизни ареальных коллективов, включая судопроизводство [4, 57-69].

До создания собственной письменности это соотношение сыграло существенную роль в формировании языковых норм и оказало значительное влияние на процесс перехода от диалектных форм речи к общенародному языку.

Условия для формирования наддиалектных норм речи, связанных со сферами поэзии религиозных куль-

тов и социально-правовых отношений, складывались с развитыми дифференцированными формами обрядности.

С процессами труда у карачаевцев и балкарцев тесно переплетаются исполнение песен [5, 5] и плясок [6, 3], словесная форма которых формально является элементом ритуальных действий [7, 12]. Тексты фольклорных произведений содержат богатый лексический арсенал [8].

Лексика фольклорных произведений, засвидетельствованная на архаичном материале, письменно зафиксирована после многих веков устной передачи от поколения к поколению. Для периода возникновения самих текстов была характерна так называемая актуальная норма, отличавшаяся от живой речи своими стереотипными формулами, особой лексикой, а также некоторыми архаичными особенностями грамматики и фонетики. Такая ситуация была характерна для этно-лингвистической общности кыпчакской группы тюркских языков до ее распада по регионам [9, 5-56]. Как свидетельствуют архаические элементы лексики древнетюркского языка, древнейшие идейно-поэтические традиции были богаты развитой ритуальной поэзией [10, 5] и соответственно наддиалектными формами языка, отличавшимися от повседневной диалектной речи большей устойчивостью и обобщенностью.

Позднее, уже в процессе образования карачаево-балкарской народности, унаследованные тюркские наддиалектные формы речи [11, 18-28] стали основной базой для общенародного языка. Качественно новые диалекты и говоры приобрели реальный характер. С дальнейшим развитием их перспективных черт начинается закрепление отдельных лексических средств за определенными стилистическими формами. Весь этот процесс протекал в соответствии с социально-историческим развитием общества. Таким образом, на формирование лексических норм оказывали существенное влияние экстралингвистические факторы.

С расширением общественных функций языка началась дифференциация словарного состава по тематическим группам, в результате которой отдельные лексико-стилистические подсистемы получили соответствующую стилистическую окраску, отражающую язык профессиональной деятельности карачаевцев и балкарцев. Из них наиболее развитыми оказались термины животноводства и земледелия. Закрепленные тематические группы со-

ставили и другие термины, связанные с различными сферами деятельности народа, его материальной и духовной культурой; например, термины родства, астрономические термины, названия растительного и животного мира, названия одежды и обуви, названия благородных металлов и т. п.

Заметное воздействие на лексическую норму карачаево-балкарского языка оказали не только длительные контакты его носителей с соседями [12], но также кратковременные сопряжения [13] с другими народами. Тринадцатилетние связи карачаевцев и балкарцев (в годы депортации 1943–1956 гг.) с тюркоязычными народами Средней Азии и Казахстана повлияли на состав лексики первых, например, ими заимствованы некоторые названия пищи: *манты, лагман, бешбармак* и др. В плане заимствования следует отметить особую роль устного многоязычия, которое имело трехрегиональный характер: носители Ц-диалекта, помимо родного, говорили и на дигорском диалекте осетинского языка; приэльбрусский регион владел сванским языком; жители центральных поселений и некоторые предгорные балкарцы владели кабардинским языком. Влияние этих языков изменило орфоэпию некоторых слов, что привело к разному традиционному сингармонизму и создало определенную лексическую вариативность. Например, трудно найти в каком-либо другом тюркском языке девять слов для передачи понятия «петух» — *хораз, адакга, кзычырычу, кзызылбаш, тауук эркек, эркек, кзыттай, гугурук, гугурукку*, где отражены и стилистические, и региональные, и диалектные особенности языка.

Также значительное влияние на состав словарного фонда и его нормы оказали арабо-персидские элементы. Если карачаевцы и балкарцы в сферах материального производства пользовались устной формой родного языка, то в духовной жизни — в процессах богослужения, похоронных и свадебных церемониях полностью или частично использовали арабский язык. Поэтому некоторые заимствования из арабского языка вытеснили исконные термины [14, 664].

Являясь международным региональным языком художественной литературы, персидский язык также существенно повлиял на формирование литературных языков многих [15, 217] тюркоязычных народов [16, 350–

369; 16, 302–327] в том числе и на нормы лексики поэзии карачаевцев и балкарцев [17, 5].

С усилением феодальных отношений, особенно с проникновением капиталистических элементов в Карачай и Балкарию, происходит интенсивное разделение общества на социальные слои. Это обостряет сословные противоречия в этих регионах, которые влияют на активизацию процесса социальной дифференциации языка. Имеющаяся иерархия в социальной структуре общества отражается в языке. Таким образом, нарождаются параллельно с другими лексическими средствами и альтернативные социальные лексические единицы, соответствующие запросам определенных социально-классовых сословий [18, 67–68].

Идея о возможности выделения в составе общетюркской лексики особого пласта, связанного со сферами поэзии, религии и права, а также в самой системе протоязыка формально характеризуемых слоев — «просторечного» («народного», «вульгарного») и «благородного» («поэтического», «сакрального») не является новой. Мы эту проблему связываем с гипотезой социально-сословной дифференциации феодального общества.

Процесс заимствования из русского языка начался через устную речь. Карачаевцы и балкарцы их освоили в соответствии с фонетическими законами родного языка [19, 93]. Например, *кружева — гуржаба, сход — ысход, машина — мешина* и т. д. Подобные образцы по сей день влияют на орфоэпические и орфографические нормы русских заимствований.

В годы революционных свершений была активизирована ораторская речь, которая оказала большое влияние на становление норм языка средств массовой информации. В последнее время она обрела вторую жизнь и стала активно влиять на орфоэпические нормы лексических средств карачаево-балкарского языка.

В связи с тем, что основы литературного карачаево-балкарского языка создавались на базе устной речи, нормативный статус приобретают и узуальные формы некоторых слов, характер функционирования современного языка как в письменной, так и в устной форме (в лекциях, докладах, теле- и радиопередачах, в публичных выступлениях оказывает влияние на стабилизацию норм его лексической системы. Закрепленные в устной традиции

каноны занимают постоянное место в языковом восприятии говорящих и используются в качестве единиц языка.

Известно, что нормы литературного языка не являются чем-то вечным и устойчивым, а подвергаются хоть медленным, зато постоянным изменениям. Так как язык всегда развивается вместе с обществом в определении объективной оценки современного его состояния и норм следует опираться не на сумму объективных мнений, а на анализ исторических и современных закономерностей.

До сих пор одним из неразработанных вопросов карачаево-балкарского языкознания остается его лексическая норма, без определения границ которой невозможно окончательное утверждение способов реализации слова, канонизация его форм и вариантов в литературном языке. Решение этой проблемы представляет собой уяснение вопросов соотношения нормативной и ненормативной лексики, освоения и нейтрализации заимствований, оценки качества лексикализации производственных значений и грамматических форм слова, определение приемлемых форм окказиональных слов и др. При организации речи, использовании всей совокупности языковых средств следует учитывать новые нюансы изменения в норме литературного языка с учетом традиционных форм словоупотребления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акбаев Ш. Х. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка (опыт сравнительного и сравнительно-исторического изучения). Черкесск, 1963. Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Нальчик, 1962; Аппаев А. М. Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960; Алиев У. Б. Диалектное членение языка карачаевцев и балкарцев // Вопросы диалектологии тюркских языков. Вып. III. Баку, 1962.

2. Закиев М. З. Проблемы языка и происхождение волжских татар. Казань, 1986.

3. Десницкая А. В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970.

4. Малкондуев Х. Х. О балкарско-карачаевском тэре // Мир культуры. Нальчик, 1990.

5. Рахаев А. И. Песенная эпика Балкарии. Нальчик, 1988.

6. Кудайев М. Ч. Карачаево-балкарские народные танцы. Нальчик, 1984.

7. Десницкая А. В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970.

8. Малкгар поэзияны антологиясы. Нальчик, 1969; Малкгар халкъ жырла. Нальчик, 1969; Эски кьарачай джырла. Микоян-шахар, 1940; Кьарачай-малкгар фольклор. Ставрополь, 1987.

9. Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. М., 1984.

10. Малкондуев Х. Х. Жанр и поэтика карачаево-балкарской народной лирики (дооктябрьский период). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1978.

11. Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975.

12. Суюнчев Х. И. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. Черкесск, 1977; Абаев В. И. Общие элементы в языке осетин, балкарцев, карачаевцев. (Из материалов Балкарско-карачаевской экспедиции АН СССР. 1930–1932 гг.). Язык и мышление. Т. 1. Л., 1933. Март Н. Я. Балкарско-сванское скрещение. Доклады Академии наук СССР. Серия В. № 3. Л., 1929. Мусукаев Б. Х. Балкарско-кабардинские языковые связи. Нальчик, 1984 и др.

13. Хабичев М. А. Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа. Черкесск, 1980; Его же. Венгеризмы в карачаево-балкарском языке // Вопросы сопоставительного изучения языков народов Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1978. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974.

14. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л., 1974.

15. Баскаков А. Н. Развитие функциональных стилей в современном турецком языке // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977.

16. Бабаев С. К. К вопросу о роли персидского языка в развитии языка балкарцев и карачаевцев // Вестник КВНИИ. Вып. 7. Нальчик, 1973. Будаев А. Ж. Арабо-персидские заимствования в карачаево-балкарском языке // Вестник КВНИИ. Вып. 7. Нальчик, 1973.

17. Очерки истории балкарской литературы. Нальчик, 1981.

18. Улаков М. З. Дифференциация функциональных стилей карачаево-балкарского языка // Вопросы филологии. (Тезисы докладов и сообщений республиканской научно-теоретической конференции, посвященной 40-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне). Нальчик, 1985.

19. Гузеев Ж. М. Основы карачаево-балкарской орфографии. Нальчик, 1990.

ПАЛЛИАТИВ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ
ЯЗЫКЕ

Паллиативы – это предикатные глагольные формы, представляющие действие в виде неполномерных, ущербных величин половинчатого подобия потенциального полномерного целостного тождества. Паллиативы относятся к подсистеме уникалий карачаево-балкарского глагола, каковыми являются образования типа: 1. *Келген эт*; 2. *Келиу эт*; 3. *Келгенине*; 4. *Келмегени уа*; 5. *Келгенлигиди*; 6. *Келгенлик эт*.

Эти формы представляют собой вторичные явления и имеют исходной сферой своего формирования и становления сферу коммуникативного синтаксиса, с которым обнаруживают живую связь и который объясняет причину синтетизма и аналитизма данных форм. В трансформационно-генетическом отношении последние являются синтаксическими номинализациями сказуемого базисного предложения, создающимися в процессе разнонаправленных преобразований предложения-высказывания. С точки зрения функционально-семантической их характеризует ярко выраженная рациональная или эмоционально-экспрессивная окраска, актуализирующаяся в разных плоскостях и фокусах. Их эмотивные значимости образуют градационную шкалу с уровнями: повышенный – нормативный – пониженный. Как отмечает О. В. Александрова, «экспрессивность как общезыковая категория затрагивает все сферы языка, и арсенал его выразительных средств необозрим» [1, 7]. Но каждое средство участвует в выражении экспрессивности своеобразно и особо.

1. *Келген эт* (условное обозначение – аргументатив). Представляет собой квазианалитический конструкт, возникший в результате взрыва и расщепления простого сказуемого как информационного ядра высказывания. Ср.: *Сютмю ачыгганды?* – Молоко ли прокисло? В данном примере ремой является подл. *сютмю*, темой – простое сказуемое *ачыгганды* «прокисло». Но: *Сют ачыгганды этгенди?* «Прокисло ли молоко?» имеет темой подлежащее *сют*, а ремой – сказуемое *ачыгганды этгенди* «прокисло ли» с ядерным расщеплением. Соотношение простого и расщепленного сказуемых сопоставимо с

глаголом и квазиглаголом в японском языке [ср. 24, 73]. Квазиглагольный аргументатив есть результат «деления ядра» предложения – простого сказуемого, когда оно обременено под двойной предикатной нагрузкой – грамматического и рематического сказуемых [13, 27]. Внешне квазисинтаксические отношения между номинализованной в причастной форме доминантой *келген* «прибытие» и ее служебным транзитивным репрезентантом *эт* «делать», «творить» имитируют модель прямого дополнения, управляемого переходным глаголом. Однако за видимостью аккузатива *келген* скрывается неопределенная форма квазиименительного падежа, а глагол *эт* управляет здесь мнимым прямым дополнением как каузирующее, вернее, как генерирующее его действие. В своей сущности *эт* совмещает копулятивную функцию, являясь в то же время местоименно-родовым повтором квазипричастного действия. Как результат трансформации развертывания, аргументатив представляет собой грамматализованный повтор как специальный способ выражения актуального членения предложения. Аргументатив содержит в своей семантике выражение причинно-следственных связей данного действия с другими действиями речевого единства, в силу этого он функционирует не только как фразовый предикат, но и в качестве сверхфразового предиката, т. е. как сказуемое всего речевого коммуникативного акта [ср. 15, 39; 11, 13]. На первый план в содержании этой формы выступает логизирующий, рационально-аргументирующий момент. Например, *Сют чийлей кгалса, ачыгган этерикди. Къайнатъп къой* «Если молоко оставить сырым, прокиснет. Вскипяти его».

2. *Келиу эт* (услов. обозначение – интенсив). Является эмоционально-экспрессивным коррелятом аргументатива. Как и причастие *келген*, синтаксически номинализованный квазимасдар *келиу* за видимостью квазиаккузатива скрывает потенциальный квазиноминатив. Глагол *эт* выступает в каузирующей, генерирующей масдарное действие роли, но совмещает копулятивную функцию при скрытом номинативе доминанты *келиу*. Интенсив выражает чрезмерное, избыточное, интенсивное действие, вызывающее удивление, восторг, восхищение говорящего. Как носитель повышенной эмотивной коннотации, связан с восклицательными предложениями. Напр.: *Не чабыу этеди бу ат!* «Как здорово скачет этот конь!» Эмотивно динамичный интенсив эластичен в отношении

повторной линейно-синтаксической экспансии и может редуцировать служебный глагол. Напр.: *Не чобыу этиу этеди бу ат!* «Изумительно скачет этот конь!» В этом случае четырехкратно маркируется как эмоционально-экспрессивное усиление всего высказывания, так и выделение его информационного ядра – сказуемого: удвоением масдарных форм *чобыу, этиу* и удвоением служебного местоименного глагола – *этиу этеди*. Как справедливо замечает Т. Е. Янко, «собственно стратегия построения высказывания в существенной степени канонизирована языком» [30, 47]. Важнейшим релевантным средством карачаево-балкарской грамматики, участвующим активно и универсально в канонизации стратегии высказывания, является повтор, пронизывающий все уровни языковой системы: лексический, лексико-грамматический, морфологический, морфолого-синтаксический, синтаксический и «надграмматический» синтаксис актуального членения предложения и текста, включая также фонетический уровень, где звуковой повтор является сквозным маркером экспрессивно-окрашенных параллелей нейтральных словарных единиц лексики. Напр.: *кёк* «синий», *кём-кёк* «синий-синий», *тюз* «прямой», *тюзпе-тюз* «строго прямой, абсолютно прямой» и т. д.

3. *Келгенине!* (усл. обозначение – ассертив). Данное образование представлено синтаксической номинализацией базового глагола, происходящей при трансформации свертывания исходного самостоятельного предложения во включенный, придаточный конструкт-изафет сложноподчиненного предложения. Форма квазидательного падежа ассертивного предиката первоначально детерминирована падежным управлением глагольного сказуемого главной части гипотаксиса. Таким образом, ассертив имеет изафетно-номинализованное происхождение и повышает свой статус самостоятельного сказуемого при условии ситуативной редукции главной части гипотаксиса. Ср.: полный гипотаксис: *Аны келгенине сен ийнан!* «Что он пришел, ты поверь!» При этом придаточная часть в форме 3-го изафета *аны келгенине* «его прибытию» есть диктум, а главная часть ... *сен ийнан* «ты поверь» есть модус высказывания [ср. 6, 44]. При полном, нередуцированном, гипотаксисе, придаточная часть выступает преимущественно в виде двуаффиксного, посессивного изафета [ср. 18, 24], являющегося результатом

трансформации свертывания и номинализации первого предложения базисного паратаксиса. Напр.: базисный паратаксис – *Ол келгенди, сен ийнан!* «Он прибыл, ты поверь!» – полный гипотаксис – *Аны келгенине сен ийнан!* «Ты поверь, что он прибыл», букв. «его прибытию ты поверь» – придаточная часть после редукции главной части *Аны келгенине* – ... «что он прибыл»... букв. «его прибытию»... – новая, ассертивная, структура с частичной детрансформацией – *Ол келгенине!* «Он прибыл, уверяю!»

Изначально возможность линейной редукции главной части таких гипотаксисов заложена в модально-семантических взаимоотношениях составных частей базисного паратаксиса. Его первое предложение содержит диктум и совмещает в своем самостоятельном сказуемом (*келгенди* – прибыл) грамматическое выражение коммуникативной модальности утверждения. Второе предложение паратаксиса есть дискретно-пропозиционное, в виде целой предикативной синтагмы, повторное усиленное подтверждение коммуникативной модальности первого предложения. Без последнего оно нереперентно и бессодержательно. Следовательно, подобные паратаксисы есть горизонтально удвоенное, усиленное выражение модуса только одной, первой части. При одном диктуме способ выражения его модуса оказывается чрезмерной линейной экспансией и представляет собой явление избыточности и резкой диспропорции, эта предметно-модальная несоразмерность объема высказывания и предполагает целесообразность ее устранения как фактора неравновесия и неустойчивости высказывания. Первым этапом возврата к экономии и компактности структуры высказывания является трансформация свертывания паратаксиса в гипотаксис, в результате которой диктумное, основное предложение сворачивается в посессивно-изафетную конструкцию, теряет свою коммуникативную самостоятельность и структурно-синтаксически включается в виде придаточной части в гипотаксис. В последнем «главной» частью оказывается второе предложение, являющееся пропозиционным повтором модуса диктумного предложения. Напр.: *Аны келгенине сен ийнан* «Его прибытию ты поверь». Подчинительная связь более спаянно объединяет части сложного предложения, чем сочинительная связь, цементируя единство не только просодическими, но и линейно-грамматическими сред-

ствами. Процесс трансформационного сжатия паратаксиса в гипотаксис представляет собой явление, которое особой наглядностью иллюстрирует «парадоксальные» возможности формально-семантического манипулирования и мимикрии в беспредельно динамическом механизме языкового выражения. В выше приведенных гипотаксисах объективное, предметное содержание высказывания представлено в форме свернутого компонента субъективного, модально-оценочного признака этого же содержания. Иными словами, носитель признака-диктума мимикрирует как всего лишь составная часть собственного признака, который имитирует целое, развернуто выступая в качестве коммуникативно-предикатной структуры высказывания. Поэтому гипотаксис выигрывает у паратаксиса в отношении экономии и компактности языкового выражения, но не выигрывает в отношении логической и лингвосемантической согласованности. Это противоречие разрешается путем редукции «главной», модальной части гипотаксиса, при сохранении его придаточной несамостоятельной части. Несмотря на то, что отпадению «главной» части препятствует ее рематическая значимость, тем не менее, релятивность по отношению к диктуму, ситуативная соотнесенность, а также потенциальная «готовность» эксплицироваться имплицированной в изафетной свертке свободной субъектно-предикативной связи в достаточной мере благоприятствуют такому отпадению. С осуществлением последнего оминализированно-изафетный предикат топика (темы) сам оказывается в благоприятном положении, активизирующим его коммуникативно-модальную самостоятельность — он «стоит в предложении на последнем месте, типичном для наиболее значимого слова» [29, 17]. Последнее знаменует этап формирования качественно новой синтаксической структуры предложения-высказывания, которую от гипотаксиса отличают следующие особенности: 1. Замена громоздкой гипотаксической структуры компактной синтаксической структурой простого предложения, способной к предельному линейному эллипсу; 2. Представленность экспрессивного сказуемого в изафетно-номинализированной форме квазидательного падежа и приобретение им семы коммуникативной модальности в конечной позиции предложения; 3. Замена горизонтально-дискретного выражения коммуникативно-утвердительно-модальности высказывания в виде отдельного предло-

жения вертикально-совмещенным синтетическим способом при изафетном квазидательном сказуемом; 4. Освобождение диктума от положения свернутой и зависимой части своего же субъективно-модального признака утверждения», «закономерное» включение последнего в качестве семного компонента в собственный изафетный предикат, расширение своей структуры по свободной субъектно-предикатной связи самостоятельного (целого) предложения и приближение к логической согласованности; 5. Типологически особый, гибридный характер синтаксической структуры предложения, состоящей из разноуровневых компонентов: субъекта первичного, базисного предложения и предиката как компонента вторичной, изафетно-трансформационной конструкции.

После отпадения «главной» части (*сен ийнан*) оставшаяся придаточная часть (*аны келгенине*) не может сохраняться прочно в виде изафетной «стяжки», ибо она находится в состоянии свертки из упругого материала без крепления и зажима. Она «разматывается» и «выпрямляется», т.е. претерпевает частичную детрансформацию. В результате последней из генитива (*аны «его»*) обратно восстанавливается именительный субъект (*ол «он»*). Тем самым «новорожденная» коммуникативно самостоятельная структура, сформировавшаяся из придаточной части, имеет гибридный и гетерогенный компонентный состав: *ол + келгенине!* подлежащее в именительном падеже (*ол «он»*) есть подлежащее базисного самостоятельного предложения паратаксиса, а сказуемое (*келгенине «прибыл, уверяю»*) восходит к подчиненному сказуемому придаточной части гипотаксиса и формально сохраняет свою номинализированно-изафетную природу трансформы.

Редукция главной части гипотаксиса как дискретно-линейного манифестанта модуса высказывания вызывает необходимость выразить эту манипулируемую функцию при новой структуре иным способом. Таким является сильное экспрессивное ударение, закрепляемое на конечном гласном сказуемого — *ремы*. Ср.: *Ол келгенине!* «Он прибыл — верно!» Как отмечает В. Е. Шевякова, «интонация — один из основных признаков предложения. Она сообщает слову или группе слов смысловую законченность — предикативность, превращая их в наименьшую единицу речевой коммуникации» [27, 61].

Ассертив маркирует эмоционально-экспрессивное значение усиленного, клятвенного утверждения говорящего об осуществлении действия. Как и интенсификатор, ассертив имеет повышенную эмотивную окраску. Но если интенсификатор представлен в разных временных планах дифференцированными временными формами с преобладанием активности настоящего времени, ассертив характеризуется неполной парадигмой лично-временных форм: футуральный план представлен двумя формами – определенно-необходимостной: *сэсюз да келлигине!* «безусловно придет», и неопределенно-случайностной: *ант этеме келлирине* «готов поклясться, что он придет!» План настоящего и прошедшего представлены одной недифференцированной формой: *келлигине!* «уверяю, он приходит/пришел».

Как правило, ассертив употребляется в ситуативно-соотнесенной диалогической речи, в ответной реплике говорящего как реакция на вопрос или сомнение собеседника. Имея конситуативный характер, он выступает преимущественно в эллипсе, лишь ассертивом-ремой.

4. *Келмегени уа* (условное обозначение – деплоратив). Напр.: *Ай аны келмегени уа!* «Как досадно, что он не пришел!» Рассматриваемая форма представляет собой однотипное явление с ассертивом. Как и последний, деплоратив есть новообразование в составе изафетной придаточной части гипотаксиса, который ситуативно лишается своей главной части. Ср.: полный гипотаксис – *Аны келмегени уа тапсыз болду*. «Очень некстати, что он не прибыл». В свою очередь гипотаксис есть результат трансформации сжатия базисного паратаксиса – *Ол келмей кгалды, осу тапсыз болду* «Он не прибыл, это досадно». Полный гипотаксис – *Аны келмегени уа тапсыз болду*. Как досадно, что он не прибыл (пришел), букв. Его неприбытие стало некстати, – остаточная придаточная часть после ситуативного отпадения главной части – *Аны келмегени уа!*... – а его неприбытие... – новая расширенная гибридная структура деплоративного предложения: *Ай ол келмегени уа!* (или: *Ай ол келмей кгалгзаны уа!*) «Вот досадно, что он не прибыл!»

Главная особенность модально-семантической взаимозависимости частей базисного паратаксиса заключается в том, что первое предложение *Ол келмей кгалды* «Он не прибыл» содержит диктум и модус; второе предложение *осу тапсыз болду* «это некстати» есть пропози-

ционное, предикативно-синтагматическое повторное усиленное выражение модуса-сожаления первого предложения. Следовательно, первое предложение есть носитель признака, а второе предложение есть признак; первое предложение – диктум предметно, объективно и более конкретно, второе предложение – модус релятивно, зависимо от первого предложения; первое предложение есть «подлежащее» паратаксиса, второе предложение есть его «сказуемое»; первое предложение может выступать как самостоятельное высказывание, второе предложение лишено такой «суверенности», оно есть принадлежность – модально-оценочный, субъективный признак своего носителя, т.е. первого предложения. Но признак не во всех контекстах, ситуациях и стилях может выражаться самостоятельно и развернуто в виде целого предложения. Данная избыточность подчиняется требованиям экономии и частично снимается посредством преобразования паратаксиса в гипотаксис. Трансформация свертывания, номинализации, включения и сжатия делает структуру сложного предложения более экономной. При этом первое диктумное предложение в процессе трансформации свертывания и компрессии преобразуется в посессивно-изафетную конструкцию и входит в гипотаксис как его придаточная часть – подлежащее; второе релятивно-модусное предложение выступает в качестве сказуемого гипотаксиса, представляя его «главную» часть и коммуникативную модальность высказывания. В процессе гипотаксической компрессии второе, модусное предложение, теряет свое формальное дейктическое подлежащее *осу* – это, которое выражено относительным местоимением как прономинальным аппозитивным повтором первого подлежащего предложения. Последний в паратаксисе вытесняет свой местоименный коррелят *осу* – это и в форме изафетной конструкции выступает собственно подлежащим. Среди элементов гипотаксической экономии можно назвать следующие явления: замена сочинительной синтаксической связи подчинительной связью: преобразование одной (первой) независимой синтаксической структуры в зависимую; потеря ею свободной коммуникативно-синтаксической связи, подлежащего и сказуемого и сворачивание в жесткую изафетно-именную конструкцию; устранение плеоназма подлежащих в им. падеже и личных сказуемых; вытеснение из высказывания формально-дейктического подлежащего и эксплицитное

выражение подлежащего диктумным предложением, а сказуемого – модусным предложением. Но вместе с тем гипотаксис не обеспечивает логико-каузальной согласованности, ибо в нем диктумное (объективное) предложение подчиняется модусному (релятивному) предложению, что формально-семантически есть превращение носителя признака в часть этого признака. Каузальное противоречие требует своего разрешения в направлении согласования семантического (языкового) выражения с логическими отношениями. Необходимым условием этого требования является редукция «главной» модусной части гипотаксического высказывания, если этому способствуют условия речевого акта – среда обиходно-разговорного стиля, состояние повышенной эмоциональной реакции говорящего на событие, спонтанность и импульсивность высказывания, преднамеренное утаивание или недоговаривание эксплицитно отрицательной, нежелательной экспрессивно-оценочной части высказывания, солидарность с собеседником, сдерживание отрицательных эмоций, могущих вызвать у слушателя неприятные переживания и т. п. С одной стороны, ситуативная соотнесенность высказывания, а с другой стороны, потенциальная возможность коммуникативно-модальной актуализации сказуемого придаточной части делают отпадение «главной» части гипотаксиса реальным. Оставшаяся, придаточная часть имеет модель «вставленной конструкции» с трансформационной структурой 3-го изафета: субъект в генитиве + посессивное причастие в номинативе [14, 317]. В представленной пропозиции номинализированно-изафетное сказуемое в квазиименительном падеже с аффиксом принадлежности и с личным именным окончанием, а также с примыкающим к нему противительно-выделительным союзом *-а/уа* (однако), оказывается в конце, занимая тем самым структурно-синтаксическое место личного, коммуникативно самостоятельного сказуемого. Напр.: *Ай, аны келмегени уа...* букв.: «его неприбытие однако»... Следовательно, конечная позиция в предложении требует от соответствующего компонента, чтобы тот «оправдывал» важность занимаемого места. Изафетно-номинализированное сказуемое активизирует свою коммуникативную модальность, просодически, в виде главного ударения, перенимая от редуцированной главной модусной части функцию экспрессивно-оценочного выделения сказуемого. Наряду с просодическими инно-

вациями происходит и линейно-сегментное смещение. В качестве маркера коммуникативно-модальной самостоятельности номинализированного причастного сказуемого (уже и как ремы) начинает переосмысляться постпозитивный выделительно-противительный союз *а(уа)*, который выступает в качестве элемента словоформы сказуемого; как носитель сильного экспрессивного ударения он выделяет новое сказуемое – рему как «существенно важное» [ср. 23, 131]. Напр.: *Ай, аны келмегени уа!* «Ну как же он не прибыл!» Отсюда видно, что с отпаданием второго предложения как носителя новой информации его коммуникативная функция как ремы переходит к номинализированно-изафетному сказуемому новой, редуцированной структуры предложения-высказывания.

С точки зрения темы рематических отношений деплоратив, как и ассертив, представляет данную, тематическую информацию в придаточной части гипотаксиса. Редукции подвергается «главная» часть с новой, рематической информацией. Это явление входит в противоречие с традиционным, в целом справедливым, положением о том, что в отличие от темы, рема составляет основное содержание сообщения, которое никогда не может быть опущено и к которому зачастую сводится все высказывание» [2, 119]. В рассматриваемом случае, оставшаяся, неопущенная, тематическая часть, подвергаясь обратному грамматико-семантическому расширению, претерпевает также информативно-коммуникативное деление и размежевание своих компонентов: генитивный субъектный атрибут изафета сохраняет качество данной, тематической части, а номинативный изафетный предикат, оказавшись в поле гравитации отпавшей рематической части гипотаксиса, просодически совместил в себе ее рематическую функцию и дистанцировался со своим изафетным атрибутом. Это противостояние компонентов изафетной свертки «играет на руку» агенсу, заключенному в генитивную форму шомера. Вместе с коммуникативным расширением и «суверенизацией» сказуемого нередко происходит восстановление субъекта в форме именительного падежа, т.е. имеет место восхождение субъекта с пониженного ранга шомера в качестве атрибутивного компонента изафетной именной конструкции в базисный высший ранг подлежащего [ср. 26, 11]. Напр.: *Ай, аны келмегени уа!* – *Ай, ол келмегени уа!* Реформации изафетного генитива субъекта в базисный именительный па-

деж подлежащего способствует прежде всего наличие в высказывании актуализаторов глагольного управления, а также других интерпозиционных компонентов, способствующих дистантному расположению изафетных частей. Ср.: *Ай Маратны кетгени уа!* «Как жаль, что Марат уехал!» *Ай Марат, бизге тюбемейин, кетгени уа!* «Как жаль, что Марат уехал, не встретив нас!»¹

Деплоратив, представленный единственной, недифференцированной, формой для временных планов настоящего и прошлого (*келмегени уа*), использует эту квазипричастную форму факультативно и в плане будущего. Напр.: *Ай Маратны тамбла кетгени уа!* «Как досадно, что Марат завтра уезжает!» Такое аористное функционирование деплоратива подтверждает положение о том, что «одно и то же причастие может зачастую соединять в себе значение всех трех времен» [3, 182]. В данном случае просматривается также момент функционального табуирования деплоратива для плоскости будущего: загадывание досадного события наперед означало бы и процирование на будущее его нежелательных последствий и неприятных переживаний. В деплоративе выражается предикатное действие, представляемое как досада, сожаление, неприятное переживание говорящего. По степени модально-экспрессивной насыщенности деплоративные высказывания имеют экскламационный характер и близки к междометиям или восклицаниям, ситуативно обусловлены, функционируют в живой обиходной речи. В этих речевых действиях своеобразно выпукло проявляется инструментальная и интенциональная сущность языкового знака: «Выбор языковых средств речевого жанра определяется предметно-смысловыми заданиями (замыслом) речевого субъекта» [8, 454].

Категория карачаево-балкарского паллиатива представлена двумя формами: синтетической формой типа *келгенлигиди* «Это называется он прибыл» и аналитической формой типа *келмегенлик этеди* «он не решается прибыть». Исходя из особенностей формообразования, синтетический паллиатив можно обозначить как изафетный. Используя семантическую специфику, аналитичес-

¹ Прим.: Постпозитивный элемент *а/уа*, имея тенденцию превратиться в компонент морфемного состава словоформы, выполняет вместе с сильным ударением роль выделительно-экспрессивной частицы.

кий паллиатив можно назвать эвристическим. Онтологически оба паллиатива находятся в отношениях причины и следствия. Причинной единицей является эвристический паллиатив, следственной – изафетный паллиатив, обе формы представляют собой продукт уровня коммуникативного синтаксиса и образованы при помощи номинализованного квазимасдара, состоящего из причастной основы на *-гган* и суффикса *-лыкз/-лик*. Последний является одним из древнейших общетюркских суффиксов [112, 131]. Структурно данные квазимасдары имеют модель имя + *лыкз*, которая в современных тюркских языках наиболее продуктивна и употребительна [21, 143] и благодаря гибкости и высокой степени абстрагированности способна универсально представлять лексический, морфологический, синтаксический и квалисинтаксический («надграмматический») уровни.

5. Изафетный паллиатив. Следственный паллиатив типа *келгенлигиди* является «обладаемым» компонентом в структурном составе двухаффиксного посессивного изафета. Напр.: *Бу аны келгенлигиди* «Это называется он прибыл». Изафетная конструкция, состоящая из агентивного генитива (*аны* – его) и квазиименительного падежа номинализованного масдарного сказуемого *келгенлигиди* (его прибытие как будто) представляет собой трансформацию свертывания базисного предложения *Ол кел. енди* «Он прибыл» и выступает комплексным именованным сказуемым высказывания, подлежащим которого является дейктическое местоимение *бу* – это, *ол* – то как формальный, прономинальный репрезентант изафетного сказуемого.

Изафет, как универсальное и сквозное структурно-типологическое явление данного языка, обнаруживает свою чрезвычайную гибкость при паллиативе, который является образованием «надграмматического» уровня квазисинтаксиса актуального членения предложения. Вне базисного или трансформационного участия изафета не осуществляется ни одно синтаксическое образование. Как упоминалось выше, формальным подлежащим при изафетно-паллиативном сказуемом являются аппозитивные указательные местоимения *бу* – это, *ол* – он, составляющие синтаксическую антиципацию со сказуемым. Ср.: *Бу Маратны азбар этгенлигиди* «Это называется: Марат выучил наизусть». Подлежащее и сказуемое занимают в предложении две крайние позиции: аппозитивно-дейк-

тическое подлежащее – начальную, номинализованное изафетное сказуемое – конечную. Это создает максимальную рамочную конструкцию с размещением всех остальных компонентов в их интерпозиции. Напр.: *Бу Маратны, сау ыйыккыны башын ёрге кетюрмейин, азбар этип кюрешгенлигиди* «И это называется, что Марат, не поднимая головы, учил целую неделю наизусть».

Эта полная изафетно-номинализованная структура паллиативного высказывания представляет собой кульминацию тектонической деформации базисного предложения, поскольку необходимые логико-каузальные отношения предмет – признак, деятель – действие в этом случае многократно понижаются и игнорируются «противоестественностью» формально-семантических преобразований и манипуляций, начиная от восхождения формального дейксиса до ранга синтаксического подлежащего и кончая устранением субъекта и обезличением высказывания [5, 229]. В этой связи примечательны три момента в отношениях между подлежащим и сказуемым. Во-первых, формальное подлежащее есть местоименно-дейктический коррелят паллиативного сказуемого; во-вторых, подлежащее и сказуемое находятся в отношениях тождества, но при этом подлежащее релятивно и «пусто» и беспредметно повторяет сказуемое. И наоборот, сказуемое «объективно», более конкретно, представляет предметное содержание высказывания. Тем самым, в-третьих, оказывается, что синтаксико-семантическая организация соответствующих высказываний вступает в прямое противоречие с логикокаузальными отношениями, по которым субъект мыслится как объективное, конкретное, предметное или видовое понятие, а предикат – как релятивное, признаковое, родовое, более обобщенное понятие, что характерно для базисного предложения типа *Марат муну азбар этерге кюрешгенди* «Марат пытался выучить это наизусть». В изафетно-паллиативных трансформациях логические отношения формально-семантически представлены перевернуто: признак – как подлежащее, а носитель признака – как сказуемое. Это противоречие является одним из причин, вызывающих тектонические процессы и смещения в поверхностной структуре предложения изафетного паллиатива. В частности, нарушается аутентичная посессивно-изафетная конструкция, из предложения вытесняется избыточное и плеонастическое формальное подлежащее, восстанавли-

вается в необходимых правах подлежащего агенс действия, особенно при наличии в высказывании дополнений и обстоятельств, активизирующих глагольное управление изафетного номинализованного сказуемого. Ср.: аутентичная изафетно-именная структура: *Бу сени келгенлигингмиди?* «Ты как будто приехал насовсем?»; деформированная структура: *Сен бу жол кетмезден келгенлигингмиди?* «На этот раз ты как будто приехал насовсем?» После выпадения из высказывания формального подлежащего *бу* – это, конкурировавшего с агентивным субъектом в генитиве, происходит «раскручивание» упругой изафетной свертки [ср. 28, 126] и наступает частичная, в пределах сохранения семантического инварианта паллиатива, релаксация структуры предложения. Прежняя жесткая посессивно-изафетная связь расслабляется и активизируется свободная предикативная связь между деятелем и действием. Агентивное и подлежащее *сен* «ты», вытеснив формальное подлежащее *бу* «это», освобождает себя от двойной функционально-синтаксической подчиненности: от атрибутивной зависимости от собственного признака – паллиатива внутри изафетной конструкции и от опосредованной предикатной зависимости от формального подлежащего. Тем самым агентивный субъект возвращает себе свои закономерные функции. Он становится синтаксическим подлежащим и отнимает у вытесненного конкурента (*бу* – это) его сказуемое – паллиатив, хотя словоформа последнего – *келгенлигингмиди* сохраняет при себе личный аффикс сказуемости –*ди* (ед.ч., 3-е л.), который относится к формальному подлежащему *бу* – это. В этой связи уместно привести замечание В. В. Виноградова о том, что «при восприятии тождества слова невольно возникает сопоставление слова с жизненным организмом. Это своеобразная анимизация слова» [9, 14].

Сказанное свидетельствует о том, что «новорожденная» синтаксическая структура предложения с изафетным паллиативом, имеет, как при ассертиве и деплоративе, гибридный и гетерогенный характер, ибо она содержит компоненты разных уровней и разной принадлежности. Именительный падеж агентивного субъекта *сен* – ты есть принадлежность базисного предложения, а его паллиативное номинализованное сказуемое *келгенлигингмиди* относится к вторичным образованиям трансформации свертывания. Агентивное подлежащее *сен* «ты»

есть реформация атрибутивно-генетивного компонента изафета и восстановление его базисной формы именительного падежа. Паллиативное сказуемое совмещает три вида синтаксической связи: имплицированную предикативную связь базисного предложения, эксплицированную изафетную связь именного спряжения глагола [ср. 10, 296] и эксплицированную предикативную связь паллиативного сказуемого с формальным подлежащим: *Бу аны келгенлигимиди?*

Как упоминалось выше, другой причиной возникновения гибридной структуры паллиативных предложений является противоборство между исходной (базисной) субъектно-объектно-глагольной связью и вторичной номинализированной изафетной связью. Решающим моментом в этом противоборстве является отсутствие или наличие в предложении компонентов, относящихся к глагольному управлению. Вторичная трансформационная посессивно-изафетная структура относительно устойчиво утверждается в тех случаях, когда паллиативное сказуемое не имеет при себе дополнений или обстоятельств. Напр.: *Тюкени жабылганлыггымыды?* «Магазин как будто уже закрыт?» Если же при сказуемом имеются актуализаторы глагольного управления, они активизируют валентные потенции глагола, что обуславливает неполную номинализацию в пропозиции [ср. 22, 170] и разрушает изафетную конструкцию, восстанавливая одновременно первичную предикативную связь. Агентивный субъект, дистанцированный от сказуемого интерпозиционными дополнениями и обстоятельствами, легко освобождается от положения шомера в составе изафета и утверждает себя в своей основной функции грамматического подлежащего. Ср.: *Мени сорганлыггымды* «Я всего лишь спрашиваю». *Мен атангы сорганлыггымды* «Я всего лишь спрашиваю о твоём отце». Во втором случае номинализированный паллиатив, упустив из контактной позиции «свой» агент – атрибут, позволяет ему снять генитивную форму и принять логически стабильную форму именительного падежа субъекта. «Драматизм» этих смещений для изафетного паллиатива заключается в том, что из «хозяина» в изафетной конструкции он превращается в «слугу» в субъектно-предикатной, гибридной структуре. На уровне изафетной трансформации паллиатив обеспечивал свое доминирующее положение двойным именительным падежом – с собственным и

таким формального местоименного подлежащего как своего тождества. В гибридной структуре именительного падежа паллиатива оказывается один в противостоянии с им.п. агентивного подлежащего. Исход этого противостояния должен быть «роковым» для паллиатива по ряду причин: во-первых, тот фактор, благодаря которому агент вышел из подчиненного положения в изафете и вернул себе функцию подлежащего, продолжает действовать и дальше в его пользу. Этим фактором явилось выпадение формального подлежащего из высказывания и участие в высказывании приглагольных актуализаторов. Во-вторых, именительный падеж агентивного подлежащего денотативно-семантически имеет твердую опору, ибо связан с конкретным предметным понятием имени. Именительный падеж глагольной номинализации – паллиатива опирается всего лишь на формально-семантически имитированную основу релятивного и преходящего признака. В-третьих, именительный падеж агентивного подлежащего – это явление базисной, устойчивой структуры, согласующейся с логическим принципом предмет–признак. Квазиименительный падеж паллиатива – явление вторичной, неустойчивой трансформационной структуры, и оно противоречит логической необходимости. В силу подобных причин им. п. субъекта утверждается в своей функционально-семантической однозначности, а квазиименительный падеж паллиативного сказуемого семантически опустошается и продолжает сохраняться как «формальная особенность сказуемого, возникшего в результате неоднократных преобразований предложения в речи. В этой связи справедливое положение о том, что «высказывание представляет собой минимальное единство, в пределах которого осуществляется функционирование языковых единиц в речи» [24, 8] можно дополнить мыслью, что в высказывании-предложении происходит также создание и формирование самих языковых единиц.

Гетерогенность компонентов гибридной структуры паллиативных предложений наглядно демонстрирует взаимодействие и противоборство многочисленных факторов, детерминирующих облик высказывания, в частности: каузального принципа предмет–признак и информативно-коммуникативного принципа данное, экономии и избыточности, стилевой принадлежности и т.д.

Каждый из этих факторов имеет свои принципы распределения словам их ролей в предложении и выдвигает в качестве главных членов собственных претендентов. Каждое слово стремится утвердить себя в высших рангах сказуемого или подлежащего при поддержке соответствующего фактора и принципа. Между компонентами высказывания идет постоянная борьба за главные роли, которая собственно и составляет форму жизнедеятельности слов в предложении. Явление изафетного паллиатива есть частный случай примера этих процессов.

Паллиативное сказуемое представляет действие, как правило, в положительном аспекте, но как «осуществляемое в недостаточной мере» [ср. 20, 37], ниже или меньше ожидаемого количества и качества. Эта половинчатость детерминирует пренебрежительную, иногда снисходительную оценку действия говорящим. Прагматическая действительность паллиатива воспринимается как ущербная. Действие не достигает соответствия с ожидаемым эффектом. Неполномерность и ущербность как инвариант грамматического значения данной формы обуславливают восприятие действия как имитацию, подобие для создания видимости выполнения действия, но не для его полноценного осуществления. Выражая в своей семантике момент подобия, подвижность которого потенциально направлена на достижение тождества как константного предела, данная форма подтверждает мысль о том, что «подобие может быть преходящим, тождество только константным» [4, 3]. Тождество имеет необходимостный характер, а подобие – случайностный. Единственности тождества противостоит множество возможных подобий. Паллиативное сказуемое снижает коммуникативную действительность высказывания, представляя тождество действия как его подобие и не стимулируя собеседника к ответной реакции. Напр.: *Бир-эки араб сёзну эсиме тюшюрейим деп айтханлыггымды* (Аппаев) «Я всего-то говорю, чтобы вспомнить несколько арабских слов».

Семантика неполномерности и недостаточности паллиативного действия объясняет активное употребление этой формы в обиходно-фамильярной речи с отрицательно-оценочной коннотацией иронии, насмешки, пренебрежения. Напр.: *Сени бу хый-мый кзылыггынг квачан тохтарыкгды? Кимден жашырып окзуганлыггынгды?* (Аппаев) «Когда прекратится эта твоя дурная привычка? Тайком от кого ты пытаешься читать?» Употребляясь в

первом лице, когда говорящий ведет речь о своем действии, паллиатив эксплицирует стилистический оттенок деликатного и скромного умаления значимости предикатного действия. Напр.: *Мен чынты сенге чепкен тиге тургганлыггымды, жаратырыкь эсенг* (Хубиев) «А я вот пытаюсь шить тебе платье, если понравится».

Паллиатив может употребляться в отрицательном аспекте, когда высказывание воспроизводит отрицательное заявление собеседника как опровергаемое противоположной референцией. В этом случае изафетный паллиатив используется как ироническое перифразирование утверждения, где утвердительный смысл маскируется отрицательной формой имитирования. Напр.: *Олму эди тепсей билмегенлигинг, алапат тепсейсе да!* «Вот как ты не умел танцевать, ведь прекрасно танцуешь!» Такой паллиатив имплицитно совмещает реплику-стимул и реплику-ответ. В этой связи примечателен вывод А. Т. Кривоносова о том, что «согласованность между языковой и логической формами подрывается изнутри самим же естественным языком, благодаря его способности выражать утверждения через отрицания» [16, 4]. Межаспектная мимикрия – важный способ манипулирования. Формально-грамматическое «объективирование» латентных субъективно-модальных оттенков действия в специальных номинализированных формах, т.е. в виде «словесной предметности», свидетельствует о том, что «язык способен выражать не только понятия, но и вообще любые состояния человеческого сознания, любые аффекты, любые эмоции, любые влечения и волевые стремления» [17, 126]. Паллиатив является ярким подтверждением этой мысли.

6. Паллиатив эвристический (сокр. ЭП). В противоположность изафетному паллиативу, являющемуся продуктом трансформации свертывания, ЭП есть результат взрыва, расщепления и расширения простого глагольного сказуемого как информационного ядра высказывания. Изафетный паллиатив (сокр. ИП) имеет синтетическую словоформу, ЭП – аналитическую; ИП выступает в квазиименительном падеже, ЭП – в мнимом квазиаккузативе, но в скрытом квазиноминативе. ИМ имеет своим местоименным повтором указательное местоимение, с которым он связан именной предикативной связью на надграмматическом уровне и которого он лишается часто вследствие ситуативного эллипса. ЭП имеет своим

местоименным повтором спущенный глагол *эт* «делать», с которым связан тесной квазиобъектно-глагольной связью и который не подвергается редукции, поскольку является носителем всех грамматических показателей своей номинализированной доминанты. В структуре предложений с ИП просматриваются четыре разных вертикальных предикативно-синтаксических связей; при ЭП — одна: эксплицитированная предикативная связь базисного предложения с локальным очагом ядерного саморасщепления и расширения сказуемого. В модально-семантическом плане ИП и ЭП выступают дифференцированными по положительному и отрицательному аспектам слагаемыми двуединства, которое отражает логическую целостность и необходимостную полноту действия. Ущербное проявление действия в ИП и ЭП есть манифестирование его раздвоенности по обоим аспектам, недостаточная мера положительного осуществления действия предполагает выраженность недостающего объема действия изафетного паллиатива в отрицательном аспекте эвристического паллиатива. Ср.: ИП — *Ол айта билгенлигиди* «Это все его умение говорить». ЭП — *Ол айта билмегенлик этеди, уялып* «От смущения он не может выразиться как следует». Дифференцированность ИП и ЭП по положительному и отрицательному аспектам есть грамматическое выражение раздвоенности тождества действия. ЭП, представленный моделью, — *гзанлык эт* в отрицательном аспекте, есть та величина, которая составляет недостающую часть ИП. Без нее действие последнего не может перейти в полнотное тождество. Со своей стороны, ИП содержит ту положительную часть действия, которой недостает отрицательному ЭП, чтобы он перешел в свою полнотную положительную противоположность. Следует при этом отметить обратную распределенность эмотивных коннотаций по этим формам. Утвердительный ИП имеет негативную экспрессивно-оценочную окраску, ЭП в аспекте отрицания содержит позитивную рациональную окраску.

ЭП представляет дериват подобия и неполнотности от полнотного аргументатива *-гзан эт*. У последнего квазипричастная номинализированная доминанта игнорирует аспект отрицания, что свидетельствует о ее стремлении мимикрировать под субстанциональную сущность и имитировать имя существительное. Это ролевая черта причастия проявляется в том, что оно способно присое-

динять к себе именныи суффиксы уменьшительности или послелого подобия имен. Напр.: *Жаугганчык этеди* «Идет малость дождь»; *Телеген кибик этди* «Он расплатился как будто» и т.д. Стремление к субстанциональному статусу объясняет передачу причастием своих глагольных маркеров, в т.ч. и аффиксов отрицания, местоименно-служебному глаголу *эт*. Выступая только в положительном аспекте, причастие аргументатива оказывается полярно-противопоставленным отрицательному квазимасдару ЭП. Ср. аргументатив — *унагган этмейди* — не соглашается, ЭП — *унамагганлык этеди* — не совсем соглашается. Положительное причастие и отрицательный масдар как функциональные формы глагола [7, 25] выступают в данной дистрибуции структурно-синтаксическими синонимами и номинализуют действие как объект, каузируемый глаголом *эт* и представляют это потенциальное «объективированное» действие в двух экзистенциально возможных состояниях: в положительном и отрицательном, в бытии и небытии. Тождество действия предстает как раздвоенное единство противоположностей. Своей генеративно-формационной спецификой паллиативы говорят в пользу точки зрения Д. Остина, который противопоставлял иллюкционное, т.е. речевое бытие слов и фраз их смыслу в «застывшем» тексте языка [19, 55].

Как и аргументатив, ЭП семантический связан с рассудочной деятельностью и представляет действие как логический вывод, умозаключение на основе причинных связей данного действия с другими действиями, фактами, состояниями. Об этой семантической особенности ЭП свидетельствует его привязанность к глаголам интеллектуальной сферы: *ангыла* «понять», *бил* «знать», *ийнан* «верить» и т.п. Напр.: *Сен аны айтханына ийнанмагганлыкмы этесе?* «Ты не совсем веришь тому, что он говорит?»

В силу выражения причинно-следственных связей с другими действиями коммуникативного акта, а также в силу наличия у него двойной предикативной весомости — как грамматическое и рематическое сказуемое — ЭП, как и аргументатив, выступает не только предикатом предложения, но и сверхфразовым предикатом всего коммуникативного акта. Напр.: *А. Бир талай кере берк сайлагганма. Алайык деп, кюрешгенме. Алдырырга кзоймагганды. Энди айланады кзыш жалан баш.*

Б. *Жаратмагжанлыкмы этген болур эди?* – А. «Несколько раз выбирала ему шапку, настаивала купить. Не соглашался. А теперь зимой ходит без шапки». – Б. «Чем-то не нравились ему эти шапки». Это время, как при ИП эмоционально-стилистическая коннотация высказывания имеет негативный оттенок иронии, насмешки, при ЭП умалывается и снижается негативная значимость действия, при нем исходная пониженная рационально-стилистическая оценка используется как необходимое условие, которое обращено в перспективе на осуществление действия до полномерного тождества как позитивной величины. Стратегическая направленность, нацеленность на положительный результат есть имманентная сущность языкового знака.

Краткие выводы:

1. Наряду с универсальными «классическими» формами карачаево-балкарский глагол располагает уникальными новообразованиями, находящимися в состоянии перехода от контекстуально-синтаксической обусловленности и эмоционально-экспрессивной маркированности в разряд грамматикализованных лично-временных форм, имеющих сквозное употребление в языке. Таковыми новообразованиями являются: аргументатив, интенсив, ассертив, деплоратив, изафетный паллиатив и паллиатив эвристический.

2. Зародышное состояние их «онтогенеза» в языке позволяет зримо проследить их становление и формирование в предложении-высказывании, которое является эмпирически данным объективным микромиром потенциального макромира языка и той ячейкой, в которой рождаются и живут слова и их соединения.

3. Все шесть новообразований являются продуктом тектонических процессов смещений и трансформаций: свертывания и развертывания, сжатия и расширения, эллипса и экспансии, взрывов и конденсаций, в состояниях которых находится предложение в своей жизнедеятельности.

4. Результатом ядерного взрыва, расщепления и расширения простого глагольного сказуемого являются аргументатив, интенсив и эвристический паллиатив, «надграмматический» аналитизм которых показывает их рематическую природу. Другие три формы – ассертив,

деплоратив и изафетный паллиатив – являются результатом трансформации свертывания, редукции и сжатия предложения, чем в данном случае объясняется их синтетическая (простая) форма и первоначальная принадлежность тематической части высказывания.

5. Первые три формы рождаются в базисных синтаксических структурах как локальное расширение сказуемого, представляющее «энергетический очаг» для последующей экспансии «надграмматической», квазипредикативной трансформационно-синтаксической структуры актуального членения предложения. Синтетические формы являются номинализированными глагольными компонентами посессивно-изафетной свертки-компрессии, которые затем, частично расширяясь, рождают особые гибридные предикативно-синтаксические структуры, содержащие базисное подлежащее и изафетно-трансформационное сказуемое.

6. Интенсив и изафетный паллиатив связаны с положительным аспектом; деплоратив и эвристический паллиатив – с отрицательным. Аргументатив и ассертив не обнаруживают заметной дифференцированности по утверждению-отрицанию.

7. Аналитические новообразования рематического происхождения посредством своего служебного глагола *эт* дифференцированно представлены во всех трех временных планах. Синтетические, номинализированные предикаты тематического происхождения не имеют полных парадигм темпоральных форм.

8. В семантике аргументатива и эвристического паллиатива превалирует рациональный элемент. У остальных четырех форм – эмоционально-экспрессивный.

9. В шкале эмотивных коннотаций данные формы имеют следующую градацию: интенсив, ассертив, деплоратив – повышенная эмотивная окраска; аргументатив – нейтрально-положительная эмотивная окраска; ИП и ЭП – пониженная эмотивная окраска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблемы экспрессивного синтаксиса. М., 1984.
2. Алисова Т. Б. Взаимосвязь между грамматической и коммуникативной структурой субъектно-предикатных отношений (на материале итальянского языка) // Общее и романское языкознание. МГУ, 1972.

3. Арно А., Лансло Кл. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. Пер. с фр. М., 1990.

4. Арутюнова Н. Д. Тождество или подобие? // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983.

5. Барлас Л. Г. Русский язык. Стилистика. М., 1978.

6. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с фр. М., 1955.

7. Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979.

8. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986.

9. Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования. ВЯ. 1995. № 1.

10. Газизов Р. С. Сопоставительная грамматика татарского и русского языков. Казань, 1966.

11. Городецкий Б. Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 24. Компьютерная лингвистика. М., 1989.

12. Гузев Ж. М. Окказиональные слова и толковые словари тюркских языков // Актуальные вопросы карачаево-балкарской грамматики и лексики. Нальчик, 1982.

13. Джанибеков Х. С. Опыт разграничения грамматики и акт. член. предл. в кар.-балк. языке. Нальчик, 1993.

14. Лиз Р. Б. Построение номинализированных конструкций в турецком языке и проблема эллипсиса // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 19. Проблемы современной тюркологии. М., 1987.

15. Забавников Б. Н. Теоретические основы коммуникативно-ориентированной грамматики. Саратов, 1984.

16. Кривоносов А. Т. Отрицание в предложении и отрицание в умозаключении. ВЯ. 1986. № 1.

17. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982.

18. Майзель С. С. Изафет в турецком языке. М.; Л., 1957.

19. Нарский И. С. Онтология и методология философской герменевтики // Герменевтика: история и современность. М., 1985.

20. Полянский А. Н. План содержания категории количества в русском языке // Филологические науки. 1984. № 1.

21. СИГТЯ: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988.

22. Сухотин Б. В. Исследование грамматики числовыми методами. М., 1990.

23. Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М., 1990.

24. ТФГ: Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

25. Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.

26. Чаннон Р. О новом подходе к анализу грамматических отношений. ВЯ. 1974. № 11.

27. Шевякова В. Е. Современный английский язык. Порядок слов, актуальное членение предложения, интонация. М., 1980.

28. Щека Ю. В. Элементы теории синтаксической связи и интонологии в синхроническом и диахроническом освещении. ВЯ. 1992. № 5.

29. Юхансон Л. Определенность и актуальное членение предложения в турецком языке. НЗЛ. Вып. 19. М., 1987.

30. Янко Т. Б. Когнитивные стратегии в речи: Коммуникативная стратегия русских интродуктивных предложений. ВЯ. 1994. № 6.

Ф. П. ЭРКЕНОВА

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПАДЕЖЕЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Как известно, карачаево-балкарский язык является младописьменным. Изучение этого языка началось поздно. Первым исследованием, посвященным языку карачаевцев и балкарцев, была работа «Краткий очерк грамматики горского языка «балкар», которая вышла из печати в 1912 г. [1]. В ней вопросы, связанные с грамматическим строем карачаево-балкарского языка, совсем не затрагивались. То же самое относится и к другим немногочисленным дореволюционным работам, посвященным карачаево-балкарскому языку [2, 3].

В 1930 году появилась первая «Карачаево-балкарская грамматика», написанная У. Д. Алиевым, в которой содержится много недостатков, но, несмотря на это, она сыграла большую роль в разработке основ карачаево-балкарской грамматики на первых этапах ее изучения. В этом отношении сравнительно большее значение имели публикации проф. А. К. Боровкова, в которых содержались ценные для того времени сведения о грамматическом строе карачаево-балкарского языка [3; 4; 5].

Если все указанные работы были посвящены общему описанию карачаево-балкарского языка и отдельным фрагментам его грамматики, то в «Грамматике балкарского языка» В. И. Филоненко приводились довольно полные сведения о фонетике и морфологии карачаево-балкарского языка. В этой небольшой работе даны лишь образцы склонения имен существительных и других частей речи. А вопросы, связанные с разграничением падежей имени существительного и выявлением их синтакси-

ческих функций по объективным причинам здесь не решались [6].

В 1944 году карачаевский и балкарский народы были насильственно выселены из насиженных мест, и изучение их языка было приостановлено на долгое время.

Они нашли возможность вернуться на родину лишь после XX съезда КПСС. После этого заметно оживился интерес к карачаево-балкарскому языку. К настоящему времени появились нормативные грамматики карачаево-балкарского языка, сначала на карачаево-балкарском (1966), потом на русском языке (1976). Вышли из печати школьные учебники, учебные пособия для студентов, значительное число монографических исследований, в которых ставятся и успешно решаются актуальные вопросы грамматического строя карачаево-балкарского языка [7; 8; 9; 10; 11; 12]. Среди них имеется и такая работа, как «Имя существительное в карачаево-балкарском языке», написанная А. Соттаевым (1968). Здесь, как и в некоторых из этих работ, указывается, что в карачаево-балкарском языке имеются шесть падежей имени существительного: *баш болуш* (основной падеж), *целикчи болуш* (родительный падеж), *бериучю болуш* (дательный падеж), *орунлаучу болуш* (местный падеж) и *башлаучу болуш* (исходный падеж).

Проф. М. А. Хабичев, кроме этих падежей, выделяет в карачаево-балкарском языке еще так называемый продолжный падеж. Он считает, что этот падеж образуется путем присоединения к основе имени аффикса *-тын/-тин*. Ср.: *кёктюн* «по небу», *суутун* «по воде» и т. п. [14].

Однако такие слова встречаются лишь в карачаевском варианте карачаево-балкарского литературного языка. Указанный аффикс соединяется лишь к ограниченному числу имен существительных, а в балкарском варианте карачаево-балкарского языка — только к наречиям *алай*, *былай*, *ёрге*, *энишге*, от которых также образуются наречия: *алайтын* «по тому месту», *былайтын* «по этому месту», *ёргетин* «поверху», *энишгетин* «понизу». По этой причине мнение, согласно которому в карачаево-балкарском языке существует седьмой падеж имени существительного, никем не разделяется.

Как отмечалось в литературе [15, 46; 16; 29], в современных тюркских языках состав падежных форм приблизительно одинаковый. По крайней мере формы именительного (основного), родительного (притяжатель-

ного), дательного, винительного, местного (местно-временного) и исходного падежей в абсолютном большинстве языков совпадают [16, 29].

Этот вопрос ни у кого сомнения не вызывает, однако, это не говорит о том, что проблема падежей в тюркских, в том числе и в карачаево-балкарском языке, как думают отдельные исследователи, уже решена. Исследованию падежей в тюркских языках посвящена обширная литература [17; 20].

Данный вопрос в грамматиках тюркских языков занимает большое место, отдельные падежи стали в некоторых тюркских языках предметом монографического исследования, им посвящены отдельные диссертационные работы [18; 19; 21; 22; 23 и др.]. На материале ряда тюркских языков созданы фундаментальные исследования и грамматические описания, в которых дается подробное описание типов словосочетаний, членов предложения [24; 29; 30 и др.]. Среди них имеются и исследования, построенные на материале карачаево-балкарского языка [32; 46]. В этих и других многочисленных работах содержатся всесторонние ценные сведения о падежах, послесложных сочетаниях слов, их синтаксических функциях и семантике. В последнее время многое сделано в изучении содержательной стороны русского падежа. До сих пор не утратили своего значения наблюдения и выводы как русистов А. А. Потемни, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, так и тюркологов А. Н. Кононова, Н. А. Баскакова, Н. Д. Дмитриева, Е. В. Севортяна и др. В последние десятилетия в области изучения семантики русских падежей плодотворно работали Н. Ю. Шведова, М. В. Всеволодова, Г. А. Золотова, З. Д. Попова, Е. В. Клобуков, В. А. Белошапкина и др.

В последнее время интерес к семантике синтаксических единиц несравненно возрос. В тюркском языковедении также стали появляться исследования, посвященные семантике предложения. Первая такая монографическая работа была создана на материале карачаево-балкарского языка. В ней на основе анализа глагольных предложений показана семантика всех падежей имени и послесложных сочетаний, что для нас имеет большое значение [32]. Выявлению и описанию моделей именных предложений в карачаево-балкарском языке также посвящено специальное исследование [33]. С углублением и

расширением исследований в области семантического синтаксиса интерес к падежам не утихает, а заметно возрастает. Это объясняется тем, что «падеж занимает особое место в системе категорий... имени благодаря исключительно высокой степени регулярности формальных противопоставлений и более тесной, чем у какой бы то ни было из именных категорий, связи с формально-смысловой организацией единиц синтаксического уровня... Что касается семантики, то этот план категории падежа весьма сложен и изучение его остается актуальной задачей русской грамматики» [40]. Это высказывание автора еще в большей степени относится к тюркским, особенно младописьменным языкам, каким является и карачаево-балкарский язык.

Актуальность избранной нами темы объясняется не только этим обстоятельством. Анализ имеющейся литературы показывает, что при изучении падежей в тюркских, а также в других языках встречается ряд спорных вопросов. Так, например, проф. Ф. А. Ганиев отмечает, что «первые грамматики тюркских языков... написаны учеными-арабами и западно-европейскими миссионерами, которые в изучении системы падежа, естественно, исходили из схемы арабского или европейских языков. Во многих случаях то из тюркских языков, что подходило под эту схему, указывалось, а что не подходило, отбрасывалось» [35, 17]. В результате этого, говорит автор, к падежам относились лишь те словоформы, к которым прибавляются словоизменительные аффиксы, т.е. так называемые синтетические падежи (например: *кѳозу* «ягненок», *кѳозуну* «ягненка», *кѳозугъа* «ягненку» и т. п.), а аналитические падежи, т.е. сочетание имени с послелогом (например: *юйге дери* «до дома», *юй таба* «в направлении к дому» и т.п.) не рассматривались в качестве падежей. Такое явление характерно всем тюркологическим исследованиям. Как отмечает проф. Ф. А. Ганиев, исключение составляют работы М. З. Закиева, который, отказавшись от догматических схем, пришел к заключению о многопадежности татарского языка. По его мнению, количество падежей достигает одиннадцати [35, 18].

Как видно из вышеизложенного, проф. Ф. А. Ганиев вслед за проф. М. З. Закиевым считает, что послесложные сочетания необходимо относить к аналитическим падежам. «В татарском языке, — читаем мы у автора, — на наш взгляд, кроме синтетических падежей имеются так-

же аналитические падежи. То, что до настоящего времени ни в одном из тюркских языков не выделены аналитические падежи, связано с тем, что определение категории падежа, принятые для синтетических языков, механически перенесены на аналитические тюркские языки» [35, 25]. Для того, чтобы убедить читателя в правомерности своего вывода, проф. Ф. А. Ганиев указывает, что есть такие языки, в которых падежи выражаются не только изменением формы слова или прибавлением к нему аффикса, но и с помощью служебных слов, например, предлогов и артиклей. Так, в современном русском языке у имен существительных нет падежных флексий, синтаксические отношения выражаются посредством артикля, предлогов» [34, 8]. Особенно, артикль, как никакое служебное слово, близок к морфемам, поэтому его называют «впереди стоящим окончанием» [36, 13].

В тюркских и других послеложных языках послелог — это служебные слова, которые употребляются в предложении при именных частях речи и причастиях, и служат для выражения таких значений, какие передаются падежными аффиксами. В исследованиях по монгольским языкам отмечается, что послелог уточняет и дополняет значения слов, за которыми они следуют в предложении; «падежные аффиксы и послелог выполняют сходную синтаксическую функцию, выражая близкие грамматические отношения между словами» [37, 6]. То же самое относится и к тюркским послелогам. Например, проф. А. М. Щербак подчеркивает, что послелог дополняют и уточняют значения, передаваемые падежными аффиксами [38, 51].

Исходя из этих признаков послелогов, некоторые исследователи монгольских языков также признают наличие в этих языках аналитических падежей [36, 3-10]. Следует отметить, что в некоторых тюркских языках отдельные падежные аффиксы образовались из послелогов. Так, в казахском языке, кроме вышеуказанных шести падежей, еще выделяют творительный падеж, который «является сложившейся падежной формой, образовавшейся из послелога «менен» (бенен, пенен), который, в свою очередь, восходит к форманту «берлен», «бирле». Послелог «менен» (бенен, пенен) в ходе процесса ассимиляции сократился до форманта «мен» (бен, пен), слился с предшествующим словом и превратился, таким образом, в

падежный аффикс, который обозначает грамматически отношения внутри словосочетания» [47, 157].

По своей семантике казахский творительный падеж ничем не отличается в предложении от сочетания имени соответствующим послелогом. Это не единственный случай перехода послелогов в падежные аффиксы... Инструментальный падеж в караимском языке развился на основе послелога «бирлен-биле» имеет аффикс *-ба-бя* [14, 111]. Ряд таких факторов в тюркских языках можно продолжить. Случай перехода послелогов в падежные аффиксы встречаются и в других языках, в том числе и в монгольских [37, 5].

Все это приводит нас к мысли о том, что вряд ли можно возразить против точки зрения, согласно которой в тюркских языках наличествуют как синтаксические, так и аналитические падежи. Лингвисты считают, что слова с аффиксами *-тай*, *-сыз*, *-ла*, *-дагзы* также являются падежами [35, 23]. Однако такая точка зрения никак не разделяется. На наш взгляд, этот вопрос требует дополнительных исследований. Следует отметить, что рассматривая вопрос о послелогах и их функциях, большинство тюркологов говорит о том, в форме какого падежа стоит то или иное слово, стоящее впереди послелога. В зависимости от этого в традиционной тюркологии принято говорить, например, о послелогах, управляющих дательным падежом и т.п. Однако, на наш взгляд, такая точка зрения является необоснованной. Дело в том, что падеж — это определенная форма слова, которая оказываясь в предложении, выполняет функцию какого-либо его члена. Первый компонент послеложного сочетания этому требованию не отвечает, по этой причине не может рассматриваться в качестве слова, употребленного в форме того или иного падежа.

Этот факт говорит в пользу точки зрения, согласно которой послеложное сочетание слов — это аналитические падежи. Когда речь идет о таких сочетаниях, необходимо отметить, что их можно делить на две группы: 1) послеложные сочетания, которые подчиняются в предложении глагольному сказуемому: *Ала юй таба кетдиле* «Они ушли в направлении к дому». *Мазан юйге дери жаяулай барганды* «Мазан до дома шел пешком»; 2) послеложные сочетания, которые подчиняются в предложении именным его членам: *Мында сени тенгли жашла ишлейдиле* «Здесь работают ребята, которые являются

твоими сверстниками». Проф. И. Х. Ахматов отмечает, что «некоторые послеложные сочетания встречаются как в глагольном, так и в именном словосочетании: *сени кибики адам* «такой человек, как ты»; *Хасан тенгли жашла* «ребята, которые по возрасту являются такими, каким является Хасан»; *Хасан тенгли ишле* «работать столько, сколько работал Хасан»; *мени кибики ал* «брат так, как брал я» и т.п. [39, 92]. Это в полной мере относится и к синтетическим падежам.

Сравнивая такие факты, мы приходим к выводу о том, что по вышеуказанному признаку синтетические и так называемые аналитические падежи друг от друга не отличаются.

Перечисление спорных вопросов о падежах тюркского имени на этом не завершаются. Вопрос о разграничении формально совпадающих падежей все еще продолжает оставаться спорным. Касаясь этого вопроса, проф. А. Джапаров пишет: «Наиболее запутанным и слабо выясненным вопросом в определении природы подлежащего в тюркологической литературе является вопрос о форме подлежащего. Это связано, в свою очередь, с недостаточной изученностью морфологического понятия падежных форм и с терминологической неточностью определений».

Так в трудах ряда как дореволюционных, так и советских ученых был выдвинут термин «основной» или «неопределенный» падеж, под которым, по существу, объединялись понятия именительного и ряда косвенных (винительного и родительного) падежей, если у последних опускались падежные аффиксы [48, 23].

Ознакомление с имеющейся литературой показывает, что отдельные исследователи до сих пор продолжают ставить знак равенства между основным и неоформленным родительным и неоформленным винительным падежами [41, 7; 44, 113–123].

А большинство авторов такой подход к решению данного вопроса считает неправильным и считает, что нулевую форму имеет не только основной падеж, но и родительный и винительный падежи. Согласно их точки зрения формально совпадающим оказывается основной, родительный и винительный падежи, имеющие нулевой показатель, а также родительный и винительный падежи, оформленные показателями *-ны/-ни*, *-ну/-ню*. В отдельных тюркских языках эти аффиксы имеют другой

фонетический облик. Как видно из вышеизложенного, в тюркских языках очень много спорных вопросов, связанных с выделением и разграничением падежей имени существительного, решение которых имеет большое научное и практическое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Н. А. Краткий очерк грамматики горского языка «болкар» // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т. 42. Тифлис, 1912.
2. Ахматов И. Х. Главные члены предложения и средства выражения их в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик: Эльбрус, 1968.
3. Боровков А. К. Карачаево-балкарский язык // Яфетический сборник. Т. 7. Л., 1932.
4. Боровков А. К. Карачаевский язык // Малая советская энциклопедия. Т. 5. М., 1936.
5. Боровков А. К. Карачаевский язык // Большая советская энциклопедия. Т. 31. М., 1937.
6. Филоненко В. И. Грамматика балкарского языка. Фонетика и морфология. Нальчик, 1940.
7. Хабичев М. А. Местоимение в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1961.
8. Хаджилаев Х. -М. И. Послелого и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1962.
9. Урусбиев И. Х. Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1964.
10. Ахматов И. Х. Малкъар тил. Синтаксис. Нальчик: Нарт. 1992.
11. Созаев Б. Т. Имя прилагательное в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Эльбрус, 1976.
12. Гочияева С. А. Наречие в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1973.
13. Соттаев А. Х. Имя существительное в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1968.
14. Хабичев М. А. Карачаево-балкарский продольный падеж // Тюркологический сборник. Материалы по карачаево-балкарскому и ногайскому языкам. Черкесск, 1967.
15. Севортян Э. В. Категория падежа // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. II. Морфология. М.: Изд-во АН СССР. 1956.
16. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л.: Наука, 1977.
17. Батманов И. А. Употребление падежей в киргизском языке. Фрунзе-Казань, 1938.

18. Джаббар-заде И. Х. Падежи имен существительных в азербайджанском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1971.
19. Казакбаев К. Система падежей имени существительного в немецком и туркменском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Баку, 1969.
20. Закиев М. З. К вопросу о категории падежа в тюркских языках // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964.
21. Зарипов Р. Ф. Категория падежа в башкирском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 1971.
22. Иноятов Т. Д. Основной и винительный падежи в современном узбекском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1973, 23.
23. Курамбаева Т. С. Выражение определенности и неопределенности в туркменском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1988.
24. Закиев М. З., Курбатов Х. Р. Современный татарский литературный язык. Синтаксис. М.: Наука, 1971.
25. Джапаров А. Главные члены предложения в современном киргизском языке. Фрунзе: Мектеп, 1964.
26. Сафаев А. С. Второстепенные члены предложения в современном узбекском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Ташкент, 1969.
27. Сеидов Ю. М. Словосочетания в азербайджанском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Баку, 1965.
28. Кулиев Г. К. Глагольное управление в азербайджанском и туркменском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Баку, 1969.
29. Аблаков А. Словосочетания, образованные способом управления в казахском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1987.
30. Тикеев Д. С. Структурные типы словосочетаний в современном башкирском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 1974.
31. Хуламханова В. Х. Категория падежа в современном карачаево-балкарском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Баку, 1974.
32. Ахматов И. Х. Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке (Основные вопросы теории). Нальчик: Эльбрус, 1983.
33. Кетенчиев М. Б. Формально-семантические модели именных предложений в современном карачаево-балкарском языке. Конспект лекций. Нальчик, 1993.
34. Мартыанова Е. П. Французские предлоги и их соответствия в русском языке. Харьков, 1964.
35. Ганиев Ф. А. Проблемы категории падежа // Вопросы морфологии татарского языка. Казань: Татарское книжное изд-во, 1980.

36. *Басманова А. Г.* Именные грамматические категории в современном французском языке. М.: Высшая школа, 1977.

37. *Трофимова С. М.* Падежно-последельные конструкции монгольских языков и их русские эквиваленты. Новосибирск: Наука, 1989.

38. *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Наречие, служебные части речи, изобразительные слова). Л.: Наука, 1987.

39. *Ахматов И. Х.* Средства связи слов в словосочетаниях в карачаево-балкарском языке // Вопросы лексикологии и грамматики карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1993.

40. *Клобуков Е. В.* Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. Изд-во МГУ, 1986.

41. *Анжиганова О. П.* Именные словосочетания в хакасском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1974.

42. *Мелиоранский П. И.* Краткая грамматика казахского, киргизского языков. Ч. II. Синтаксис. СПб., 1897.

43. *Оралбаева Н. О., Балтабаева Ж.* Дифференциация функции аффиксальной и нулевой форм винительного падежа / Тюркские языки Сибири. Новосибирск, 1983.

44. *Тыбыкова А. Т.* Исследования по синтаксису алтайского языка. Простое предложение. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета. 1991.

45. *Исхаков Ф. Г.* Имя существительное // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. II, морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1956.

46. *Алиев У. Б.* Синтаксис карачаево-балкарского языка. М.: Наука, 1972.

47. Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962.

48. *Джапаров А.* Главные члены предложения в киргизском языке. Фрунзе, 1964.

А. Т. ДОДУЕВА

ЧЕТЫРЕХМЕСТНЫЕ ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРЕДИКАТАМИ ДВИЖЕНИЯ, ВЫРАЖЕННЫМИ ГЛАГОЛАМИ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Каузативные глаголы перемещения в основном залоге в карачаево-балкарском языке являются четырехвалентными и участвуют в построении предложений по

формальной схеме $C_1 - C_{-ны4} - C_6 - C_3 - Г$, где C_1 - субъект-каузатор, $C_{-ны4}$ - объект перемещения, C_6 - исходная точка перемещения, C_3 - конечная точка перемещения, $Г$ - предикат перемещения. К каузативным глаголам перемещения относятся такие глаголы, как: *ат* «кидать, метать, бросать», *быргъа* (разг.) «швырять, кидать, бросать», *сыз* «выбрасывать, выкидывать вон», *силде* «бросать, кидать, швырять что», *шипер* (разг.) «бросать, швырнуть, кидать что», *ыхтыр* «оттеснить, отбрасывать кого-что назад, отбивать кого-что», *сюйре / сюрке* «волочить что, тянуть по земле кого-что», *тарт* «тянуть, тащить что», *тюрт* «толкать», *жибер* «отправлять, посылать, направлять кого-что», *ий* «посылать, послать, отпустить», *чач* «разбрасывать, раскидывать что», *сюр* «гнать, выгонять», *ташы* «носить, переносить, таскать, перетаскивать, возить, перевозить», *келтир* «приносить, привозить что», *элт* «вести кого (куда-либо); нести, везти что», *къыста* «выгонять, прогонять кого», *айда* (карач.) «гнать», гнаться, преследовать кого-что», *къууала* «погонять, подгонять, прогонять», *жый* «собирать в одном месте (многое, многих)», *топла* (малоупотр.) «собирать вместе, сконцентрировать в одном месте», *кётюр* «поднимать (камень, мешок, чемодан и т.п.)», *бур* «крутить, вращать, вертеть что; поворачивать, направлять куда».

Г. Кулиев данные глаголы называет глаголами действия с динамическим воздействием на предмет, «в результате выражаемого действия которых происходит перемещение или изменение положения предмета в пространстве» [3, 11].

С. А. Рзаев объединяет рассматриваемые глаголы в группу «глаголы перемещения» [6, 10].

В. Л. Ибрагимова, исследуя глаголы движения в русском языке, выделяет глаголы со значением каузации движения, их инвариантная семантическая модель «Кто-то (что-то) заставляет кого-то (что-то) двигаться» (бросать, кидать, швырять, ронять, толкать, лить, капать, качать, таскать, пятить, тащить, тянуть и др.) [2, 87].

Говоря о не менее пятивалентных транзитивных глаголах со значением неавтономного перемещения типа везти и его производных (вывозить, перевозить), катить и

* Здесь приняты следующие сокращения: C_1 - осн. пад., C_3 - дат., напр. пад., $C_{-ны4}$ - вин. пад., C_6 - мест. пад., C_6 - исход. пад. имени; $Г$ - глагол в личной форме.

его производных (выкатить, прокатить), а также о глаголах со значением перемещения грузов типа нести, тащить и их производных (переносить, перетаскивать и т. п.), Ю. Д. Апресян пишет: «В самом деле, все они суть глаголы движения» [1, 299].

«Лексическое значение глаголов перемещения предмета в пространстве расчленимо на движение и действие, воздействие, — пишет Р. И. Сирота. — Значение дополнительного действия, воздействия предполагает объект» [8, 10].

М. Оразов глаголы *айда, жюргиз, алып бар, апар, алып кел, экел, аркала, жетеле, сыргыт, тасы, тарт* и др. в казахском языке относит к глаголам действия, обозначающим приведение в движение определенного предмета, подчеркивая, что «по значению эти глаголы очень близки к глаголам движения» [5, 21].

Дифференцирующим признаком глаголов, каузирующих движение, является каузирование перемещения объекта движущимся или неподвижным субъектом», — пишет Р. Д. Лизунова [4, 8].

В пользу отнесения вышеуказанных глаголов к глаголам перемещения говорит тот факт, что они управляют пространственными падежами и сохраняют сему движения в разных залоговых формах, например: в возвратном залоге (*кётюр — кётюрюл* «поднять — подняться», *сюйре—сюйрел* «тащить—тащиться», *кзыста—кзыстал* «прогнать—быть прогнанным / выгнать — быть выгнанным», *жый—жыйыл* «собрать—собраться» и т. д.

Описывая четырехкратные элементарные предложения в казымском диалекте хантыйского языка, В. Н. Соловар выявляет «модель каузированного движения», перемещения субъектом объекта из пункта А в пункт Б (от определенного лица к определенному лицу) [9, 14].

Предложения с каузативными глаголами перемещения в позиции предиката, где указывается на исходную и конечную точки перемещения объекта, строятся по формальной схеме $C_1 - C_{-ны4} - C_6 - C_3 - Г$. Позицию субъекта-каузатора при них занимают существительные, обозначающие существа и предметы, способные к передвижению: названия людей, животных, птиц, механизмов передвижения; слова, обозначающие стихийные силы природы — *жел* «ветер», *боран* «буран», *ырхы* «селевой поток». Позицию объекта каузированного перемещения занимают существительные, обозначающие людей, живот-

ных, предметов, механизмов передвижения. Позицию локатива исходной точки и позицию локатива конечной точки занимают слова с пространственной семантикой, выраженные существительными или наречиями, последними сочетаниями. Значение наречий конкретизируется при опоре на контекст.

Предложения с глаголами *кзыста* «выгонять, прогонять», *сюр* «гнать, выгонять», *айда* (карач.) «гнать», *кзуу* «гнать, гнаться», *кзууала* «погонять, подгонять, прогонять», *ыхтыр* «оттеснить, отбрасывать кого» в позиции предиката выражают самостоятельное передвижение объекта субъектом-каузатором впереди себя. Одновременно передвигаются и субъект-каузатор и каузируемый объект. Дифференцирующий признак — «насиленно, принуждая». Движение-перемещение производится в направлении от говорящего. Примеры: 1) *Аслан кгазланы тауукз орундан тышына кзыстады* (Ш.) «Аслан выгнал гусей из курятника наружу». 2) *Бизникиле душманны суу жаггадан артха ыхтырдыла* (О. Х.) «Наши оттеснили врага назад от берега». 3) *Магомет бузоуланы арбадан тешге кзууалайды* (Н.) «Магомет погоняет телят со двора на холм».

Предложения с предикатами, выраженными глаголами *келтир* «приносить, привозить что; приводить кого-что», *ташы* «носить, переносить, таскать, перетаскивать, возить, перевозить», в отличие от вышерассмотренных, показывают перемещение объекта субъектом в направлении к говорящему. В зависимости от лексического наполнения позиции объекта уточняется — при физическом контакте или без контакта с ним осуществляется перемещение: 1) *Машинала нартюхню сабанладан толга ташыйдыла* (К. жол) «Машины возят кукурузу с полей на ток»; 2) *Мурадин Аслижанны шахардан элге келтирди* (М. Т.) «Мурадин привез Аслижан из города в село»; 3) *Ат сау кюнню тракторлагга элден бочка бла суу ташыйды* (Ш.) «Лошадь целый день возит тракторам бочками воду из села».

Как видно из этих примеров, позиция C_1 наполняется то словами, имеющими значение личного субъекта, то словами — названиями транспортных средств, что отражается на семантической структуре рассматриваемых предложений. Перемещение объекта и субъекта происходит одновременно.

Предложения с глаголом *элт* «вести кого (куда-либо), нести, везти что» в позиции предиката выражают одновременное перемещение субъекта и объекта в направлении от говорящего. Г. Г. Сильницкий пишет, что «глагол «нести» обозначает перемещение субъекта и каузируемое им синхронное перемещение объекта» [7, 14]. Р. И. Сирота отмечает, что глаголы перемещения предмета нести, носить и под. синтаксически объединяются необходимостью связи с винительным объектом, наличием сильного управления, вхождением в одну языковую модель [8, 10]. Перемещение объекта производится самостоятельно или несамостоятельно, что зависит от лексического наполнения его позиции. Например: *Кирилл мени вокзалдан тюзюнлей юйюне элтди* (Ж. Тек.) «Кирилл сразу отвез меня с вокзала (к себе) домой»; 2) *Алий чемоданланы бир отодан бирси отоугга элтеди* (З.) «Алий несет чемоданы из одной комнаты в другую».

Предложения с глаголами *ат* «кидать, метать», *сыз* «выбрасывать, выкидывать вон; бросать», *силде* «бросать, кидать, швырять что», *быргга* (разгов.) «швырять, кидать, бросать что», *жибер* (разг.) «бросать, швырнуть, кидать что» в позиции предиката выражают перемещение объекта неподвижным субъектом-каузатором при физическом контакте с ним – с помощью руки или какой-либо частью тела резким движением, придав объекту начальную скорость. Движение объекта происходит в воздухе. Примеры: 1) *Жашчыкз топну алайдан бир жанына сызды* (Н.) «Мальчик кинул мяч оттуда в сторону»; 2) *Толкзунла кзайыкзны суудан жаггага атадыла* (М. Т.) «Волны выбрасывают лодку из воды на берег».

Предложения с глаголами *жибер* «отправлять, посылать, направлять кого-что», *ий* «посылать, послать, отпустить» в позиции предиката выражают каузированное перемещение объекта с одной точки пространства в другую. Субъект-каузатор находится в состоянии покоя и дает устное распоряжение, в семантике предложения осуществление или неосуществление действия не конкретизируется. Фактически объект перемещения, выраженный словом в $S_{\text{нм}}$, в предложениях с данными предикатами является исполнителем движения, т. е. субъектом. Как и позицию субъекта-каузатора, в данном случае позицию субъекта движения занимают одушевленные имена существительные. Примеры: 1) *Мен сабийлени арбаздан тышына жибердим* (К. жол) «Я отпустил детей со

двора наружу»; 2) *Устаз окзучуланы дерден переменагга жиберди* (З.) «Учитель выпустил детей с урока на перемену»; 3) *Керим итни эшикден арбазгга ийди* (Н.) «Керим пустил собаку с улицы во двор».

Предложения с глаголом *кётюр* «поднимать (камень, мешок, чемодан и т.п.) в позиции предиката выражают каузированное перемещение объекта снизу вверх при физическом контакте с ним, например: 1) *Жамий Асланчыкзны жерден ёрге кётюрдю* (Ш.) «Жамий подняла Асланчика с земли вверх»; 2) *Кзуш кзозучукзну жерден кёкге кётюрдю* (З.) «Орел поднял ягненка с земли в воздух».

Предложения с глаголами перемещения *сюйре* и *сюрке* «волочить что, тянуть по земле кого-что», *тарт* «тянуть, тащить» в роли предиката выражают зависимое перемещение объекта субъектом-каузатором, заставляя его двигаться за собой. Дифференцирующий семантический признак данных глаголов – «волоком, преодолевая сопротивление», они содержат в своем значении указание на физический контакт объекта с субъектом-каузатором на протяжении всего времени движения. Примеры: 1) *Трактор аугган терекни жолдан бир жанына тартды* (К. жол) «Трактор поволок упавшее дерево с дороги в сторону». 2) *Жашчыкз чанасын тёшге сюйрейди* (Н.) «Мальчишка тянет/тащит санки оттуда на гору».

Предложения с глаголом *тюрт* «толкать» в позиции предиката описывают такое передвижение, когда субъект-каузатор при физическом контакте с объектом заставляет его перемещаться впереди себя. Примеры: 1) *Ануар столну отоуну мюйюшюнден ортасына тюртдю* (М. Т.) «Ануар продвинул стол с угла комнаты на ее середину»; 2) *Эгечим мени суудан бир жанына тюртдю* (Ш) «Моя сестра толкнула меня от воды в сторону».

Предложения с глаголами *жый* «собирать в одном месте (многое, многих)», *топла* (малоупотр.) «собирать вместе, сконцентрировать в одном месте» в позиции предиката выражают перемещение субъектом-каузатором (при устном распоряжении или при физическом контакте) множества объектов с разных точек пространства в одну точку. Например:

1) *Аслан малланы орамдан баугга жыйды* (К. жол) «Аслан загнал скотину с улицы в сарай»; 2) *Назифачыкз иллеуланы жерден четенчикге жыйды* (М. Т.) «Назифа собрала игрушки с пола в корзиночку».

Предложения с глаголом совместного движения *ашыр* «проводить, проводить, отправлять» в позиции предиката выражают одновременное передвижение субъекта и объекта с одной точки пространства в другую, далее субъект продолжает движение один. В позиции локатива конечной точки (C_3) часто употребляется послеложное сочетание C_3 *дери*, например: *Камал Маржанны ишден юйюне дери ашырды* (И. Г.) «Камал проводил Маржан с работы до ее дома».

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. К построению языка для описания синтаксических свойств // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М.: Наука, 1973. С. 277-325.
2. Ибрагимова В. Л. Глаголы со значением каузации движения в современном русском языке // Исследования по семантике: Межвуз. науч. сб. Вып. 1. Уфа, 1975. С. 87-92.
3. Кулиев Г. К. Семантические группы глаголов (на материале юго-западной группы тюркских языков) // Советская тюркология. 1975. № 3. С. 7-16.
4. Лизунова Р. Д. Семантика аналитических конструкций с глаголами движения (на материале татарского и других тюркских языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1991. - 20 с.
5. Оразов М. Семантика казахского глагола (опыт семантической классификации): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1983. - 56 с.
6. Рзаев С. А. Семантические разряды глагола в современном азербайджанском литературном языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Баку, 1970. - 27 с.
7. Сильницкий Г. Г. Семантическая структура глагольного значения и проблемы структурной лингвистики. 1983. М.: Наука, 1986. С. 3-16.
8. Сирота Р. И. Лексико-синтаксическая сочетаемость глаголов движения и глаголов перемещения предмета в пространстве в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1968. - 19 с.
9. Соловар В. Н. Структурно-семантические типы простого предложения казымского диалекта хантыйского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1991. - 16 с.

КЪАРАЧАЙ-МАЛКЪАР ТИЛДЕ ТИЛНИ АТ КЕСЕКЛЕРИНИ ГРАММАТИКА ФОРМАЛАРЫНЫ СЁЗЛЕГЕ ЁТЮУЛЕРИ

Къайсы тилни да лексикасы юч тюрлю мадар бла байыкъланады: 1) башха тилледен сёзле алыу бла; 2) сёз къурауну тилни кесинде жюрютюлген амаллары бла эм; 3) сёзлени грамматика формаларыны лексика формагъа ётюулери бла. Къарачай-малкъар тилни сёз хазнасыны байыгъыууну биринчи бла экинчи мадарлары тинтилгендиле. Аланы юсюнден энчи китапла, диссертацияла да жазылгъандыла. Ючюнчю мадарны юсюнден а алыкъа жукъ да жазылмагъанды.

Белгилисича, сёзлюкледен сёзю лексика формасы бериледи. Аны бир-бир грамматика формалары жаланда орфография сёзлюкледен берилрге боллукъдула. Сёзлюклене жарашдыргъанла сёзлени лексика формаларын аланы грамматика формаларындан тынгылы айыра билрге керекдиле. Алай болмаса, сёзлюкледен лексика формагъа ётмеген грамматика формала сёзлечен бериллип къалыргъа тюшеди. Ол бегирекда орус-миллет сёзлюкледен тюберге болады. Сёз ючюн, «Къарачай-малкъар-орус сёзлюкден» (1989) сёзлени лексикализацияланмагъан грамматика формалары топпа-толудула. Анга бир талай юлгю келтирейик:

этимчала: *айырмай, кёргюзтмей, къажымай, суратлап* д. б.;

этимсыфатла: *окзугъан, ишлемеген, ишленген, багъылгъан, бажаргъан, алгъышлагъан* д. а. к.; бетлеучю алмашланы болуш формалары: *анга, аны, анда, андан; мени, меннге, менде, менден* д. а. к.; иеликни бир-бир формалары: *меники, сеники, аныкты, бизники, сизники, аланыкты*; бир-бир атланы кёплук сан формалары: *алутлула, ассирийлиле* д. б. Быллай формаланы сёзлюкге кийире туруп, аны жарашдыргъанла аланы орус тилге кёчюргенде, сёзле болуп кёчюулери таяннгандыла. Сёз ючюн, *меники* «мой», *сеники* «твой», *суратлап* «образно», *озгъан* «прошлый» д. а. к. Алай этерге жарамайды. Не ючюн дегенде, хар тилни кесини энчилиги барды. Къарачай-малкъар сёзлени сёзлюкге кийире туруп, аны кесини жорукъларына таяныргъа керек эди. Ол зат эсге алынмагъаныны хатасындан, «Къарачай-малкъар-орус

сёзлюк» лексика сёзлюкледен эсе грамматика сёзлюкте бегирек ушагъанды. Къарачай-малкъар тилде сёзлени грамматика формаларындан лексикализацияланганларыны саны эки жюзге жууукъду. Мен аланы «Къарачай-малкъар-орус сёзлюкден» жазып алгъанма. Алагъа юлгюлени уа – «Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгюню» картотекасындан. Ол юлгюлеге кёре, лексикагъа къарачай-малкъар тилде быллай грамматика формала ётедиле: этимсыфатла, этимчала, атланы, сыфатланы, санаулары болуш эм кёплюк сан формалары.

Болуш формаладан къуралгъан сёзле

Къарачай-малкъар тилде болуш формаладан ючюсю сёзлеге ётедиле: бериучю, орунлаучю эм башлаучю болушлары формалары. Аланы бир-бирлеринден къалгъанлары сёзлеуле болуп жюрютюледиле, сёз ючюн: *телисине, кёзюне, бирге, башха, артха, алайгъа, алгъа, артдагъа, ёрге, былайда, бирде, артда, анда, алайда, эрттенликде, олсагъатда, къайда, кенгден, бирден, алгъадан, алайдан, жангъадан, кючден* д. б.

Бир-бир санчы санаулары башлаучю болуш формалары кийдирилген сёзлеге (*биринчиден, экинчиден*), атланы бериучю болуш формалары уа сыфатлагъа (*ёнге, ёзге*) ётедиле.

Бериучю болушну формаларындан къуралгъан сёзле

Ала быллай сёздедиле: *асламысына, артдагъа, алайына, бошуна, бошунагъа, узунуна, керексизге, чюйресине, къынгырына, чортуна, къыйыгъына, терсине, былайгъа, эрге, алгъа, алайгъа, артха, башха, бирге, кёзюне, телисине* д.б.

Адамны саулугъу болуу асламысына кгаллай болумда жашагъанына кёреди («Ленинни байрагъы», 1964, декабрь). «Мен а, – дейди командир, – *продуктланы артдагъа асыралырларын сюеме*» («Заман», 1993, июнь). *Былайгъа жыйылгъан сабийледен Къыямьтны уланындан туугъандан онглу болмагъанды* (Аппаланы Х., Къара кюбюр). *Аланы барысына да оноу бир болгъанды: алагъа эрге баргъаны, аладан кзатын алгъаны да бир жерде жашаргъа тийишлидиле – Азияда!* (Гадийланы И., Къанатлыда жел улуйду). *Секирип туруп кзараса, алайгъа керуан жетип келе эди* (Мёчюланы К., Тахир бла

Зухура). Артха туругъа болмаучед. Намысына уялып (Мёчюланы К., Солтанхамитни жыры). *Эллилери болгъанлай болмай, башха кгадар излегени ючюн...* (Толгъурланы З. Кёк гелеу). /Асхат Махтиге:/ *Алан, кёзюне айтып кзойгъанынгы нечик тап этген эдинг!* (Кучиналаны М., Уллу Малкъар). *Бу кзызны телисине жаншагъанына да ийнанганмы этесиз?* («Шуёхлукъ», 1992. № 3). *Аскерчи киши, санлары бошайып, юй тубюне жыгъылды, узунуна жатып, шошайды* (Гуртуланы Э., Шамшудин къаласы). *Иелери бла бирден уялып, бир бири тауушларыни эниклей, бошунагъа эринип юрген итлени тауушлары ачыкдан-ачык келеди* (Къобанланы Д., Таулада таууш).

Белгиленген сёзлеуле бериучю болушну *-на/-не, -гъа/-ге, -ха* формалары бла иели атланы бла сыфатланы ючюнчю бетдеги формаларындан (*кёзю, чюйреси, къыйыгъы, телиси, узуну*), сонгура атладан (*арт, ал*), иесиз атладан (*баш, эр*) къуралгъандыла. Бир-бир сёздеде бериучю болушну эки формасы бирге кшошулуп да жюрюйдюле: *бошу+на+гъа*. Бу болушну формасындан къуралгъан сёзлени ичинде омонимлери да бардыла. Сёз ючюн, *ёзге* деген сёз сыфат да, сонгура да болуп жюрюйдю: *Менден ёзге адам санга ол затны кечмез эди* (сонгура). *Амин Далхатны кёрдю, ёзге киши кёрмеди* (сыфат). *Башха* деген сёз а тилни юч тюрлю кесеги болуп жюрюйдю: сыфат, сёзлеу эм сонгура. *Бюгюн бош тюйюлме, бек айып этмесенг, башха кюн кел* (сыфат). *Халим бизден башха жашайды* (сёзлеу). *Аны сенден башха киши да билмейди* (сонгура). Башда айтылгъан сёзлюкте быллай омонимлени бир-бирлери кёп магъаналы сёзлеча берилгендиле. Сёз ючюн, *алайына* деген сёзню быллай магъаналары кёргюзтюлгендиле: 1) алайлай, хакъ телемей; 2) билмей тургъанлай. Бу эки магъананы бир бирлери бла не аз да байламлыкълары жокъду. Аны себепли ала омонимледиле. *Алгъа* деген сёз сёзлеу да, сонгура да болады. Алай эсе уа, ала эки сёздюле – омонимле. Сёзлюкте уа бир сёзню магъаналарыдыла деп бериледиле. Омонимлени бир шартлары сёзню тилни башха-башха кесеклери болуп жюрюудю.

«Къарачай-малкъар-орус сёзлюкте» бериучю болушну сёз болмагъан тюрлюлери да бардыла, сёз ючюн, *манга, санга, анга, юсюне, кзатына, ичине, тубюне, бизге, алагъа, былайгъа* дегенча формала.

Сөзлөкдө угъай, быллай кемчиликке къарачай-малкъар тилни илму грамматикасында окъуна тубейдиле. Сөз ючюн, анда бериучю болушну формасындан къуралгъан сөзлеуледи деген быллай сөз бирлешле, сөзлени болуш формалары, сөз тутушла, фразеология тутушла окъуна берилгендиле: *көзден көзге, эндиге дери, ингирге дери, анга ачыгъа, ингирге, бийикге, эрттенблагъа, узакъгъа, бусагъатха дери, быйылгъа дери, тамблагъа дери, былайгъа дери, алайгъа дери, бетден-бетге, кюнден-кюннге, жылдан жылгъа* д. б. [1, 150, 152, 153, 156, 159–161]. Была барысы да, айтымда болушланы сорууларына жууап этгенликке, сөзлеуле туююдюле. *Ингирге, бийикге, узакъгъа* деген сөз формала *ингир, узакъ* деген атланы, *бийик* деген сыфатны бериучю болушдагъы лексикализацияланмагъан формаларыдыла. *Көзден-көзге, бетден-бетге, кюнден-кюннге, жылдан-жылгъа* фразеологиягъа этген сөз бирлешледиле. *Эндиге дери, ингирге дери, бусагъатха дери, быйылгъа дери, тамблагъа дери, былайгъа дери* – была да лексика магъаналары тюрленмеген, сөз болмагъан сөз бирлешледиле.

Орунлаучу болушну формаларындан къуралгъан сөзле

Къарачай-малкъар тилде бу болушну формаларындан быллай сөзлеуле къуралгъандыла: *бирде, былайда, бусагъатда, артда, ахырында, анда, мында, алайда, эрттенликде, женгилде, асламысында, олсагъатда, заманында, кезиуянде* д. б. *Олсагъатда* туюшалмагъанла *Жулдузхан таба чапдыла* (Гадийланы И., Къанатлыда жел улуйду). *Эрттенликде къар жаугъанлыкъгъа, туюшден сора тауукъла къумда жууунадыла* («Минги-Тау», 1994. № 3). *Ала уа мени эслемейдиле, мен алайда болмагъан кибик* (Чингиз Айтматов., Жамиля). *Анда къояргъа къоркзуп, юйге алып келген эдим* (Мечюланы К., Кёкге учхан). – *Ол къырал дегенинг не затды, жашы? Аны бир ангылатчы, – деди ахырында* (Толгъурланы З., Кёк гелеу). *Артда Къайсын аланы бирин да китабына къошмагъан эсе да, ала малкъар литератураны байлыгъыдыла* («Коммунизмге жол», 1994, май). *Бусагъатда хар атлам палах къозгъап къояргъа боллукъду* (Толгъурланы З., Кёк гелеу). *Лейля, андан келдим мен санга, бирде къара сыбызгъы согъа* (Къулийланы Къ., Чегемде Лейлягъа айтама). *Мында бизге къажау сюелирик адамла*

бардыла деп мен ийнаналмайма (Хучиналаны М., Уллу Малкъар). *Сейир этмеймисиз? Бир-бирде ётюрюк айтханымы кесим билип тургъанлай ийнаныргъым келиучюдю* (Кацийланы Х., Аланла, сизде уа не хапар?).

Юлгюледе кёргюзтюлгенине кёре, белгиленген сөзлеуле атланы, сыфатланы, алмашланы, сонгура атланы орунлаучу болуш формаларындан къуралгъандыла.

«Къарачай-малкъар-орус сөзлөкдө» быллай сөзлеулени саны былайда кёргюзтюлген сөзле бла чекленип къалмайды. Болсада аланы асламы лексикализацияны сынамагъандыла, сөзле болмагъандыла, болуш формадан чыкмагъандыла. Ма юлгюле: *мийикде, артында, аллында, арлакъда, аллында, эншигде, юйде, арада, узакъда, кенде* д. б. Бу грамматика формаланы сөзле сундургъан аланы орусча кёчюрмелери сөзле болгъанларыды: *кенде* «вдали», *мийикде* «высоко», *арлакъда* «поодаль», «вдали», *аллында* «впереди», *арада* «посреди, посредине» д. б. Аллай кемчиликке школ дерсликдеде, тилибизни илму грамматикасында тубейдиле. Сөз ючюн, алтынчы-жетинчи классланы дерсликлеринде тубеген *тёбен къыйырында, ёзенни ичинде, сууну боюнунда* дегенча сөз тутушла сөзлеуледи деген берилгендиле [2, 110–111]. Илму грамматикада уа сөзлеулеге *узакъда, жууукъда, бийикде, къарангыда* дегенча болуш формала саналадыла. Болсада быланы бирлери да сөзлеуле туююдюле, орунлаучу болушну сөзлеге ётмеген формаларыдыла. Бу сөз формала бла сөз тутушла айтымда орунлаучу болуш боладыла. Орунлаучу сөзлеуле да, аллай болушлача, къайда? къалайда? деген соруулагъа жууап этедиле.

Башлаучу болушну формаларындан къуралгъан сөзле

Башлаучу болушну формалары да, бериучю, орунлаучу болушланы формаларыча, сөзлеге ётселе, асламысында халчы, заманчы эм орунлаучу сөзлеуле боладыла. Аланы анда-санда бирлери уа кийдирилген сөзлени бла сонгура атланы къурайдыла. Башлаучу болушну сөзлеге ётгенлерине быллай тюрлюлерин санаргъа боллукъду: *бирден, былайдан, алгъадан, хакъындан, биринчиден, экинчиден, ючюнчюден, артдан, алдан, кючден, кючден-бутдан, кенден, узакъдан* д. б.

Таужан къазылгъан бахчасын жангыдан чучхуду (Къобанланы Д., Таулада таууш). *Аны бла Зухура Тахирни алайдан кишиге эслетмей айырды* (Мечюланы К.,

Тахир бла Зухура). *Бир адамны малы да андан ёлюп келмегенди* (Мёчуланы К., Сары кёшда). *Барысы да бирден Айшат таба айланып, аны этерине бла айтырына саггайдыла* («Минги-Тау», 1993. № 3). *Кенгден кыйылып кгара кгашларынг, бир кгарыш барды арасы* (Фольк.). *Ызындан айтхандан эсе, кёзюнден айтхан дуруду* (Лайпанланы Х., Жолоучулукъда). *Жашчыкк «Мараучуну хапарын» саулай кёлден айтды* («Коммунизмге жол», 1985, апрель). *Аланы кёзгёга сауут алалыкклары эрттеден да фронтлада болганларын кесигиз уста билесиз* (Гадийланы И., Къанатлыда жел улуйду). *Сейит, кюреше кетип, кючден аяггы юсюне турду* (Толгъурланы З., Жетегейле). *Совет властыда мен да жырлайма жангы жашауну юсюнден* (Къочхарланы К., Сайламала).

«Къарачай-малкъар-орус сёзлюкде» бу болушну да лексикализацияланмагъан формалары сёзледиле (сёзлеуледиле) деп берилгендиле. Аны жарашдыргъанла бу вопросда да грамматика формаланы орус тилге сёзле болуп кёчюрюлгенерине таяннгандыла. Тенглешдирип кёрейик: *кёкден «свысока», мийикден «свысока», башындан «сверху», арлакъдан «издали, издалека» д. б. Кертиди, орус тилде «свысока, сверху, издалека» дегенча сёзле бардыла, ала сёзлеуледиле. Къарачай-малкъар тилде уа былайда -дан/-ден жалгъаулу формала сёзле туюкдюле.*

Къарачай-малкъар тилни ана тилде, орус тилде да жазылгъан грамматикаларында да бу вопрос тынгылы этилмегенди, башлаучу болушну сёзлеге ётген эм ётмеген формалары бир бирден айырылмагъандыла. Сёз ючюн, *бийикден, жууукъдан, сыртындан, бауурундан, жалкгасындан* [3, 104], *онгдан, солдан, эрттеден бери, кёпден бери, тюненеден бери* [1, 156, 159] деген формаланы сёзлеге санаргъа кыйынды.

Орус тилде жазылгъан илму грамматикабызда бу вопросну юсюнден былай айтылады: «Атланы башлаучу болушларындан *онгдан, солдан, артдан, алдан* дегенча сёзлеуле къуралгъандыла» [1, 15]. Биринчиден, бу сёзлени тамырлары атла туюкдюле: *онг, сол* – сыфатладыла, *арт, ал* а – сонгура атла. Экинчиден а, *онгдан, солдан, артдан, алдан* деген формаланы сёз болгъанлары даулашлыды [4, 98].

Алайды да, къарачай-малкъар тилде сёзлени болуш формаларыны (бегирекда, бериучю, орунлаучу, башлаучу)

бир къауумлары, кеслерини грамматика шартларын тас этип, сёзлеге ётгендиле. Ала тилибизни сёзлюклеринде, школ дерсликлеринде эм илму грамматикалада кеслерини орунларын тапхандыла. Болсада ала бла къатыш алыкъа сёз болмагъан болуш формала да кёп берилгендиле. Ол а сёзлени болуш формаларыны сёзлеге ётюрюлерине къарачай-малкъар тилде чыртда эс бурулмагъанын кёрюзтеди. Бу вопросну тинтилмегенини хатасындан, сёзлюклени жарашдыргъанла да, школ дерсликлени бла илму грамматикаланы авторлары да, башха амал тапмай, жаланда бир затха таяннгандыла: болуш формаланы, орус тилге кёчюрюгенде, сёз болуп кёчюрюлгенлерин сёзлеге, сёз болуп кёчюрюлмегенлерин а грамматика формалагъа санагъандыла. Ол хал къуру къарачай-малкъар тилде эсленип къалмайды. Бирси тюрк тиллени бир талайында да эсленеди. Сёз ючюн, узбек тилде *бир-бировига* (бир бирге), *бир-бировидан* (бир бирден), татар тилде *якында* (жууукъда), *якынан* (жууукъдан), къзаха тилде алгъашкыда (алгъа), *аяггында, бауурунда* деген болуш формаланы орус тилге сёзле болуп кёчюрюлгенлери ючюн, ангылатма сёзлюкlege кийирилгендиле [5, 70].

Кёплук санны формасындан къуралгъан сёзле

Хар тилде да жаланда бирлик неда кёплук санда жюрютюлюучю сёзле тубейдиле. Аланы саны кыйысы тилде да кёп туюкдю. Къарачай-малкъар тилде жаланда кёплук санда жюрютюлюучю сёзле быладыла: *кесекле, хазырла, айырыула, сайлаула* (къарач.), *урунганла, акъла, кызылла* эм *Сараганла, Жетегейле, Илкерле, Мырытла* дегенча жуддузланы атлары д. а. к.

Мухаммат сау ыйыккны кесекледен ауруп ишге жюрюлмай турду («Коммунизмге жол», 1983, март). *Ибрахим, хазырлары болган жангы, омакк чепкенин кийип, правлен таба кетди* («Минги-Тау», 1992, № 5). *Мында айырыулагъа хазырланыу бла байламлы къурау ишле иги барадыла* («Коммунизмге жол», 1972, февраль). *Акъланы сауутлары да, адамлары да кёп эдиле* («Коммунизмге жол», 1981, май). *Бирле – жакыл, бирле – кирли, аллайланы иши – хыйны* (Мёчуланы К., Эки тилли алтакъла). *Бир-бирле кгайда, кгалай жашаганларын билмейдиле, кеслерин кёкден тюшген сунадыла* («Шуёх-лукъ», 1979. № 3). *Кызылланы хорларгга умут этген, теири, алада кётен уллуду!* (Токъумаланы Ж., Ёксюзю

къадары). *Жетегейле* – жети жулдуз, Темиркъазакъ – жангыз жулдуз (фольк.). – Ай юйюнге, къалай ангыламайса?! *Партия урунганла жанлыды* («Шуёхлукъ», 1973. № 2).

«Къарачай-малкъар-орус сёзлюкге» бирле, бир-бирле деген сёзле кирмегендиле. Аланы сёзле болуп жюрютюлгенлерине уа суратлау чыгъармала шагъатлыкъ этедиле. *Хазырла, акъла, сайлаула, кызылла, урунганла* деген сёзле уа энчи сёзлеча угъай, *хазыр, акъ, сайлау, кызыл, урунган* деген сёзлени бир магъаналарыча берилгендиле. Болсада тилде ала сёзле болуп, жалаанда кёплюк санда, эрттеден жюрютюледиле. Сёзлюк бу сёзледен жалаанда кесекле дегенни къошханды кесине. Сёзлеге ётмеген *байла-бийле, алайла, арлакъла* деген формала уа мында сёзлени тизгинлериндедиле.

Къарачай-малкъар тилде адамны къайсы халкъдан, миллетден болгъанын билдирген сёзле жангызлыкъ, кёплюк санда да бирча эркин жюрютюледиле. Аны себепи сёзлюкледен ала жангызлыкъ санда берилрге керекдиле. Алай бизни тилибизни сёзлюкюнде ала эки тюрлю берилгендиле: *азербайджанлы, малкъарлы, алеутлула* д. б. Эшта, къарачай-малкъар лексикографлагъа бу вопросда да бирси тюрк тиллени сёзлюклери чырмау болгъан болурла. Алада да бирчалыкъ жокъду: туркмен тилни сёзлюклеринде – *аджарлар* (аджарлыла), *бразилиялылар* (бразилиячыла), узбек тилникиледе – *белорус эм белоруслар*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматика карачаево-балкарского языка: фонетика, морфология, синтаксис. Нальчик: Эльбрус, 1976.
2. Малкъар тил: 6–7 класслагъа дерс китап. Нальчик: Эльбрус, 1993.
3. Къарачай-малкъар тилни грамматикасы: фонетика, морфология, синтаксис. Нальчик: Эльбрус, 1966.
4. Юлдашев А. А. Принципы составления тюркско-русских словарей. М.: Наука, 1972.
5. Гусев Ж. М. Проблематика словника толкового словаря. Нальчик: Эльбрус, 1984.

С Е М А Н Т И К А

А. А. ЖАППУЕВ

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ ЧУВСТВА В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Семантика глаголов чувства (или глаголы психической деятельности), как и других лексико-семантических групп глаголов, в карачаево-балкарском языке не изучена. Встречаются только отдельные примеры, рассматриваемые в связи с исследованием различных проблем глагола и глагольной фразеологии [1, 86 – 87; 2, 113 – 118; 3, 166 – 168; 4, 84, 90 и др.]. Исследования по данной теме в других тюркских языках за последние годы оказались недоступными, поэтому в данной работе использованы только работы А. А. Юлдашева «Глаголы чувственного восприятия в тюркских языках» [5, 284–321], А. А. Кияшевой «Семантическое поле глаголов эмоций в современном русском и казахском языках» [6], статьи Г. К. Кулиева «Сравнительно-исторический анализ лексико-семантического развития глаголов зрения в тюркских языках огузской группы» [7], «Лексико-семантическое развитие глаголов слухового восприятия в тюркских языках юго-западной группы» [8], М. Оразова «Семантика казахского глагола (опыт семантической классификации)» [9], Ф. А. Ганиева «Семантические разряды глаголов татарского языка» [10, 75–84]. В некоторых работах освещаются отдельные вопросы изучаемой темы, в других они рассматриваются фрагментарно.

В работе использованы также труды, где расследуются отдельные классы глаголов чувств (глаголов психической деятельности): Н. И. Шапилова [11], Л. М. Васильев [12, 13], З. Е. Ключникова [14], А. А. Кретов [15], М. Л. Крючкова [16], И. С. Чудинова [17], В. Е. Похмелкина [18], Д. А. Ибрагимова [19], Нго Ныи Бинь [20]. Названные авторы, за исключением Л. М. Васильева, рассматривают отдельные классы (группы) глаголов чувства в различных аспектах: со стороны семантики [13, 14, 15,

18, 20 и др.], со стороны сочетаемости [15], системных связей глаголов чувства [17], анализ глаголов, обозначающих положительное и отрицательное эмоциональное состояние [18]. Все эти проблемы в комплексе исследованы Л. М. Васильевым в указанных работах. Глаголы чувства (глаголы психической деятельности – термин Л. М. Васильева) обозначают внутренние психические состояния, внутренние потребности организма человека, отражение сознанием человека внешней среды, свойств и предметов внешнего мира, различные эмоциональные состояния (при которых переживаются те или иные чувства), процесс эмоционального переживания и т.п. [13, 43, 49, 52, 96; 1, 6; 14, 14, 15; 19, 101; 20, 4, 5] и др.

Глаголы чувства (психической деятельности в самом общем плане) подразделяются на следующие группы (классы): 1) глаголы ощущения; 2) глаголы желаний; 3) глаголы восприятия; 4) глаголы внимания; 5) глаголы психического (эмоционального) состояния; 6) глаголы эмоционального переживания; 7) глаголы эмоционального отношения; 8) глаголы мышления; 9) глаголы знания; 10) глаголы памяти.

Первые семь групп связаны с областью чувств в широком их понимании, а три последних – с областью мысли, мышления [13, 43]. Глаголы чувства занимают важное место в общей лексической системе карачаево-балкарского языка и в системе глагола, в частности. Они занимают значительное место в глагольной лексике. Это обусловлено тем, что человек постоянно, всю жизнь ощущает не только то, что происходит с его организмом, но и соприкасается с внешним миром, который воздействует на него так или иначе. Наиболее общей категориальной семьей (архисемой), идентифицирующей все глаголы чувства (психической деятельности) является *сезим* (*сез*) «чувство (чувствовать)». Рассматриваемые классы глаголов, в свою очередь, имеют свои идентифицирующие и дифференцирующие семы.

Каждый класс глаголов семантики подразделяется на группы и подгруппы, которые организуют парадигму данного класса глаголов. Описываемые глаголы представлены отдельными словами, сложными единицами, фразеологизмами, в определенной степени устойчивыми сочетаниями. Часто употребляются вспомогательные глаголы. Глаголам психической деятельности, как и другим, присущи синонимические и антонимические отно-

шения. Например: *кзуруш, кзат, ую, жукзла, толлукз бол* «онеметь, оцепенеть, одеревенеть, занеметь».

Бармакзларым кзурушдула «Мои пальцы оцепенели». *Аягзым жукзлады (уюду)*. «Моя нога онемела». *Жюрегим чыкзды (жаным чыкзды)*. *Кзоркзггандан жаным (жюрегим) чыкзды* «Сердце оборвалось от страха». *Жюрегим басылды (таушалды)* «Сердце отлегло». С помощью органов чувств (сезим санла) человеческий организм получает в виде ощущений разнообразную информацию о состоянии внутренней и внешней среды. Существуют многообразные виды ощущения: зрительные, слуховые, осязательные, вибрационные, температурные, обонятельные, болевые, вкусовые. В языке эти ощущения обозначаются именами и глаголами, глаголы ощущения обозначают отражение в сознании биологически обусловленных сигналов, как сказано выше, о внутреннем состоянии организма человека [12, 58]. Глаголы ощущения в зависимости от их семантики подразделяются на ряд групп и подгрупп. Глаголы ощущения реализуют свои значения в различных конструкциях. Анализ показал, что сочетаемость для данных глаголов разнообразна. Например: *Мен сууукз болганма* «Я замерз». Предложение состоит из субъекта, выраженного личным местоимением, сказуемое – сложный глагол. Представляет одновалентную дистрибуцию. *Жашчыкзны кзоллары сууукздан кзабышадыла* «У мальчика от мороза руки коченеют». Объекты стоят в родительном и исходном падежах. Трехвалентная дистрибуция. *Мурса кзолуму кюйдюрдю* «Крапива обожгла мне руку». Объект в винительном падеже, двухвалентная дистрибуция. *Ишде бек арыггандан Асланны бутлары жызылдайдыла* «У Аслана на работе от усталости ноги сильно ноют». Глагол *жызылда* управляет дательным и родительным падежами, имеются позиции обстоятельства *бек* «очень», четырехвалентная дистрибуция.

Таким образом, для глаголов смущения характерны двух- и трехместные сочетания, предложения больших структур встречаются редко. В дальнейшем сочетательные особенности глаголов в таком подробном плане рассматриваться не будут. Будут рассматриваться конструкции, в которых употребляются глаголы, какими падежами управляют и т.п. По наиболее общему значению *сезим сына* «испытывать ощущения» объединяются глаголы [13, 43] *сез* «ощутить, чувствовать», *сез, бил* «чуять», *эшит*

«чувствовать, ощутить», таны «чувствовать, ощутить». Остальные глаголы с дифференциальными семантиками являются синонимами к первым. *Боллукъ затны эрттеден эсге алып билип, сезип тур* «Чувствовать заранее, воображая что-либо предстоящее»: *жюреги биледи, билип тур, жюреги билип турады* «предчувствовать». Например: *Ананы жюреги жашыны урушдан сау келлигин биледи* «Сердце матери чувствует, что сын с войны вернется живым». *Ананы жюреги сабийи аурурукъну сезип турады* «Сердце матери чувствует, что ее ребенок заболел». Некоторые глаголы, в зависимости от семантики, означаемой ими ситуации, могут употребляться в страдательной, побудительной (каузативной), в взаимно-совместной формах. Таковы глаголы *сез* «чувствовать, ощущать», *къозгъа* (перен.) «травить», *ачы* «болеть, испытывать боль», *къалтыра* «дрожать» (от холода) и т. п. Приведем примеры. *Отоуда бир ачы ийис сезиледи* «В комнате ощущается резкий запах»; *Ачыу кесин бютюнда бек кече сездиреди* «Боль заставляет ощущать себя особенно сильно ночью»; *Жараны къозгъа* «Травить рану». *Аскерчини бутунда жарасы госпитальны эшигине тийип къозгъалды* «Рана солдата растравилась, когда он задел ногой двери госпиталя». *Хасанны къабыргъасы миз бла чанчханча ачыды* «У Хасана бок сильно болит, будто шилом колят» (Хубийланы О., Аманат). *Жашчыкъ, тапсыз секирип, бир аягъын ачытды* «Мальчик, прыгнув неловко, причинил боль своей ногой». *Мен сууукъдан къалтырайма* «Я дрожу от холода». *Биз сууукъдан къалтырашдыкъ* «Мы дрожали от холода» и т. д. Ряд глаголов ощущения имеет более абстрактную, другие – более конкретную семантику.

Рассмотрим глаголы с более абстрактной семантикой. К ним относятся глаголы *ачыт, аурут, кичит* «раздражать, дразнить (перен.)»; *къыйна, инжит* «беспокоить» объединяются значением «вызывать то или иное ощущение у кого-либо». *Мурса къолларымы этин ачытады (аурутады)* «Крапива раздражает кожу моих рук». *Жюн кёлек этими кичитеди* «Шерстяная кофта раздражает кожу (тело)». *Аны бутунда жарасы къыйнайды* «Его беспокоит рана на ноге».

Ряд глаголов имеет значение «терять на время чувствительность, становиться в связи с этим неподвижным, не способным к нормальной жизнедеятельности». *Ую* «неметь, цепенеть», *ую* «онеметь», *къуруш, ую* «занеметь»;

топлукъ бол «затець, одеревететь, разг. обомлеть», *къат* «закаменеть, окостенеть», *сууукъ бол, къуруш* «закоченеть, застыть, отниматься»; *къурушуп къал, къатып къал* «оцепенеть», «неметь от нарушения кровообращения». Приведенные глаголы употребляются в большинстве случаев с наименованиями частей тела, особенно с названиями конечностей: *Мени къолум уюгъанды* «У меня рука онемела». *Мени бутларым кёп олтургъандан уюгъандыла (жукълагъандыла)* «У меня ноги занемели». *Аны къолу къурушханды* «У него рука отнялась». *Аны къоллары сууукъдан къурушхандыла (къабышхандыла)* «У него руки окоченели». *Арыгъандан санлары топлукъ болгъандыла* «У него от усталости все конечности онемели (одереветели)». *Къоркъгъандан тилим тутулду (тартылды)* «У меня от страха язык отнялся (онемел)». *Аны жюреги тохтагъанча болду (ичин сууукъ къалтырауукъ алды)* «У него сердце замерло, оцепенело (от ужаса)».

В позиции субъекта употребляются и одушевленные существительные: *Къарт къатын, къоркъуп, симсиреди* «Старуха обомлела от страха». *Адамла къоркъуп, симсиредиле, жансыз болдула* «Люди от страха замерли, окаменели».

В таких конструкциях они могут употребляться в значении «становиться неподвижным». Например, *сын къат, сир къат* употребляются в значении «замереть» (от страха) и «стать неподвижным»: *Аскерчи командирни аллында сир къатды* «Солдат застыл в стойке перед командиром».

Антонимичные значения имеют глаголы *басыл* (страдательная форма) «отлечь», *таушал* «отойти», *кет* «отойти»: *Аягъларымы, къолларымы, бармагъларымы уюгъанлары (къурушханлары-сууукъдан) кетдиле* «Ноги, руки, пальцы отошли (восстановилась чувствительность, подвижность – об онемевших, окоченевших руках, ногах, пальцах). *Жюрегим басылды* «Сердце отошло». *Белгилисича, бек къоркъуп адам кёп заманны турмайды, ал къоркъуу сериуюн бола, болумгъа юйрене, жюреги басылады* «Известно, что человек долго (постоянно) не находится в состоянии страха, страх постепенно ослабевает, а он привыкает к обстановке и у него сердце отходит» (Чотчаланы М., Эм таза кёкню тубюнде). *Жюрегим таушалды* «На сердце отлегло». *Кёкжюрегими ачыгъаны кетди* «Боль в груди отлегла» и т. д.

Ряд рассмотренных глаголов имеет каузативную форму. *Уют* «вызвать онемение, отсидеть, отлежать», «долгим или неудобным сидением, лежанием вызвать онемение». *Кён олтуруп, аякъларымы (бутларымы) уютдум* «просидев долго, вызвал онемение ног». *Тапсыз жатып, кзолуму уютдум* «Неудобно лег и вызвал онемение руки». *Кзурушдур* «вызвать окоченение», «свести», «заставить утратить подвижность и чувствительность».

Сууукъ кзолларымы кзурушдуруп кзойгганды «От холода у меня руки окоченели (холод вызвал ощущение окоченения рук)». *Кзурушдур, тартындыр* «стянуть, скорчить, согнуть». *Тапсыз жатханы аны боюнун кзурушдургганды* «Он лежал неудобно и его шею свело» и т. д.

Остальные глаголы ощущения имеют более конкретную семантику и обозначают ощущения боли, тепла, холода и т. п.

1. К первой группе относятся глаголы, обозначающие боль. Эта группа идентифицируется семантически нейтральным глаголом (с интегральной семей «ощущать боль») *ауру* «болеть», *ачы* «болеть» и их синонимами с дифференциальными семантическими компонентами, характеризующими особенности различных болевых ощущений. Остальные, синонимичные к глаголам *ауру* «болеть», *ачы* «болеть», имеют дифференциальные признаки. *Санланы, сьеклени, аш орунну, жюрекни тунакы, созулуп ауругганларын, ачыгганларын сез* «Ощущать непрерывную тупую боль в конечностях, костях, желудке, сердце». *Кемир, кемирип ауру, сызлап ауру, жызылда* «Ныть». *Мени бутларым кемиредиле (кемирип ауруйдула)* «У меня ноги ноют». *Кёкюрегим кемиреди* «У меня грудь ноет». *Бутумда жарам акгырын сау бола барады, кюн бузулурну аллында кемирип ауруп, инжилтеди* «Рана на ноге медленно заживает, а перед переменой погоды изнуряюще ноет». *Къарыным бурады (ауруйду)* «Сосать». *Аны къарыны ачы-ачы бура эди* «У него в желудке (животе) резко сосало (от боли)». *Шор тара* «Сосать в желудке». *Салыхны къарынчыггы шор тарайды* «У Салиха от голода в желудке сосет». *Жюрегим тарайды* «Под ложечкой болит (сосет, щемит)». *Аны жюреги тарайды* «У него под ложечкой болит (сосет)». *Сьеклени, жиклени, кзулакъ жанны кемирип ауругганын сез* «Болезненное ощущение ломоты в костях, суставах, висках». *Кемир, чанч* «ломить». *Аны кзолу кемирип ауруйду* «У него

ломит руку». *Мени тобукъларымы ауруу кемиреди* «У меня ломит колени». *Ийирип тургган ачыуну сез* «Ощущать непрерывную пронизывающую боль». *Бур, буруп ауру* «Сверлить». *Аны жюрек ауузу бурады (буруп ауруйду)* «У него под ложечкой сверлит». *Кесген этгенча ачыуну сез* «Ощутить режущую боль». Перен. *кес* «резать». *Ауур болмаса да, китапланы кзысхан баучукъ кзызны бармакъларын кеседи* «Хотя связка книг и не очень тяжела, пшур режет пальцы девушки». *Чанчхан аурууну сез* «Ощущать колющую боль». *Чанч* «колоть». *Ауур жюк кётюрсенг, белинг чанчар* «Если тяжелое поднимешь, заколет в пояснице» (Нарт сёз). *Жюреги, чанчып, тынчыкъ бермегенде, Азирет, кабинагъа кирип, мангылайын рульну юсюне тиреди* «Когда сердце колело, не давая покоя, Азирет залез в кабину и положил голову на руль» (Къобанланы А., Кюн таякъла). *Кзысха, ачы ачыуну сез* «Ощутить мгновенную острую боль». *Чанч, перен. дуулда, перен. кзычыр* «стрелять». *Мени кзулаггым чанчды* «У меня в ухе стреляет». *Къартны аркъасы ауруй эди, бутлары дуулдай эдиле* «У старика болела спина, стреляло в ногах». *Къанны кзаты ургганын сез (башда, кзулакъда д. а. к. затлада)* «ощущать удары от сильно пульсирующей крови в голове, ушах, висках». Перен. *ур, шууулда* «стучать». *Башым кзыза эди, къаным кзаты ура эди* «У меня пылала голова, кровь сильно стучала». *Жюрегим бошлап, кзулакъларымда къан шуулдагганды, Иринам вокзалда менден къалай кыйын айырылгганы эсиме тюшдю* «Когда боль в сердце ослабла, в ушах стучала (шумела) кровь, я вспомнил, как трудно прощлась со мной моя Ирина на вокзале» («Шуехлукъ». № 3, 29). *Башынгда, кзулакъларында аурууну, салыуну сез* «О болезненном ощущении шума, тяжести в голове, в ушах». Перен. *дуулда, перен. шуулда* «шуметь, гудеть», перен. *чачыл* «трещать». *Мени кзулакъларым дуулдайдыла (шуулдайдыла)* «У меня в ушах шумит». *Башым гуулдайды* «У меня голова гудит». *Ануар бююн, ауруп, дерсге бармай къалады. Башы, кзызып, чачылады* «Ануар сегодня заболел и не смог пойти в школу. У него голова горит, трещит» (Тёппеланы А., Отлукъ ташла). В этом же значении употребляются фразеологизмы *башым от жанады, башымда темирчиле ишлейдиле, башым чачылып барады* «Голова раскалывается (от боли)». /Марат:/ *Санларым кюедиле, башымда от жанады* «/Марат:/ Все тело горит, голова раскалывается (трещит)» («Коммунизмге

жол», 1973. № 103). /Базарбий Сапиятха:/ *Жаншамда, бир шыша тап бери, башымда темирчиле ишлейди-ле...* «/Базарбий Сапийт:/ Не болтай, найди мне бутылку (водки), голова трещит (раскалывается)» (Хубийланы О., Аманат). *Башынгы (аяк-ларынгы, кзолларынгы) ауур ауурганларын сез* «Ощущать тяжесть в голове, руках, ногах». *Ауур ауру.*

Башым (аякларым, кзолларым) ауур ауруйду (ауруйдула) «Голова (руки, ноги) как (словно, точно) свинцом налита (налиты)». *Ачыуну, кюйдюрюп, кичитип аурутханьн сез (сыдырылып, кюйюп болгзан жараны юсюнден)* «Ощущать боль, сопровождающуюся зудом, жжением (при ссадинах, ожогах и других раздражениях кожи, слизистых оболочек)». *Аурут, кюйдюр «саднить».* *Аны бутуну сыдырылгзан жери кюеди* «У него на ноге саднит, зудит ссадина». *Чанчхан, ачитхан, кюйдюрген ачыуну сез* «ощущать колющую, жгучую боль». *Ачы, кюйдюр «щипать».* *Аны тамагзы ачийды* «У него в горле щиплет». *Тютюнден кезлерибиз ачий эдиле* «Дым щипал нам глаза». *Чибижи тилни кюйдюреди* «Перец щиплет язык». *Ачитхан, кюйдюрген, кыздыргзан ачыуну сез* «Ощущать жгучую боль». *Перен: кюй, перен. кыыз, перен. жан* «жечь, печь, гореть». *Бетим, башым да, отдамдыхча, кюедиле, бир кезюм, асыры кепгенден, ачалмайма* «Лицо и голова как угли горят, один глаз распух, не могу открыть» (Байрамухъланы Х., Жылла бла таула). *Не болгзанды, балам, тюшмю кергенсе, ах кюнюм жарлы, кесинг да не бек кыызгзанса, кюйюп кетесе да* «Что случилось, дитя мое, ты весь в жару, горюшь» (Толгъурланы З., Айыуташ). *Аны (сабийни) санлары асыры кыызгзандан, жанып кетеди* «У него (ребенка) тело сильно горит». *Тамагзынг кызады* «Горло горит». *Кзусарыгзы келгенни сезеди* «ощущать болезненные порывы к рвоте». *Кзусарыгзы келеди, сарыуу кеседи, келю булгзанады, келю аман этеди. Келю бокъланады* «тошнить, мутить (его, меня и т.п.)». *Жабир табакзда таш макзаны кзабыны сюек жаркзасын кереди, келю булгзанады* «Когда Жабир увидел на тарелке кость панциря черепахи, его стошнило» («Заман», 1993. № 174). *Аны кзусарыгзы келеди* «Его тошнит, мутит». *Ибрахимни башы кзайнайды, келю аман этеди, кезлери алас-булас кереди* «У Ибрагима голова горит, его тошнит, глаза едва видят» (Гуртуланы Б., Жангы талисман). *Талагзан, кемирген ачыуну сез* «Ощущать щемящую, ноющую боль в груди, сердце».

Мени кекюрегими ачыу кемиреди «У меня щемит грудь». *Аны жюрегин ауруу талайды* «Его сердце щемит от боли». *Кзысхан, басхан ачыуну сез* «Ощущать стесняющую, давящую боль». *Кзыс* «давить». *Сау бол, жашым, жокзду хатам, алай бу кекюрегим кзысханды да, солуу бермейди, — деп, ынычхады Жамал* «Спасибо, сынок, все нормально, но давит грудь, дышать не дает», — сказал Жамал и простонал (Зокаланы З., Солуу кюн). *Башынг кзысып тура болурму?* «Может, у тебя голову давит?» (Батчаланы М., Элчилерим). *Мени жюрек тубюм кзысады* «У меня давит под сердцем». *Билмей тургзанлай чыкзгзан (тутхан) ачыуну, ауурлукзну, солууу тыйылгзанын сез* «ощутить внезапную боль, тяжесть, удушье». *Кел, тыгзыл, чыкз, тирел* «подступить, подкатить, подкатиться». *Ачыу мени тамагзыма тыгзылды* «У меня подкатило к горлу (боль)». *Жаным чыгзаргза жетди* «У меня к сердцу подкатило». *Ачыу жюрек тубюме келди* «Боль под сердце подступила». *Тамакзны, тартындырып, кзысып, аурутханча сезимни сез* «Ощущать судорожное болезненное стеснение в горле». *Тыгзыл, тирел* «Комок в горле (стоит) застрял, комок подступил (подкатился) к горлу». *Тахирни тамагзына бир кзаты зат тыгзылды* «У Тахира комок застрял в горле». *Аны кзуанчы тамагзына тыгзылды* «Радость комком подступила к горлу». *Кзулакзларын, бурунун, кекюрегин ауур басхан аурууну сез* «Ощутить болезненную тяжесть в ушах, носу, груди». *Тунукз, тунчукз* «заложить». *Сууукздан бурунун тунчукзгзанды* «От холода у меня нос заложило». *Ушкок, топ тауушладан кзулакзлары тунчукзуп, кзатында жаралы аскерчини ахыр сезюн эшитирге кзоймадыла* «От треска винтовок и гула пушечных выстрелов заложило уши, они не дают услышать последние слова лежавшего рядом раненого солдата» («Коммунизмге жол», 1960. № 90). *Жюрюгенде, ышылып, санларынгы ачитханьн, жара этгенин сез (тар кийимни, аякз кийимни, бугзоуну юсюнден)* «Ощущать боль при движении: от трения (о тесной или грубой одежде, обуви)». *Аякзларымы чурукзла ашайдыла* «Туфли трут мне ноги». *Кергенме патчахлыкзны зорлугзун, Санларымы темир бугзоу кесип* «Испытал я насилзе царизма», 172. *Ичингде ачитхан, кюйдюрген сезимни сез* «ощущении (внутри) жгучей боли». *Кюй, жан, кыыз* «гореть, жечь, печь». *Ичим кюйюп (жанып) барады* «Внутри у меня горит (жжет)». *Ауузум (тамагзым) кюеди* «Во

рту (горле) горит». Кюнде этинги кюйгенин, кызыганын сез «Ощущать жгучую боль, жжение». Кюй, кюйбиш, кызы, биш «жариться, печься, жечься». Былайда кюйюп турмай, жапма тюбюне кирейик «Давайте пойдём под навес, чем жариться здесь». Кюн асыры иссиден бишип кыалабыз «Так жарко, что можно сгореть». Кызыла беллерин төрт бюклек, кюйюп-бишип ишлеселе да, жашаулары тарды «Хотя девушки и работают, согнувшись в три погибели, пекутся под солнцем, жизнь их бедна» (Тёпеланы А., Чамны да чам биледи). и т. п.

Соответствующие каузативные значения ачыу туудурган неда ачыуга туудурган башха тюрлю аман сезимни сез «Вызвать боль или иное неприятное ощущение, подобное боли» имеют следующие глаголы: Ачы, кыаты тауушну сез «об ощущении резких, пронзительных звуков». Сансыт, сангсыт, шешдир «сверлить, резать, раздирать». Бычхыны тауушу кыулакъланы сангсытады «Звук пилы раздирает уши». Арбала уа асыры жызылдагъандан кыулакъланы сансытадыла. «А брички так сильно скрипят, что в ушах сверлит». Чанчдырып аурутханьн сез «об ощущении колющей боли». Чанчдыр «вызвать колотьё». Ауур кётюрме, белинги чанчдырырса «Не поднимай тяжелое, в пояснице заколет» (Фольклор). Ол башын эшикге уруп чанчдырды «Он ударился головой в дверь и у него в голове закололо». Ачытхан, кюйдюрген, кызыдыргъан ачыуну сез «Ощущать жгучую боль». Кюйдюр, кызыдыр «гореть». Ачыу башымы кюйдюреди «У меня от боли голова горит». Бир зат кыусарыгъынгы келтиргенин сез «об ощущении, вызывающем болезненные позывы к рвоте». Таш макъланы эти Жабирни кыусарыгъын келтирди «Жабира, мясо черепахи, вызвало к рвоте» («Заман», 1993. № 174). Кыулакъланы, бурунну тунчукдурган ачыуну сез «о болезненном ощущении тяжести в ушах, в носу». Тунчукдур, тунчукдур «заложить». Сууукъ бурунуму тунчукдурганды «Холод заложил мне нос». Топ, ушкок тауушла кыулакъларымы тунчукдургандыла «Грохот пушек, выстрелы винтовок заложили мне уши». Бир зат этинги ачытханьн сез «об ощущении укола или ему подобном». Кзар бетими ачытады «Снег колет мне лицо». Кёзлеринге ачы тийгенин сез (жарыкъны, кюн таякъланы д. а. к. затны юсюнден) «об ощущении от яркого света». Кыамат «резать». Чыракъны жарыгъы кёзлерими кыаматады «Яркий свет лампочки режет глаза». Бата барган

кюнню таякълары кызыны юсюне тийип, кёзлерин кыаматадыла «Косые лучи заходящего солнца падали на девушку, резали (слепили) ее глаза» (Толгъурланы З., Эрирей). Кыаты, ауур басып ачытханьн сез «об ощущении острого давления тяжести». Перен. кес «резать». Агъачны жыжым бла суйреп, кыолларынгы (инбашынгы) кесдир «Веревка, которой волочил бревно, резала руки (плечо)». Сыдырылган жеринги, жарангы ачыгъанын сез «об ощущении боли от ссадин, ран и подобном ему». Ачыт, кюйдюр «саднить». Энди Мухтар жаралары ачыта, кыарангы жолда төрт аякъланып барады «Сейчас Мухтар ползет на четвереньках, раны его резко саднят» (Тёпеланы А., Ташыуул) Ахматны кыолуну шинжи тырнагъан жери ачыта эди «Оцарапанная колючками рука Ахмата саднила». Суусаплыкъ тамагъымы ачытады (кюйдюреди) «Жажда сушит горло». Басып, кызысып бек ачытханьн сез «об ощущении резкой боли от нажима надавливания». (Басып) ачыт «отдавить». Мухтар аягъымы басып ачытды «Мухтар отдал мне ногу». Ол тура барган заманда чуругуну табаны бла Ахматны, аягъын ачытып, кычыртды «Когда он встал, каблуком туфли отдал Ахмату ногу, тот закричал от боли». (Байрамукъланы Х., Кыарчаны юйдегиси). Ачы кюйдюргенин, ачытханьн сез «об ощущении колющей, жгучей боли». Перен. кюйдюр, ачыт, перен. кыап, перен. чимди «щипать, кусать, кусаться». Сууукъ бетими, кыулакъларымы кюйдюреди «Мороз щиплет мне лицо и уши». Жаз жууукълашыр бизни таулагъа да, кыыш да кетер, кыабакъаба. «Придет весна и в наши горы, и зима уйдет, кусаясь» («Шуэхлукъ». № 76, 22). Аны мурсала этин, бетин да аяусуз кюйдюредиле, алай төзерге керекди «Крапива щиплет (жжет) его тело, лицо, но ему нужно терпеть, что бы ни было» (Кацийланы Х.) Аланла, сизде уа не хапар? Эрттенлик чыкъ кюйдюреди жалан аякъларымы «Утренняя роса щиплет мои босые ноги» («Шуэхлукъ». № 29, 9). Бек ачытханьн, кюйдюргенин сез «об ощущении жгучей боли, жжения». Кюйдюр, кызыдыр, ачыт, бишир «жечь, обжечь, печь, жарить, парить». Кызыу кюн жалан билеклерими кюйдюреди «Горячее солнце жжет оголенные части моих рук». Кюн башымы кызыдырады «Солнце печет мне голову». Кюн аяусуз биширеди, кючден атлап барабыз «Солнце нещадно жарит, мы идем с трудом». Жууукъда от бетибизни кюйдюреди «Вблизи огонь обжигает лицо».

К данной группе примыкают глаголы *ашландыр*, *къозггалт* «разбередить, растравить, растревожить». Они объединяются общим значением «къолу бла, бир зат бла тийип, бир затха жетдирип, уруп къозгъа, ашландыр (жараны юсюнден)» «причинить боль прикосновением, задевaniem, ударом о что-либо, поднятием тяжести». *Мен, тийип, къолумда жарамы къозггадым* «Я тронул рану на руке и разбередил». *Осман, къоба келгенлей, бутун столгга уруп, жарасын ашландырды*. «Осман, вставая из-за стола, ударил ногу о стол, рана на ноге растравилась» («Коммунизмге жол», 1972. № 153). Корреляты с доминирующей семой становления (11, 61): *ашал, къозггал* «разбередиться», «растраиваться». *Атам харипни уруш салгган жарасы ашланады, ол шош ынычхайды* «У бедного моего отца рана, полученная на войне, растравилась, он тихо стонал». *Жан (жюрек) ачыуну сез* «ощущать душевную, нравственную боль». Эти ощущения выражаются фразеологизмами *жаным (жюрегим) кзыйналады (ауруйду)*, *жюрегими кемиреди*. «Душа (сердце) болит (ноет) (от тоски, горя и т.п.)». *Ачыудан ананы жюреги ауруйду* «От горя у матери сердце болит». *Бушуу, терен мудахлыкъ, кзайгзы сез, сына* «Ощущать, испытывать глубокую скорбь, горе, печаль, тяжелое переживание». *Жюрегим эзиледи, жаным кзыйналады* «Сердце (душа) разрывается (рвется)». *Сабийи кзаты ауруйду, не бла болушургга билмей, анасыны жюреги ачыудан кзыйналады, эзиледи* «Ребенок сильно болеет, мать не знает чем ему помочь, у матери от горя сердце разрывается». *Жюреки (жанны) кзайгзылы, бушуулу, термилиулу, тынчлыкъсыз этген сезимни сына, сез* «Ощущать (испытать) грустное, тоскливое, беспокойное, тревожное состояние (настроение)». *Жанын (жюрегин) кзайгзы басады, жаны (жюреги) тынгысызды* «Кошки скребут на душе (сердце)». *Ол ышарыргга кюрешсе да, жюрегин кзайгзы басып тура эди* «Хотя он и пытался улыбаться, у него на сердце кошки скребли». *Жашы кече ортагга дер келгенде, анасыны жюреги тынгысыз эди* «У матери на сердце кошки скребли, уже полночь, а сын не пришел». *Жюрек (жан) кзыйнагган, инжилтген, термилтген сезимни сез, сына* «ощущать, испытать тоскливое, грустное и т.п. состояние». *Жюрегин (жанын) кзайгзы кемиреди, жюрегин бушуу (мудахлыкъ, термилиу) басып турады* «Червь сосет (точит, гложет (сердце, душу)). *Аны жюре-*

гин кзайгзы кемиреди «У него на сердце кошки скребут».

В карачаево-балкарском языке аспектуальность болевых ощущений выражается как отдельными глаголами, так и сочетанием глагола со вспомогательными глаголами и наречиями. «Аурууну башланганын кёргюзтген семалары болгъан этимле» «глаголы с семой начинательности (о болезни)». *Ауру, саусузлан, ауруп тебуре, ауруп башла* «заболеть». *Мени башым ауруп башлады* «У меня заболела голова». *Кемир, кемирип башла* «занять». *Аны бутлары кемирип башладыла* «У него заняли ноги (начали ныть)». «Аурууну кючленип баргъанын кёргюзтген семасы болгъан этимле» «глаголы с семой, указывающей на усиление боли». *Кзаты (бек) ауру* «разболеться, расхвораться». *Аны тиши бек ауруп, жаягзын кепдюргенди* «У него разболелся зуб, и щеку раздуло». *Мен бек ауруп, бир юч кюнню башымы кетюралмай жатдым* «Я расхворался и лежал три дня не в силах поднять голову». «Аурууну заманыны чегини белгисизлигин кёргюзтген семалары болгъан этимле» «глаголы с семой неопределенности и ограниченности боли». (*Бир кесек*) *ауру, (бир кесек) кемирип ауру, аурукъсун* «поболеть, понять». *Уруп аурутхан жеринг бир кесек ауруп да тохтар* «Ушибленное место поболит и перестанет». «Аурууну селейгенин, тохтай-тохтай ауругъанын кёргюзтген семалары болгъан этимле» «глаголы с семой смягчительности, перерывности боли». *Ауруй-ауруй тур* «побаливать», *чанча-чанча тур* «покалывать», *ачыта-ачыта тур, чимдий-чимдий тур* «пощипывать». *Жюрегим ауруй-ауруй турады* «У меня в пояснице покалывает». *Сууукъ жаякларымы чимдий-чимдий турады* «Мороз пощипывает мне лицо». «Белгили заманны ауруп тургъанны билдирген семалары болгъан этимле» «глаголы с семой, указывающей на определенную ограниченность боли». *Ауру, ауруп тур* «проболеть». *Кемирип ауруп тур* «пронять». *Ол сау айны ауруп турду* «Он проболел целый месяц». *Мусаны буту сау кюнню кемирип ауруп турду* «У Мусы нога целый день проныла». «Аурууну бошалгъанын кёргюзтген семалары болгъан этимле» «глаголы с семами, указывающими на окончание боли». *Сау бол, (ауруп) боша* «переболеть, отболеть». *Сабийле, кёмеден ауруп, сау болггандыла* «Дети переболели корью». «Битеу санланы неда аланы бир кесеги ауругъанын кёргюзтген семалары болгъан этимле» «глаголы, содержащие семы

распределительности (дистрибутивности) болезни. *Ауру* «переболеть». *Жашчыкз битеу санлары ауруп, алай иги болгъан эди* «У мальчика все части тела переболели». «Аурууну тохтагъанын неда селейгенин кёргюзтген семалары болгъан этимле» «глаголы с семами, указывающими на прекращение или ослабление болевых ощущений». *Ауругъаны (ачыгъаны) тохтайды* «выболеть, изболеть, изныть», *аууругъаны (ачыгъаны) сынды* «успокоиться», *ауруу селейди (шошайды, сел болду)* «замолкнуть, успокоиться». *Башымы (аягъымы) ауругъаны тохтады* «Голова (нога) выболела (перестала болеть)». *Аны белини ауругъаны бир кесек сынды* «У него боль в поянице немного стихла».

Глаголы, обозначающие прекращение и ослабление боли, имеют каузативные формы: *аурууну тохтат (сындыр)* «прекратить боль». *Дарман жюрегими ауругъанын тохтатды* «Лекарство прекратило боль в сердце». *Дарман жараны ачыгъанын селейтди (шошайтды, шош этди, сел этди)* «Лекарство успокоило боль раны».

2. «Кичиу сезимни белгилеген этимле» «Глаголы, обозначающие зуд». В карачаево-балкарском языке ощущение зуда обозначают всего несколько глаголов. *Кичи, сүйюн, аша* «чесаться, зудеть, зудить, свербеть». Эти глаголы имеют двухкомпонентную дистрибуцию. *Мени кзол аязым кичийди* «У меня чешется ладонь». *Бурунум сүйюнеди* «У меня чешется нос (предвещая, что кто-либо придет)». *Жюн кёлек этими ашайды* «Шерстяная кофта заставляет свербеть тело». *Дыгъылла, дыгъыл эт* «щекотать, щекотить, першить (в носу, в горле)». *Кзалияр тузлукъну ийиси адамланы бурун тешиклерин дыгъыл этеди* «Запах тузлука из черемши щекотал у людей в носу» (Гуртуланы Б., Жангы талисман). Глагол *кичи* также передает значения русских глаголов «щекотать», «першить» (о легком раздражении в носу, в горле). *Мени тамагъым кичийди* «У меня в горле першит». *Бурунум кичийди* «У меня в носу щекочет». Глагол *кзашы* «чесать» («кичигенин тохтатыр неда селейтир ючюн ышы, тырна» «тереть, скрести с целью устранения или облегчения зуда») относится к глаголам физического воздействия, поэтому сема «кичиуну сез» «ощущение зуда» является периферийной. *Хажу-Осман желкесин кзашыйды* «Хажу-Осман чешет затылок».

Некоторые глаголы, обозначающие зуд, имеют и каузативные формы со значением «*Бир зат бла неда кзо-*

лунг бла тийип, терисин, аууз, бурун кзабукъларын кичит, кзозгза» «вызывать раздражение кожи или слизистых оболочек путем физического воздействия или прикосновением». «*Адамны терисине тийип, кюлдюрюучю нерваларын кзозггалт*» «прикосновением к коже вызвать раздражение, обычно сопровождающееся смехом». *Дыгъыл этдир* «щекотать, щекотить». *Ол, кзолу бла кзабургаларыма тийип-тийип, дыгъыл этдирди, кюллюгюмю келтирди* «Он, трогая мой бока, вызвал щекотку и смех». *Чибинни аякълары бетими дыгъыл этдиреди-ле.* «Ножки мухи щекочут мне лицо». *Кичит* «раздражать (кожу), вызывать зуд, щекотать». *Менден сора быллай бети болгъан жокъду, бу кзотурла, кичитип, жанымы аладыла* «Кроме меня ни у кого такого лица нет, эти болячки (струпья) зудят, умираю» (Эбизеланы М., Махти). *Жангы биченни ийиси бурунуму кичитеди* «Запах свежего сена щекочет мне нос». *Кзашыт* «велеть (просить) почесать (чешущееся) место». *Атасы кичиген жерин кзашытды* «Отец заставил сына почесать спину». *Кичиу чыгъаргъан зат* «раздражение, вызывающее зуд». *Кичит* «раззудить». *Жараны, тийип, кичит. Бир зат ауузунгу ачы, мысты, кюллю, кзалын этгенин сез* «о вяжущем ощущении во рту от чего-либо кислого, терпкого». *Кзамат* «набить оскомину». *Мысты алманы ашап, тишлеринги кзамат* «Съев кислое яблоко, набить оскомину».

3. Глаголы, обозначающие переохлаждение организма или отдельных частей тела человека. Глаголы группы объединяются общей родовой семой «адамны чархы саулай неда бир саны, бир ненчасы сууукъ, бек сууукъ болгъанын сез» «ощущать переохлаждение всего тела или отдельных частей тела» [11, 63]. Сочетаемость глаголов данной группы не отличается от глаголов чувства, например: *Мен сууукъ болдум* «Я замерз» (одновалентная сочетаемость). *Тюнене мен сууукъ болгъан эдим* «Я вчера замерз» (двухвалентная сочетаемость). *Бююн мени аякъларым бек сууукъсурагъандыла* «Сегодня мои ноги сильно озябли» (четырёхвалентная сочетаемость).

Данная группа идентифицируется стилистически нейтральными глаголами *сууукъ бол* «мерзнуть, замерзнуть, зябнуть», *юшо* «мерзнуть», *сууукъсура* «зябнуть, мерзнуть, заходить», *сууукъ эт* «холодить». В карачаево-балкарском языке эти же значения могут обозначаться глаголами, в семантике которых имеется элемент интенсивно-

сти, например, (сууукъдан) ёл «зябнуть», (сууукъдан) кзат «холодеть» и т. п.

Приведем примеры: Сууукъ аурутхан, ачитханча сезимни сез «болезненное ощущение холода». Сууукъ бол «мерзнуть, замерзнуть, зябнуть». Къазийни сууукъ болганы сезюнде да, кзарамында да белгили болуп турады «По речи и взгляду было заметно (видно), что Казий замерз». Сууукъну сез «ощущать холод». (Сууукъ) ётгенди. Манга сууукъ ётгенди «Я зябну». Юшю «мерзнуть, замерзнуть, зябнуть». Аманни кзулаггы жай юшюр «У дрянного человека уши летом замерзнут» (Нарт сез). Нартла, бузлап, кёпчеклеге жабышхандыла. Тюшалмайдыла, юшюп, кжабышхандыла «(Нарты) примерзли к седлам, не могут слезть с лошадей, замерзли, окоченели». («Нартла»). Сууукъну сез, сууукъдан кзыйнал «ощущать холод, страдать от холода». Сууукъсура «озябнуть, заолодеть». Кзойчула да, сууукъсурап, кзоллары кими кзюнуна, кими женглерине сугзуп, жылытыргга кюрешедиле «Чабаны озябли, стараются согреть руки, сунув за пазуху или в рукава» (Залийханланы Ж., Тау кзушла). Сууукъ болганын сез «ощущать, как какая-либо часть тела становится холодным». Сууукъ бол «холодеть». Аны кзоллары сууукъ боладыла «Его руки холодеют».

Некоторые из описанных глаголов и их синонимы с дифференциальной семой («бек» очень, сильно) обозначают интенсивность переохлаждения. Из-за несоответствия значения карачаево-балкарского глагола значению русского глагола, здесь глаголы переводятся теми глаголами, что уже описаны. Например, карачаево-балкарский глагол юшю имеет значения «мерзнуть» и «окоченеть», (сууукъдан) ёл «замерзнуть» и «(сильно) мерзнуть, окоченеть», (сууукъдан) кзат «застыть» и «окоченеть», «окоченеть». Бек сууукъ болганны, сууукъ болуп кгалтыраганын сез «ощущать холод сильно, до дрожи». (Сууукъдан) кгалтыра «продрогнуть», «дрожать от холода». ...Сафар, кзайры барыргга билмей, сууукъ кечеледе, кгалтырай, титирей, хуна жанларында кёп кечелени тангнга чыкзганды «Сафар, не зная куда пойти, в морозные ночи, дрожа от холода, проводил много ночей у каменного забора» (Хочуланы С., Сафар бла революция). Сууукъдан кгалтырап, тёзалмай, юйге кирдим «Я продрог, не вытерпел и зашел домой». Бек сууукъ болганын сез «Ощущать сильный холод». (Бек) сууукъ бол, (бек) юшю «прозябнуть, промерзнуть».

Эшикде бек сууукъ болдукъ «На улице мы сильно прозябли». Жолда мен сууукъдан юшюдум «По дороге я сильно промерз» (Кзулийланы Къ., Жер китабы). (Сууукъдан) ёл «сильно замерзнуть» Мая: мен сууукъдан ёле, луну (Бсмайылны) излеп айланама. Бу уа жылы палаткагга кирип турады «Мая: я ищю его (Исмаила) (сильно) замерзая, а он, оказывается, находится в теплой палатке? (Боташланы И., Пьесала). Сууукъ чархынга терен ётгенин сез «Ощущать пронизывающий тело холод». Сууукъ жик-жигине (сюеклерине) дери ётгенди (жетгенди) «промерзнуть, (прозябнуть) до костей». Кзошдан келе, сууукъ мени жилигиме дери ётдю «Когда спускался с коша, промерз до костей». Бир кесек сууукъ болганын сез «ощущать холод (слегка, немного)». Сууукъсура «позамерзнуть». Сабийле эрттенбла школга бара туруп, сууукъсурадыла «Дети утром, когда шли в школу позамерзли». Бек сууукъ болганын, сууукъдан сезимин эслеялмай кгалырча болганын сез «ощущать холод (очень) сильно, до потери чувствительности». Кжабыш, кзуруш, юшю, (сууукъдан кзат) «окоченеть, закоченеть». Нартла бузлап, кёпчеклеге жабышхандыла, Тюшалмай, юшюп, кжабышхандыла «Нарты примерзли к седлам, не могут слезать с лошадей, замерзли, окоченели» («Нартла»). Кзурушхан санлагга жылыу ура башлады «К закоченевшим конечностям стало поступать тепло (Закоченевшие конечности стали теплеть)» (Биджиланы Б., Жюрекни ауазы). Жангызлай, сууукъдан кзатып, жыламсырайды, эшикде кзурушуп, жарлы тул кзатын «Бедная вдова, одна, окоченев на улице, всхлипывает» («Шуёхлукъ». № 30). Бек сууукъ болганын сез (санларыны юсюнден) «ощущать сильный холод (в конечностях)». Бузла «(сильно) зябнуть». Жашчыкзны кзоллары бузладыла «У мальчика руки сильно озябли». Сууукъдан кгалтырауну сез «ощущать дрожь от холода». Гылгыл эт, гыз-гыз эт, гыт-гыт эт, гызылда, кгалтыра «коченеть, «дрожать от холода». Мен сууукъдан кгалтырап башладым «Я начал дрожать от холода». Ахмат: Ма кеслери (кзойчула) жукзлайдыла, биз а, кзыйыр сакзлап, итле кирик, гыт-гыт эте турабыз «Ахмат: Вот, старшие чабаны спят, а мы сторожим, как собаки, коченеем, дрожим от холода» («Коммунизмге жол», 1993. № 178). Назир Абийдатха: Кийинмей чыггып, гызылдап турган тиширыугга пальтону тутдуруп, кзоншу-бузгга таууш этдим... «Назир Абийдат: Увидев женщи-

ну, вышедшую, не одевшись, на улицу, дрожавшую от холода, я дал ей пальто и позвал соседа» (Сылпагъарланы К., Кёмеюл).

Глаголы *сууукъсура*, *кгалтыра* «знобить», *сууукъсурат*, *кгалтырат*, *тутуп тур* «лихорадить», «трясти» обозначают ощущение холода, испытываемое в болезненном состоянии [11, 64]. Эти глаголы выступают преимущественно в безличных предложениях. Например: *Мен сууукъсурайма* «Меня знобит». *Мени безгегим тутуп турады* «Меня лихорадит». *Аны безгеге кгалтыратады* «Его трясет лихорадка». Озноб обозначается и некоторыми фразеологизмами и устойчивыми сочетаниями. *Бек кючлю къозггалгъандан бир жеринги сууукъ кгалтырауукъ алыргъа* «озноб, вызванный сильным волнением». *Тёппе (чач) тюклери ёрге турдула (кгопдула)* «Мороз по коже (по спине) дерет (подирает)». *Къоркъгъандан, тёппе тюклерим ёрге турдула* «От страха мороз по коже продирает». *Сырт кзылчыкъларым кгалтырайдыла, санларым жызылдайдыла* «Мурашки бегают (ползают) по спине (по коже), по телу». *Мусабий, кече агъач ичи бла келе тургъанлай, жууукъда бёрю улугъан таууш эшитеди, аны сырт кзылчыкълары кгалтырайдыла* «Мусабий ночью шел лесом, вдруг рядом послышался волчий вой и у него мурашки побежали по спине». *Сууукъ кгалтырауукъ алды* «кровь стынет в жилах». *Ханны ичин сууукъ кгалтырауукъ алды, къоркъгъандан зыпып эте, ауазын да чыгъаралмайды* «У хана от страха кровь застыла в жилах, он затрясся, даже говорить не может» («Малкъар халкъ жомакъла», 11). *Тиши тишине тиймейди* «зуб на зуб не попадает (от сильного страха)». *Къоркъгъандан аны тиши тишине тиймейди* «От страха у него зуб на зуб не попадает».

Тиши тишине тиймейди «зуб на зуб не попадает» обозначает также и ощущение сильного холода. *Ол алай сууукъ болгъан эди, тиши тишине тиймей, кгалтырай эди, аякълары уа кгабышхан эдиле* «Он так сильно замерз, что зуб на зуб не попадал, а ноги одеревенели»

Большинство приведенных глаголов имеют каузативные значения с семой *сууукъ ётгенин сез* «вызывать ощущение холода». Эту группу составляют глаголы *юшют* «морозить». *Сууукъ адамланы юшютеди* «Холод морозит людей». *Сууукъ эт, сууукълат* «холодить». *Жел бетими сууукъ этеди (сууукълатады)* «Ветер холодит лицо». *Сууукъсурат* «ознобить», «зазнобить». *Эрттен су-*

уукъ кголларины, бетими сууукъсуратады «Утренний мороз ознобил мне руки и лицо». *Къар аны аякъларын сууукъсуратды* «Снег ознобил его ноги». Их синонимы имеют дифференциальную сему *сууукъ бек кючлю болгъанын, ётгенин сез* «ощущать холод в сильной степени». *Бузлат, юшют* «заморозить». *Сууукъ аны кгарда жибиген аякъларын бузлатды* «Холод заморозил его промокшие ноги в снегу». *Жолда аны сууукъ юшютдю* «По дороге холод его заморозил». *Кгабышдыр, кзурушдур* «заставит замерзнуть заоченеть, очоженеть». *Огъурсуз сууукъ бизни кгабышдырады (кзурушдурады)* «От жестокого мороза мы сильно заочоженели (очоженели)». *Сууукъ эт, юшют* «леденить». *Сууукъ боран бетинги бек сууукъ этеди (юшютеди)* «Холодный буран сильно леденит лицо». (*Сууукъдан*) *ёлтюр (кгатдыр)* «(сильно) заморозить, заставить (сильно) замерзнуть». *Шамил Расулгъа: Аллай бир нек турдунг чыкъмай, мени былайда сууукъдан ёлтюрдунг* «Шамиль Расулу: Почему ты так долго не выходил, ты заставил меня здесь (сильно) замерзнуть».

4. Антонимами к глаголам переохлаждений организма или его частей выступают глаголы перегрева со значением *чархны, санны неда аны кесеклери асыры бек кзызыуну, исси болууну сезерге* «ощущать перегрев организма или отдельных его частей». В карачаево-балкарском языке значение перегрева передается прилагательными-предикатами и отдельными глаголами. Например: *Мен кзызыу (исси) болама* «Мне жарко». *Мен жылыма* «Мне тепло». *Сабийни башы иссиди* «У ребенка жар». Глаголы *кюй, кыыз, жан* «гореть» обозначают лихорадочное или возбужденное состояние. *Ол кюйюп барады* «Он весь горит». *Башы кзызынды* «У него голова горит». *Аны [жашчыкъны] санлары асыры кзызыудан жанып кетеди дерчады* «У него [мальчика] тело такое горячее, что можно подумать, что он сгорит» («Коммунизмге жол», 1972. № 173). *Кючлю иссиликни, кзызыулукъну сезиу* «ощущать сильный жар». *Биш, кыыз, кзуурул* «жариться». *Отну (плитаны) кгатында кыыз* «Жариться у огня (плиты)». *Терлетген, кючлю иссиликни, кзызыулукъну сезиу* «ощущение сильной жары, вызывающего пот». *Кзызыулан, кзызыу бол, терле, (кзызыудан) ёл* «париться». *Тон кийип (кгалын кийип), кзызыудан ёл (терле)* «Надев шубу (одевшись плотно) париться».

Высказывания типа *Мен жылыма* «Мне тепло», *Ол жылыды* «Ему тепло» занимают нейтральное положение на семантической шкале температурных ощущений [11,65].

К пятой группе относятся глаголы с общим значением *жылыуну хайырындан суууккэну сезмей тохта* «освободиться от ощущения холода под воздействием тепла» и соответствующие им каузативные корреляты. Эти глаголы в своем значении имеют указание на переход от ощущения холода к ощущению тепла, иначе говоря, включают в свое значение сему становления [13, 47]. Эти глаголы, как сказано выше, делятся на две группы, в первую группу входят результативные и нерезультативные глаголы. *Иги, терен жылын* «хорошо, насквозь согреться», *жылын* «согреться, обогреться, отогреться, разогреться, прогреться». *Чай ичип жылын* «Согреться чаем». *Жылыу чыккыган жерде жылын* «согреться вблизи какого-либо источника тепла». *Жылын, (бираз) жылын* «пригреться». *От кзатында бираз жылын* «Пригреться у огня». *Кюнде жылын* «Пригреться на солнце». *Бек жылын* «Согреться в сильной степени». *Кыыз, исси бол* «разогреться». *Ол шынкзарт кзатында кыызды* «Он разогрелся у костра». *Тер басхынчы жылын* «согреться до появления пота». *Терле (бек)* «распариться». *Чалггыда, кюн кыызган заманда биз бек терлей эдик* «На сенокосе, когда становилось жарко, мы сильно распаривались». Эти глаголы употребляются в конструкциях типа *Мен от (шынкзарт, печь) кзатында жылындым* «Я согрелся у очага (костра, печи)». *Ол, чай ичип, жылынды* «Он согрелся чаем».

Нерезультативные глаголы: *бир затдан чыккыган жылыу бла жылын* «греться теплом какого-либо источника». *Биз кюнде (от жаггада) жылынабыз* «Мы греемся на солнце (у очага)». *Кызыудан сылыт бол* «изнемогать от жары». *Кыыз, терле* «париться». *Тонну кийип кыыз (терле)* «Париться в шубе». Как показывают примеры, позиция источника тепла является факультативным. Глаголы данной группы в большинстве случаев управляют местным падежом, а также неоформленным винительным падежом. Распространяются словами, отвечающими на вопрос *кзайда?* «где?». *Кюнде жылын* «Пригреться на солнце». Кроме объектной, имеются обстоятельственные семы, которые уточняются словами

бираз «немного», *бек* «очень» и т. п. *От кзатында бираз жылын*. «Пригреться у огня».

Во вторую группу входят каузативные коррелятивы глаголов первой группы. Они содержат одну общую сему *бир тюрюл жылыу берген затны хайырланып, санынг, аны кесеклери жылыу сезерча эт* «используя какой-либо источник тепла, заставить ощутить тепло». *Жылыт* «согреть», *обогреть, отогреть, греть». Кзолларымы, отхатутуп жылытдым* «Я согрел свои руки у огня». *Суууккэ болуп келген нёгерими чай ичирип жылытдым* «Мой товарищ пришел, замерзнув, я отогрел его чаем». *Кыыздыр, жылыт* «разогреть», «прогреть». *Аякларынгы, кзолларынгы, бетинги от жаггада кыыздыр* «Разогреть ноги, руки, лицо у очага». С дифференциальной семой *бираз жылыт* «пригреть немного». *Печьге тутуп, кзолларынгы бираз жылыт* «Пригреть руки у печи». *Бек, кючлю кыыздыр, жылыт* «греть в сильной степени, до появления пота». *Кыыздыр, терлет* «распарить». *Кюн бек кыыздырады, терлетип, эшта, жауун жауарыккэ болур* «Солнце палит и парит, наверно, будет дождь». *Исси чай аны терлетди* «Горячий чай распарил его». Каузативные и некаузативные глаголы этих групп находятся в конверсных отношениях: *Мен шынкзарт кзатында жылындым* «Я согрелся у костра». *Шынкзарт мени жылытды* «Костер согрел меня». *Ол чай бла жылынды* «Он отогрелся чаем». *Чай аны жылытды* «Чай отогрел его».

Отдельные глаголы, фразеологизмы и словосочетания обозначают некоторые другие виды ощущений. Например: *Кзулакларынгда, башынгда таууш сез* «ощущать звон в голове, в ушах». *Сасы, сангсы, чууулда, чойюлда, дууулда* «звенеть». *Мени кзулакларым сасыйдыла (чююлдейдиле)* «У меня в ушах звенит». *Аны башы дууулдайды* «У него в голове гудит (звенит)». *Башы айланууну, кёзлери кзарангы этиуню сез* «об ощущении головокружения». *Башым тёгерек айланады (тутмайды)* «Голова кружится, голова идет (ходит) кругом». *Башын тегерек айландырыуун сез* «вызывать ощущение головокружения». *(Башымы) айландыр* «дурманить». *Эт комбинатдан келген ийис башымы айландырады* «Запах, идущий из мясокомбината, дурманит мне голову». *Тирилтгенин, кёлюнгю иги этгенин сез* «вызывать ощущение свежести, бодрости». *Тирилт* «освежить». *Суууккэ сууда жууунганым арыганымы кетерди, тирилтген*

да этди «Я искупался в холодной воде, она меня освежила и усталость прошла».

Глаголы группы, обозначающие конкретные ощущения (боли, холода, перегрева и т.п.), находятся по отношению к ядерной группе (*сез* «ощущать», (*сезим*) сына «испытывать ощущение» и т.п.) в привативных оппозициях, а между собой связаны эквиолентными связями по объектным семам. Внутри семантических парадигм с исходными глаголами *сез* «ощущать», *ауру*, *ачы* «болеть», *кичи* «зудеть», *сууукъ бол* «мерзнуть», *кюй* «гореть», *жылын* «согреваться» и другие группы противопоставлены друг другу по семам *барлыкъ* «бытийность»/ёсюу, *кючлене барыу* «становление» (*ауру*, *ачы* «болеть» – *ауруп тебуре* (*башла*) «разболеться»), *кзатланмагъаны* «некаузативности» / *кзатланнганы* «каузативности» *сез* «ощущать» – *ачыт*, *кичит* «раздражать», *сууукъ бол* «мерзнуть» – *юшют*, *бузлат* «морозить», *хоулагъан кзарама* «положительной модальности» / *угъайлагъан кзарама* «отрицательной модальности» *кзуруш*, *кзобыш*, «цепенеть» – *сын*, *таушал*, *кет* «отходить», *сууукъ бол* «замерзать» – *жылын* «отогреться»). Оппозиции по этим семам охватывают не все глаголы ощущения [12, 48].

Рассмотренные выше глаголы, как видно из приведенных примеров, показывают, что кто-либо испытывает какое-либо ощущение или кто-либо, что-либо вызывает какое-либо ощущение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматов И. Х. Средства связи слов в словосочетаниях в карачаево-балкарском языке // Вопросы лексикологии и грамматики карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1993.
2. Башиева С. К. Некоторые проблемы фразеологической стилистики карачаево-балкарского языка. // Проблемы семантики и стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1987.
3. Хуболов С. М. Модели фразеологизированных предложений, выражающих состояние личного субъекта // Вопросы лексикологии и грамматики карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1993.
4. Геллева Д. И. Семантика глагола и залог // Проблемы семантики и стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1987.

5. Юлдашев А. А. Глаголы чувственного восприятия в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: изд-во АН СССР, 1961.

6. Кияшева А. А. Семантическое поле глаголов эмоций в современном русском и казахском языках. Автореф. дисс. ... канд. наук. Алма-Ата, 1985.

7. Кулиев Г. К. Лексико-семантическое развитие глаголов слухового восприятия в тюркских языках юго-западной группы // Советская тюркология, 1978. № 5. С. 70–78.

8. Кулиев Г. К. Сравнительно-исторический анализ лексико-семантического развития глаголов зрения в тюркских языках огузской группы // Советская тюркология. Баку, 1976. № 4. С. 3–11.

9. Оразов М. Семантика казахского глагола (опыт семантической классификации). Автореф. дисс. ... д-ра филолог. наук. Алма-Ата, 1983.

10. Ганиев Ф. А. Семантические разряды глаголов татарского языка // Исследования по татарскому языку. Казань, 1984. С. 75–84.

11. Шапилова Н. И. Глаголы чувства в современном русском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 1967.

12. Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи // Очерки по семантике русского языка. Уфа, 1971.

13. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М.: изд-во «ВШ», 1981.

14. Ключникова З. Е. Лексико-семантическая характеристика глаголов состояния в русском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1973.

15. Кретов А. А. Семантические процессы в лексико-семантической группе глаголов зрительного восприятия современного русского языка. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Воронеж, 1980.

16. Крючкова М. Л. Лексико-семантическая сочетаемость группы глаголов эмоционального состояния и отношения с именами. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981.

17. Чудинова И. С. Системные связи глаголов эмоционального состояния и отношения // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. Сб. научных трудов СГПИ, Свердловск. С. 41–50.

18. Похмелкина В. Е. Лексико-семантическая группа глаголов отрицательного эмоционального состояния как проявление системности лексики. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1975.

19. Ибрагимова Д. А. О семантической природе глаголов зрительного восприятия // Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях. Кишинев, 1982. С. 101–103.

20. Нго Ньы Бинь. Глаголы со значением чувства и эмоционального отношения в русском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1982.

21. Общая психология. М.: Просвещение, 1986.

22. Чернова С. В. О семантической сочетаемости слов // Исследования по семантике. Лексическая и фразеологическая семантика. Межвузовский научный сборник. Уфа: изд-во БГУ, 1982.

23. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

С. К. БАШИЕВА

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕМЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Одним из основных вопросов фразеологической стилистики является проблема определения фразеологического значения, по которой нет единого мнения среди лингвистов, что объясняется слабой разработкой вопросов теории и практики составления словарей.

Если обратиться к исследованиям ведущих русских фразеологов, то можно обратить внимание на то, что ученые расходятся в определении понятия «фразеологическое значение». Например, группа ведущих ученых пользуется термином «лексическое значение, которое, по мнению А. И. Молоткова, как и лексическое значение слова, представляет собой смысловую абстракцию, известное смысловое отвлечение, т.е. обозначение или название тех или иных сторон свойств, отношений и т.п. предметов и явлений объективного мира» [15, 104]. Н. М. Шанский считает, что во фразеологизмах, как и в лексических единицах, три основных типа значений – свободное, фразеологически связанное и синтаксически обусловленное [25, 48]. Конечно, подобные суждения в корне не верны, ибо фразеологическое значение обладает специфическими свойствами, отличающими его от лексического значения, а фразеологизм – от слова. «Значение ФЕ качественно отличается как от значения слова, так и от значения свободного словосочетания или предложения, – писал еще в 1964 году В. Л. Архангельский. – Есть основание говорить о значении ФЕ как особом фразеологическом значении» [1, 124]. Таким образом, трактовка фразеологического значения с «лексической» позиции, т.е. перенесение традиций анализа лексических единиц во фразеологию мешает правильному осмыслению природы фразеологических единиц.

Как известно, ФЕ, в отличие от лексических единиц, отражают мир опосредованно, через новые связи, т.е. те предметы, явления, процессы, действия предметов, их признаки, которые обозначают фразеологизмы, имеют в языке знаковое оформление в виде слов. Фразеологизмы создаются в языке для экспрессивного обозначения предметов окружающего мира. Фразеологическое значение образуется в результате метафорического переосмысления двух и более слов, в результате чего происходит семантический сдвиг значений составляющих ФЕ компонентов. Особый способ номинации, естественно, отражается на фразеологическом значении языковой единицы, в котором синтезируются три значения: предметно-логическое, коннотативное и грамматическое, причем, на наш взгляд, информативность ФЕ расширяется благодаря коннотативному значению, в противном случае можно использовать слово. Отличие лексического значения от фразеологического, как отмечает В. П. Жуков, определяется морфемами: в слове «смыслообразующая функция всегда принадлежит корневой морфеме», а во фразеологизме – всем компонентам [11, 15]. Таким образом, экспрессивность, особый ассоциативный характер образования фразеологического значения делают фразеологизм качественно отличным от слова. Рассмотрим в отдельности каждое значение, составляющее общее фразеологическое значение.

Предметно-логическое значение ФЕ

Предметно-логическое значение языковой единицы предусматривает выполнение в языке номинативной функции, в этом плане фразеологическое значение и лексическое значение имеют определенные сходства. Очевидно, поэтому до сих пор фразеологизмы изучались в составе лексикологии. Однако в последние годы ученые признали их неадекватными понятиями, так как фразеологическое значение – «явление более сложное, чем лексическое» [1, 216]. Оно отражает мир благодаря структурно-семантической трансформации целого словосочетания, в результате которой создается метафорический образ. Вот почему между предметно-логическим значением ФЕ и предметно-логическими значениями составляющих ее компонентов нет связи. Предметно-логическое значение во ФЕ выполняет лишь номинативную

функцию, а экспрессивную функцию выполняет другое значение фразеологизма – коннотативное, или стилистическое значение, которое, как нам представляется, играет доминирующую роль во ФЕ.

Коннотативное или стилистическое значение ФЕ

Семантическая организация фразеологизма и его функциональное назначение неразрывно связаны между собой. Особую роль в создании подобного симбиоза играет коннотативное значение ФЕ.

В лингвистике, несмотря на значительное количество исследований, нет стабильного определения таких понятий, как «коннотация», «стилистическое значение», которые учеными трактуются по-разному, и это не способствует внесению ясности в суть проблемы, в основном эти дискуссии ведутся на материале лексики и в меньшей степени затрагивают фразеологию, очевидно, это объясняется сложностью смысловой структуры ФЕ, особенностями их функционирования в процессе общения. К определению названных выше категорий в последние годы обращаются многие ученые, точки зрения которых порой совершенно противоположны. Бесспорно одно: исследователи признают наличие этих понятий в языке, дискуссионным же остается установление их характера и связи с другими лингвистическими категориями. В современном языкознании существует множество определений понятия «коннотация». В научной литературе наметилось несколько направлений в трактовке этого явления: а) стилистическое направление, изучающее способы и виды создания добавочного, сопутствующего значения языковых единиц (Молотков, Лиховидова, Воронова и др.); б) семантическое направление, рассматривающее коннотацию как равноправный компонент значения языковой единицы (Азнаурова, Кунин, Мелерович, Коленикова и др.); в) культурологическое, или страноведческое направление, изучающее коннотацию с точки зрения того, как она дополняет наши значения о реалии различными сведениями о ее специфике (Комлев, Телия, Ковшова, Райхштейн, Гаврин и др.).

Если говорить кратко, то перечисленные выше определения коннотации можно свести к двум противоположным точкам зрения: коннотация – компонент общего фразеологического значения, коннотация – добавочная

информация к предметно-логическому значению языковой единицы. Признавая последний постулат, исследователи не учитывают содержательную сторону ФЕ. На наш взгляд, рассматривая коннотацию, необходимо использовать семантико-функциональный подход при исследовании фразеологии, что позволит исключить многие недоразумения, в частности, субъективизм при определении коннотации в лексике и во фразеологии. Действительно, на уровне лексики коннотация представляет собой добавочную информацию, возникающую при переосмыслении слова (ср.: лиса – зверь, лиса – хитрый человек). Во втором случае налицо дополнительная информация к основному предметно-логическому значению, т.е. коннотация носит внешний характер и проявляется в определенном контексте, вряд ли так легко и просто можно определить ее во фразеологии. Характеристика коннотации как добавочной информации придает ФЕ статус субъективного, неопределенного и даже зависящего от контекста явления, что никоим образом нельзя использовать при анализе фразеологизмов. И если ФЕ – результат вторичной номинации, стало быть в ней нельзя отделять предметно-логическое значение от коннотативного и наоборот. Благодаря коннотативному значению, ФЕ указывает и на сферу своего использования, и на свою функцию, т.е. коннотация во фразеологизме существует изначально как равноправный компонент общего фразеологического значения.

Под коннотацией во фразеологии мы подразумеваем стилистическое значение, хотя последнее также трактуется в науке по-разному. Например, Э. Г. Ризель понимает его как синоним понятий «стилистическая окраска», «стилистическая маркированность», как нечто среднее между денотативным значением и коннотацией, которое уточняет основное значение языковой единицы и определяет ее употребление в речи, т.е. показывает при каких условиях слова могут реализовать свою семантику [20, 10]. Т. Г. Винокур не считает, что в основу всех стилистических определений ложится класс коннотаций, «в каких бы понятиях и терминах они не получили бы затем выражение (стилистическая окраска, стилистическое средство, стилистический прием, стилистическое значение и пр.» [8, 7].

Во фразеологии стилистическое значение впервые выделено Н. М. Шанским, однако, он не дает толкования

понятия, а указывает лишь на эмоционально-стилистические свойства ФЕ [25, 185–197]. Другие же ученые, которые пользуются данным термином, рассматривают его как совокупность экспрессивных, эмоционально-оценочных, интеллектуально-оценочных оттенков, присущих ФЕ [17], либо вообще отрицают автономный статус стилистического значения как лингвистической категории, считая, что оно не может существовать отдельно от предметно-логического значения [9, 31], так как якобы ФЕ не могут иметь сразу два значения – стилистическое и фразеологическое. По мнению же фразеолога А. И. Федосова, во ФЕ изначально существует 3 значения – фразеологическое, стилистическое, функционально-стилистическое, из которых стилистическое значение понимается как совокупность образных, экспрессивных, оценочных значений и оттенков, включаемых в семантику ФЕ [23, 15], функционально-стилистическое значение создается 12 компонентами – фразеологическим значением, эмоциональностью, экспрессивностью, оценочностью, словообразовательными морфемами компонентов, морфологическими, фонетическими, синтаксическими средствами, сферой функционирования, внутренней формой и т. д. [23, 21]. Таким образом, ученый вступает сам с собой в противоречие: с одной стороны, он рассматривает фразеологическое значение самостоятельно, а с другой, – оно как бы входит в функционально-стилистическое значение и тем самым искажает суть семантической природы ФЕ. На наш взгляд, как было уже указано выше, общее фразеологическое значение состоит из трех значений: предметно-логического, коннотативного (стилистического) и грамматического. В свою очередь коннотативное (стилистическое) значение состоит из экспрессивного и функционально-стилевого компонентов, а экспрессивный компонент – из эмотивного, оценочного, национально-специфического (культурологического) компонентов. (По И. Я. Лепешеву, коннотативное значение состоит из экспрессивно-оценочного и функционально-стилевого компонентов, а В. Н. Вакуров вводит в коннотацию образно-метафорический, эмоционально-оценочный, экспрессивный, стилевой компоненты). Критерием выявления экспрессивности языковой единицы является информация, которая привносится во фразеологизм (эмотивная, оценочная, культурологическая).

Экспрессивность как компонент коннотативного значения

Одним из компонентов коннотативного значения ФЕ является экспрессивность, под которой большинство ученых подразумевает выразительность в широком смысле слова, в языке обычно выделяют языковую и речевую экспрессию, первая – это совокупность внеконтекстуальных коннотаций языковых единиц, вторая – «наилучшая реализация в речи языковыми единицами коммуникативных задач» [13, 11]. В современной науке есть предложение выделить экспрессивную стилистику как самостоятельную отрасль лингвистики [6]. Самой проблеме экспрессивности посвящено значительное количество работ, рассматривающих ее на различных уровнях (психологическом, социологическом, ономастиологическом).

Исследуя категорию экспрессивности, необходимо исходить из того, что изначально неэкспрессивных ФЕ нет, т.е. выразительность в них – явление не речевое, а языковое. В связи с этим многие споры вокруг природы, объема фразеологии в какой-то степени были бы решены, если бы экспрессивность рассматривалась бы как категориальный признак ФЕ [5, 70], которая как часть коннотативного значения участвует в создании общего фразеологического значения, т.е. в организации ФЕ как «экспрессивного сочетания лексем» [16, 4]. Ведь другие признаки ФЕ – семантическая целостность, устойчивость, воспроизводимость в готовом виде – вызваны к жизни именно в результате качественно нового, образно переосмысленного языкового знака, т.е. образование ФЕ связано прежде всего с экспрессивной оценкой, характеристикой отдельных участков мира.

Основным условием создания экспрессивности является новизна, нестандартность словоупотребления [12, 29], образность, метафоричность, эмотивность, оценочность, т.е., как справедливо отмечает Р. Шенн, «...теория языка должна включать в себя описание значений и объяснить язык как устройство для преобразования информации из одной формы в другую [28, 19].

Некоторые ученые относят к категориальным признакам ФЕ образность, например, Д. Жоржоллиани определяет образность как основу фразеологического наименования, которая именно на фразеологическом уровне

обретает «категориальную уровнеобразующую функцию» [10, 18], но при этом она делает оговорку о том, что нельзя «забывать и о периферийных единицах, находящихся в сфере притяжения фразеологической образности или отчуждения от нее: приобретая статус фразеологической единицы (или теряя его), периферийные устойчивые комплексы находятся на разных ступенях приближения к статусу фразеологичности или отделения от него» [10, 22]. Д. Жоржоллиани предлагает расположить все устойчивые сочетания слов по образности и тем самым определить места их во фразеологической системе, в таком случае в состав фразеологии включаются собственно фразеологизмы и пословицы как языковые единицы с образной структурой, хотя и с функцией косвенной номинации, и выводятся клише, составные термины, традиционные сочетания [10, 24–25]. В большинстве ФЕ образную мотивацию видят А. Д. Райхштейн [19, 43], З. Ураксин («для фразеологического значения образность – это форма существования» [22, 22], А. В. Мокиенко придает образности факультативный статус, предопределявший как категориальный признак экспрессивность [16, 125]. Другие ученые сводят экспрессивность к отношению говорящего к предметно-логической сфере высказывания [24, 129], или отрицают ее узуальный характер и признают лишь функциональным понятием [21, 136–137], а раз она проявляется при выполнении функции, то не может входить в семантическую структуру слова, значит, нет экспрессивных по природе слов и не может быть [18, 51]. По мнению Н. М. Павловой, признание экспрессивности как компонента семантической структуры слова – это насилие над языком. При этом сторонники этой точки зрения нередко ссылаются на В. В. Виноградова, считавшего, что «экспрессия всегда субъективна, характерна и лична» [7, 19], т. е. это речевое явление, думается, что ученый имел в виду не фразеологический уровень языка, тем более, экспрессивность в языке создается на всех его уровнях и разными способами и часто именно в речи. В связи с этим распространение мнения В. В. Виноградова как аксиомы на всю языковую систему неправомерно.

На наш взгляд, исследуя экспрессивность во фразеологии, необходимо исходить из целостного значения ФЕ как единицы фразеологической системы и ее функций в

процессе коммуникации – номинативной и экспрессивной, которые заложены в ней изначально.

Сторонники другой точки зрения рассматриваемую нами категорию отождествляют с эмотивностью (термин В. И. Шаховского). В частности, А. Г. Баранов пишет о том, что экспрессивность в широком смысле – это «выразительность, значительное выражение мыслей и чувств (сопровождаемых эмоциями), в узком – «яркое выражение эмоционального состояния (прежде всего эмоции и аффекта) в основном косвенными способами номинации» [2, 58]. Подобная трактовка сужает содержание экспрессивности во фразеологии, так как она включает в себя эмотивность как компонент и способ достижения выразительности.

Исследуя вопросы эмоционального воздействия на адресаты с точки зрения нормы /ненормы, В. И. Болотов утверждает о том, что эмотивность – речевая аномалия, которая возникает при нарушении норм употребления языковых единиц. Если она соответствует идеалу социума, то положительна, если противоречит ему, то отрицательна. А экспрессивность – категория языковая.

Наиболее удачно, как нам кажется, соотношение эмотивности и экспрессивности получило освещение в работах В. И. Шаховского [26, 27]. Ученый, во-первых, рассматривает эту проблему в связи с коммуникативной и когнитивной теориями языка; во-вторых, он разграничивает понятия «эмоциональность» и «эмотивность», имея в виду под первым реакцию человека на эмоциональное воздействие, т. е. определяет эмоциональность как психологический термин, а эмотивность им вводится как определение семантического свойства языка выражать эмоциональность как психическое явление [27, 24]; в-третьих, В. И. Шаховским предпринята попытка осветить такие рабочие термины, как «коннстатив», «экспрессив», «аффектив», «эмотив» и др.; в-четвертых, автор рассматривает эмотивность как функционально-семантическую категорию, т. е. придерживается семантической теории коннотации. И наконец, он различает денотативную и денотативно-коннотативную экспрессию, подразумевая под последней эмоционально окрашенную экспрессию, что нам представляется наиболее разумным предложением.

Недостатком теории В. И. Шаховского, на наш взгляд, является то, что ученый считает, что эмотивность наравне с экспрессивностью входит в коннотацию, тогда как

эмотивность – один из компонентов, создающих экспрессию, во фразеологизмах эмотивность и экспрессивность взаимосвязаны, так как первое порождает второе, в связи с этим искать «чисто экспрессивные» или «чисто эмотивные» ФЕ – нонсенс. Любая положительная или отрицательная эмоция, заложенная во фразеологизме, предполагает, несомненно, выразительность, т.е. эмотивность в комплексе с оценочностью – составные части экспрессивности.

Оценочность в языковой единице проявляется с различной степенью интенсивности. Категория интенсивности признака во фразеологии своеобразна. Выше нами указывалось на то, что в общее фразеологическое значение входят предметно-логическое и коннотативное значение (вместе с грамматическим). В связи с этим, нам кажется, во фразеологии необходимо выделять две разновидности категории интенсивности: а) интенсивность, выражающую степень проявления предметно-логического значения; б) интенсивность, выражающую степень проявления коннотативного значения. В обоих случаях интенсивность сигнализирует о неравенстве объемов сопоставляемых фразеологизмов, т.е. исходная степень признака может быть минимальной в сравнении с интенсивностью высокой степени. Таким образом, происходит как бы градуирование степени или меры интенсивности в ряде ФЕ с общим значением. Чем выше степень интенсивности, тем экспрессивнее ФЕ. Выражение минимальной или максимальной степени интенсивности во ФЕ связано с уровнем метафоризации устойчивого словосочетания. Чем ирреальнее переосмысление образа, тем выше выразительность.

Национально-специфический, или культурологический компонент экспрессивности

Важным компонентом экспрессивности, наряду с эмотивностью, является национально-специфический компонент. Как было отмечено выше, семантическая сущность ФЕ неоднородна: в их содержании можно найти информацию как об объекте речи, самом говорящем, так и об истории, мировоззрении, психологии этнического коллектива. Носителем подобной информации является национально-специфическая коннотация ФЕ. ФЕ с культурологическим значением выполняют в языке, в отли-

чие от других ФЕ, также гносеологическую (познавательную), кумулятивную (накопительную) функции.

Грамматическое значение ФЕ

Немаловажную роль в образовании общего фразеологического значения играет грамматическое значение. Фразеологизм, как и слово, вступает в различные связи и отношения с окружающими его языковыми единицами, в которых ФЕ реализует и предметно-логическое, и коннотативное значения. Однако, в отличие от слова, фразеологизмы соотносятся не со всеми частями речи, имеют ограниченные валентные возможности, более устойчивы в морфологическом плане. Тем не менее ФЕ со значением лица выполняют в тексте роль подлежащего, со значением действия – роль сказуемого, со значением характеристики действия – обстоятельства. Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующий вывод: фразеологическое значение – это общее значение устойчивой языковой единицы, созданное в результате образного переосмысления словосочетания. Оно синтезирует в себе три значения: предметно-логическое, коннотативное, грамматическое, которые сосуществуют в неразрывной взаимосвязи и взаимодействии как равноправные компоненты глобального фразеологического значения: первое отражает понятия, представления об окружающем мире, его предметах, явлениях, признаках, действиях, пространственных отношениях; второе содержит в себе такие виды информации, как экспрессивная, функционально-стилевая, национально-специфическая; третье обеспечивает грамматическую связь с ФЕ с другими единицами в контексте. Все они взаимосвязаны, получают реализацию в комплексе и зафиксированы во ФЕ ее структурой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архангельский В. Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов-на-Дону: изд. РГУ, 1964. – 315 с.
2. *Баранов А. Г.* О видах функциональной экспрессивности // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов-на-Дону, 1987. С. 54–59.

3. Белоноженко В. М. Фразеологическое значение и способы его разработки в словарях: Автореф. дисс. ... на соиск. уч. степени канд. филолог. наук. Киев, 1984 - 24 с.

4. Болотов В. И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариантности. Ташкент: Фан, 1981. - 116 с.

5. Вакуров В. Н. Основы стилистики фразеологических единиц (на материале советского фельетона). М.: Изд. МГУ, 1983. - 175 с.

6. Васильева А. Н. Функциональное направление в лингвостилистике и его значение в преподавании русского языка как иностранного. Автореф. дисс. ... на соиск. уч. степени. д-ра филол. наук. М., 1981. - 56 с.

7. Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947.

8. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980. - 237 с.

9. Воронина А. З. Коннотация фразеологизмов в коммуникативном аспекте // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1985. Вып. 244. С. 28-38.

10. Жаржолуани Д. Теоретические основы фразеологической номинации и сопоставительная лингвистика. Тбилиси, 1987. - 191 с.

11. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. М.: Просвещение, 1978. - 160 с.

12. Капацкая Е. В. Определение выразительности и способы ее усиления // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов-на-Дону, 1987. С. 24-30.

13. Кожина М. Н. О языковой и речевой экспрессии и ее экстралингвистическом обосновании. Там же. С. 8-17.

14. Лепешев И. Я. Проблемы фразеологической стилистики и фразеологической нормы в современном белорусском языке. Автореф. дисс. ... на соиск. уч. степени д-ра филолог. наук. Минск, 1984 - 37 с.

15. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977. - 283 с.

16. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1980. - 207 с.

17. Натадзе М. Р. Принципы построения лингвистической стилистики и стилистический аспект сопоставления языков. Автореф. дисс. ... на соискан. уч. степени д-ра филолог. наук. Тбилиси, 1975 - 132 с.

18. Павлова Н. М. О соотношении понятий «экспрессивность» и «эмоциональность» и об уточнении их лингвистической сущности // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов-на-Дону, 1987. С. 47-54.

19. Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М.: Высшая школа, 1980. - 143 с.

20. Ризель Э. Г. К вопросу о коннотации // Сб. научных трудов МГИИЯ им. М. Тореца. М., 1978. Вып. 125. С. 9-19.

21. Стернин И. А. Семантическая основа экспрессивного словоупотребления // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов-на-Дону, 1987. С. 133-137.

22. Ураксин З. Г. Фразеология башкирского языка. М.: Наука, 1975. - 192 с.

23. Федосов И. А. Функционально-стилистическая дифференциация русской фразеологии. Ростов-на-Дону: Изд. РГУ, 1977. - 211 с.

24. Химик В. В. К соотношению экспрессивности, модальности и персональности // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов-на-Дону, 1987. С. 128-133.

25. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1969. - 231 с.

26. Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград, 1983. - 95 с.

27. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: изд. ВГУ, 1987. - 192 с.

28. Шенн Р. Обработка концептуальной информации: Пер. с англ. М., 1980. - 361 с.

А. А. ЖАППУЕВ

ГЛАГОЛЫ ЗВУЧАНИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Звукоподражательные слова и глаголы звучания занимают определенное место в лексике каждого языка. В карачаево-балкарском языке они еще не изучены.

В данной работе рассматриваются глаголы звучания. Необходимость исследования глаголов звучания диктуется не только практическими задачами, но преследует и теоретические цели: такое изучение способствует в какой-то степени раскрытию путей возникновения отдельных категорий карачаево-балкарской лексики, поможет проследить их становление и развитие, выявить лексико-семантические, фонетические, морфологические и синтаксические особенности глаголов звучания.

В процессе трудовой деятельности человек вступает в определенные отношения с предметами и явлениями, при этом он не только различает предметы и явления, но и воспроизводимые ими звуки, старается передать их средствами языка. Достигается это благодаря тому, что между природными и речевыми звучаниями имеются определенные соотношения, основанные на сходстве их

свойств: природные звуки тоже являются результатом колебательного движения (5, 2, 90).

При передаче природных звуков человек использует звуковой комплекс, свойственный его языку и близкий к природному. Несмотря на это, звукоподражания имеют некоторое сходство даже в неродственных языках. Это объясняется тем, что в отличие от слов, возникающих путем условного обозначения понятий, где «название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой» [1, 5; 3, 107]. В звукоподражательных же словах имеется непосредственная связь между звучанием слова и его значением. Возьмем к примеру звуки, изображающие шипение жидкости при брожении *быж*. Звуковой комплекс *быж* образован сочетанием губного смычного звонкого согласного *б*, негубного гласного заднего ряда верхнего подъема *ы* и переднеязычного щелевого звонкого согласного *ж*. Звуки шипения воспроизводятся сначала при сомкнутых губах, в конце при произнесении *ж* воздух проходит через щели, которые образуются при подъеме кончика языка и небольшого заворачивания его назад, при этом зубы сомкнуты. При соединении этих трех звуков возникает слово, являвшееся подражанием шипению жидкости при брожении.

Так возникают в языке и другие звукоподражательные слова, которые являются приблизительными копиями, образами естественных звуков, причем этот процесс происходит не произвольно, а вполне сознательно. После этого мы становимся свидетелями дальнейшего развития звукоподражательных слов. Человек, используя нужные средства языка, преобразует звукоподражательные слова так же, как и другие слова и относит их к какому-нибудь лексико-грамматическому классу слов. Так, соединив к *быж* глаголообразующий аффикс *-ылда*, получаем глагол *быжылда* «шипеть» (о жидкости).

Компонент аффикса *-да-ыл* (*-ул, -ил, -юл*), *-ыр* (*-ыр, -ир, -юр*) и т. п. в карачаево-балкарском языке еще не определен, поэтому принято считать *-ылда, -улда, -ырда* и т. п. самостоятельными аффиксами (см. 4, 143).

Таким путем возник целый класс слов, который обрассовал семантическое поле глаголов звучания.

Глаголы этой группы объединены на основе учета их внутренних лексико-семантических, а также фонетических, морфологических и синтаксических особенностей.

Эти глаголы образуют достаточно обширную и вместе с тем компактную группу.

Глаголы звучания образуются, как сказано выше, от звукоподражательных слов. Однако в образовании глаголов звучания частично участвуют и междометные слова [5, 5; 6, 46]. Это явление присуще и карачаево-балкарскому языку.

Структура звукоподражательных глаголов определяется фонетическими особенностями каждого языка. Глаголы звучания в карачаево-балкарском языке, как и в других языках, образуются от звукоподражательных и междометных слов посредством глаголообразующих аффиксов и с помощью вспомогательных глаголов.

Смысловую основу онаматопои, которая дает все лексическое многообразие звукоподражательным глаголам, составляет несколько компонентов: акустический, двигательный, телесный (в связи с активным органом) и эмоциональный [7, 15-16; 5, 21]. Наиболее значительным в структуре глаголов звучания является акустический компонент. На его базе развиваются значение речи, звучания, физиологического действия. Акустический смысловой компонент заложен в любом корне глаголов звучания, который, как сказано выше, является результатом воспроизведения фонетическими средствами языка: звуков, шумов природы. Этот компонент лежит в основе дальнейшего развития и расширения значений глаголов звучания. Например, глагол *ынгырда*, появившийся от звукоподражания, передающего мычание коровы, имеет значения: 1) мычать (о корове); 2) перен. мычать, говорить невнятно, бормотать (о человеке). Общим семантическим стержнем этих двух значений является акустический компонент — сема звучания, которая имеет в обеих семах общее содержание: схожесть звуков, издаваемых коровой и человеком при нечетком произношении.

Ссылаясь на В. Скаличку, В. С. Третьякова пишет, что звукоподражательным словам всегда присущ сильный эмоциональный компонент, который придает своеобразие значению глаголов звучания. В процессе расширения значения слова этот компонент имеет решающее значение, т. е. здесь скорее всего используются эмоциональные, чем интеллектуальные ассоциации (7, 6). Однако эмоциональный компонент присущ не всем глаголам звучания. Некоторые из них, обладая самой общей семантикой, в эмоционально-экспрессивном отношении нейтраль-

ны (6, 38). Например, глаголы типа *таууш эт* «звучать»; *дауурла, дауур эт* «шуметь», *зынгырда* «звенеть» и т. п., обозначающие звучание вообще, независимо от источника звука эмоционального компонента не имеют.

Обязательным смысловым компонентом глаголов звучания является двигательный, так как звук чаще всего рождается движением. Этот компонент лежит в основе развития глаголов, характеризующих внешнюю сторону речи *гырылда* «болтать», глаголы физиологического действия в сочетании с телесным компонентом *хырылда* «хрипеть», *ынычха* «кряхтеть», глаголы движения в сочетании с телесным компонентом «нога» (*доп-туп эт* «топать», *шыбыр-шыгыр эт* «шаркать»), звучания в сочетании с активным органом «рука» (*кзарсла, кзарс ур* «хлопать, бить в ладоши, аплодировать», *таркз-туркз эт* «стучать» и другие).

Приведенные примеры показывают, что глаголы звучания взаимодействуют с другими лексико-семантическими группами, сюда можно добавить еще глаголы смеха: *кюл* «смеяться», *харх эт* «хохотать»; глаголы плача: *жиля* «плакать», *жилямсыра* «всплакнуть»; глаголы переживания: *ынычха* «стонать» и т. д. Глаголы типа *кюл* «смеяться»; *ынычха* «стонать» одновременно относятся к глаголам эмоционального переживания, с глаголами слухового восприятия, с глаголами речи, с глаголами действия, физического действия [8, 13–15; 6, 51; 10, 9].

Глаголы звучания обладают многими признаками глагола, однако, они имеют и свои специфические особенности. Своеобразие их семантики, как уже отмечалось, заключается в том, что они своим звуковым составом выражают характер звукового действия. Это главный признак, который отличает глаголы звучания от других глаголов.

Глаголам звучания присущи категории переходности/непереходности. Однако этими признаками обладают не все глаголы звучания. Глаголы, обозначающие звуки, издаваемые человеком, животными, различного рода предметами, явлениями природы, не обладают категорией переходности. Например: *мушулда* «сопеть». *Ол мушулдайды* «Он сопит (о человеке)». *Токзлю мушулдайды* «Барашек сопит». *Хырылда* «храпеть». *Ол жукзласа, хырылдап тебирейди* «Он, как только заснет, начинает храпеть». *Кюкюре* «греть». *Кёк кюкюрейди* «Гром гремит». *Чыкгырда* «трещать». *Буз чыкгырдайды* «Лед тре-

щит». *Шорхулда* «журчать» (о ручье). *Кзара суучукз шорхулдап барады* «Ручей журчит». *Кзыжылда* «скрежетать». *Танкны гусеницалары кзыжылдайдыла* «Гусеницы танка скрежещут» и т. п.

Значение переходности имеют глаголы, обозначающие звуки, производимые человеком (большинство их – это глаголы, характеризующие внешнюю, произносительно-звуковую сторону речи) [11, 51, 5, 15], животными, частично глаголы, обозначающие неодушевленные предметы, которые стоят в винительном падеже. Например: перен. разг. *мурулда* «бурчать», (сердито бормотать, выражая недовольство), перен. разг. *жууулда* «болтать» (вести легкий, непринужденный разговор). *Кзакз* «стучать». *Ким эсе да эшикни кзагдады* «Кто-то стучит в дверь».

Глаголы звучания в данном случае чаще всего принимают аффиксы понудительного залога. *Чалгзычы чалгзыны шууудатып барады* «Косарь идет вперед, вжикая косою». *Ит маскени, кзабып, сынсытды* «Собака укусила моську, и она завизжала». *Жел саламны шырылдаатады* «Ветер шорохтит (заставляет шорохтеть) соломой» и т. д.

Эти глаголы (в отличие от обычных переходных глаголов, действие которых переходит на объект, например: *киталны элт* «отнеси книгу») в действие как бы включают сам объект. Следующей особенностью глаголов звучания является то, что не все глаголы имеют полную парадигму спряжения. Это связано с тем, что в глаголах, образованных от звуков, производимых предметами, явлениями природы, от звуков, издаваемых животными, птицами, насекомыми и т. п., отсутствует первое и второе лицо единственного и множественного числа. Примеры: *Арыкзда суу шорхулдайды* «В арыке журчит вода». *Кзулакз суучукзла шорхулдайдыла* «Ручьи журчат» и т. д.

Полную парадигму спряжения имеют только те глаголы, которые связаны со звуками, издаваемыми человеком. Примеры: *уртла* «глотать, хлебать». *Мен уртлайма* «я глотаю», *сен уртлайса* «ты глотаешь», *ол уртлайды* «он глотает», *биз уртлайбыз* «мы глотаем» и т. д. Такие формы имеют глаголы *ынычха* «стонать; кряхтеть», *мушулда* «сопеть», *хырылда* «храпеть», перен. разг. *ёкюр* «реветь, плакать громко», перен. *жюююлде* «щебетать» (говорить безумолку, быстро, звонко: о женщинах и детях), перен. прост. *дууулда* «болтать, галдеть», *кзычыр* «кри-

чать» *сыйытла* «плакать, рыдать; оплакивать», *чукук эт* «икать» и т. п.

Глаголы звучания, как глаголы произносительно-звуковой характеристики речи, имеют дополнительные, характеризующие их признаки (компоненты значения). К ним относятся: громкость, отрывистость, импульсивность звука; дробность звука, раскатистость; линейность и равномерность звука, интенсивность; длительность звука, однократность, многократность звучания звука и т. п. Эти компоненты значения звукоподражательных слов и глаголов с той или иной полнотой изучены и описаны авторами ряда работ по этой теме [15, 13; 8, 4; 6, 40–50, 1, 8–9; 12, 30–33; 14, 4 и другие].

В приведенных ниже примерах глаголы звучания даются по степени возрастания характеризующих признаков; громкость: *быжылда* «шипеть» (издавать глухие звуки, напоминающие протяжное произнесение звука «ш»: о вине, айране, минеральной воде, бузе и т. п.), *шорхулда* «журчать» (издавать монотонный непрерывный булькающий шум: о текущей воде), *шырылда*, *шыбырда* (издавать легкое шуршание: о листьях, сухой траве и т. п.), *зынгырда* «звенеть» (о звонке, телефоне: издавать звук высокого тембра, звучащее продолжительно), *кюкюре* «греметь, грохотать» (о громе: издавать громкие, резкие раскатистые звуки), *гюрюлде* «греметь, гроыхать, грохотать» (о громе, взрывах и т. п.: издавать сильный громкий раскатистый звук, шум); высота звука: *макгыр* «мяукать» (о кошке: издавать мяукание), *гур-мур эт* «ворчать» (о медведе, собаке и т. п.: издавать негромкие низкие звуки, выражающие недовольство), *хырылда* «рычать» (о собаке, тигре, льве и т. п.: издавать рык), *ёкюр* «реветь» (о быке: издавать протяжный громкий крик), *кгансы* «визжать» (о собаке: издавать пронзительный резкий звук, визгливо кричать), *сызгыр* «свистеть» (о человеке: издавать резкий высокий звук); характер звучания: а) отрывистость, импульсивность звука: *таркъ-таркъ эт* «стучать, стучать» (ударять, бить со стуком), *боркгулда* «булькать» (издавать звуки) *боркъ-боркъ*, *зынгырда* «звякать» (издавать короткие звонкие звуки при ударе о металл, стекло), *кау-куу эт* «тявкать» (о собаке, лисе: отрывисто лаять); б) дробность; раскатистость звука: *жююлде* «стрекотать» (о птицах: производить короткие и частые звуки, похожие на треск), *чыкгырда* «трещать» (о лопающемся предмете: издавать резкие, сухие звуки),

кюкюре «греметь» (о громе: издавать резкие, раскатистые звуки); в) линейность, равномерность звучания: *гурулда* «гудеть» (о ветре: издавать длительный протяжный звук, шум), *ширилде* «шипеть» (о кипящем на сковороде масле, о струе пара и т. п.: издавать глухие звуки, напоминающие произношение звука «ш»), *улу* «выть» (о собаке, волке: издавать продолжительный, протяжный стон), *сынсы* «скулить» (о собаке: жалобно повизгивать, тихо выть); г) интенсивность звучания: *улу* «выть», *ёкюр* «реветь, мычать» и т. п.

Глаголам звучания, хотя они и относятся к денотативной (конкретной) лексике, присуща многозначность. Это явление свойственно глаголам как вещественного, предметного звучания, так и глаголам, образованным от звуков, издаваемых человеком и животными [9, 8–9; 1, 8; 5, 22; 17, 97–98 и другие]. Полисемия менее развита в глаголах, образованных от звуков, издаваемых человеком. Большинство полисемантических глаголов звучания двузначны, но встречаются и трех- и более значные глаголы. В основном эти значения являются переносными и входят в состав других групп и подгрупп глаголов звучания. Пример: *Тыхырда*: 1. Тарахтеть (об арбе, мельнице и т. п.); 2. перен. разг. Болтать, тараторить, тарахтеть (говорить, произносить быстро, непрерывно, безумолку). *Дууулда*: 1. Гудеть, свистеть (о быстро движущемся, вертящемся предмете (о машине, юле и т. п.); 2. Жужжать (о насекомых, пуле и т. п.); 3. перен. разг. Болтать, галдеть. *Сызгыр*: 1. Свистеть (о человеке); 2. перен. Насвистывать (мелодию); 3. перен. Петь, свистеть (о птицах); 4. перен. Свистеть (о пуле). *Жызылда*: 1. Жужжать (о насекомых, пуле и т. п.); 2. Скрипеть (о двери, стуле и т. п.); 3. перен. разг. Звенеть колокольчиком (о голосе); 4. перен. разг. Гудеть, шуметь (о толпе людей); 5. перен. Гудеть, ломить, ныть (о ногах, руках, теле); 6. перен. Пройти, пробежать (о дрожи, мурашках по телу).

Приведенные примеры показывают, что переносные значения в глаголах звучания, в отличие от обычных глаголов, развиваются только способом метафоризации.

Переносные значения глаголов звучания связаны с разнообразными типами метафор [9, 10].

1) Действия одушевленных предметов переносятся на неодушевленные по сходству воспроизводимых звуков. *Сызгыр*: 1. Свистеть, насвистывать (о человеке); 4. перен. Свистеть (о ветре, пуле и т. п.). *Ёкюр*: 1. Реветь (о

животных); 2. перен. Реветь (о пароходе, буране и т.п.). *Кзычыр*: 1. Кричать (о человеке); 6. перен. Кричать, гудеть (о гудке, машине, электровозе и т.п.). *Шыбырда*: 1. Шептать (о человеке); 2. перен. шелестеть (о листьях, колосьях и т. п.).

2) В глаголах звучания широко используется перенос с одушевленного предмета на одушевленный. Здесь звуки, издаваемые животными, птицами и т.д. переносятся на человека: *жююлда*: 1. Чирикать, щебетать (о птицах); 2. перен. щебетать, тараторить (о женщинах и детях); *гырылда*: 1. Рычать (о собаке); 2. перен. разг. бормотать, ворчать (о человеке); *бююлда*: 1. Реветь (о быке); 2. перен. прост. реветь (о человеке: издавать громкие звуки, похожие на рев быка); *улу*: 1. Выть (о собаке, волке); 2. перен. разг. выть, плакать в голос; *юр*: 1. Лаять (о собаке); 2. перен. прост. груб. лаять, накричать, ругать; *мурулда*: 1. Мурлыкать (о кошке); 4. перен. разг. бормотать, бурчать, ворчать и т. д.

3) Довольно часто применяется перенос с неодушевленного предмета на одушевленный. *Дууулда*: 1. Гудеть, издавать гул (о моторе); 2. перен. разг. болтать, пустословить; *гюрюлда*: 1. Греть, прогреметь (о громе, о звуках текущей воды, выстрелах орудий, о ветре, огне и т.п.); 2. перен. разг. Шуметь, громко выражать недовольство (о многих); *кюкюре*: 1. Греть (о громе); 2. перен. разг. Греть, гневаться, бушевать (говорить громким голосом, говорить громким возбужденным голосом с жаром или гневом); *гургур эт*: 1. Тарахтеть, грохотать (о моторе арбе и т. п.); 2. перен. разг. Бормотать; *дуу-дуу эт*: 1. Гудеть, издавать гул (о машине, летящем предмете и т. п.); 2. перен. разг. Надоедать разговором, ворчанием; *чыкгырда*: 1. Трещать, стрекотать (о пулемете, автомате и т. п.); 2. перен. разг. Говорить, болтать и т.д.

В глаголах звучания широко представлена также синонимия. Синонимические ряды встречаются во всех группах рассматриваемых глаголов. Исследователи глаголов звучания отмечают своеобразие в их синонимизации. В отличие от обычных глагольных синонимов, образованных от различных источников (диалектные, заимствованные и т. п. слова), здесь возникновение их связано с необходимостью выражения оттенков однородного звукового явления [1, 9]. Эта однородность не исключается даже тогда, когда имеются изменения в звуковом составе слова. Такие изменения в звуковом составе слова характер-

ны для глаголов звучания, вступающих в синонимические отношения друг с другом, однако, они не изменяют основное значение слова, вносят только дополнительные семантико-стилистические оттенки. Так, например, все глаголы смеха, за исключением доминанты, имеют семантико-стилистические оттенки значения: *кюл* «смеяться», *харх бол*, *харх эт*, *хаха эт* «хохотать, греметь (смеяться громко, раскатисто)», *хы-хы эт*, *хыхыкла* «смеяться» (сдержанно), *хи-хи эт*, *хихиле* «хихикать» (смеяться тонким голосом, негромко, сдержанно или исподтишка)», *кзыл-кзыл эт*, *кзылкзылда* «смеяться (весело, радостно)», *хе-хе эт*, *хехеле* «смеяться» (самодовольно или злорадно), *пырх-чырх бол*, *пырх-чырх эт* «смеяться, прыскать, фыркать» (засмеяться, не выдержав: о взрыве смеха)». За исключением *кюл*, *харх бол*, *харх эт* глаголы смеха имеют разговорную окраску и относятся к разговорному стилю.

Встречаются синонимические ряды, члены которых могут ограничиваться одним или двумя характеризующими признаками, например, глаголы *тырылда*, *ггыр-ггыр эт*, *ггырылда* «тарахтеть» (издавать короткие отрывистые звуки: о моторе, механизмах) характеризуются двумя признаками: короткостью и отрывистостью звука.

Глаголы ряда *ахтын*, *ахсын*, *ах-тух эт* «вздыхать» указывают на интенсивность действия.

Глаголы *шурулда* «шелестеть, шуршать, шорохтеть», *шыбыр-шыбыр эт* «шелестеть, шуршать», *шыр-шыр эт* «шелестеть, шуршать», *шыбырда* «шелестеть, шуршать», *шууулда* «шелестеть, шуршать» (издавать легкие глухие звуки при трении предметов друг о друга: о растениях, их листьях) обладают следующими признаками значения: «громкость», «прерывистость или отрывистость».

Глаголы, обозначающие звучание металлических и стеклянных предметов, имеют дополнительные признаки, компоненты значения, которые характеризуют звучание в плане длительности, громкости, интенсивности, высоты: *кзыжылда* «скрипеть, скрежетать», *жыггырда* «скрипеть, скрежетать» (издавать длительный, резкий, высокий звук при трении друг друга).

Глаголы, обозначающие звучание, производимое текущей водой, обладают компонентами значения «громкость», «равномерность звука». *Шорхулда* «журчать», *шорх-шорх эт* «журчать», *шурулда* «журчать», *ширилде*

«журчать» (производить монотонный булькающий звук, шум) и т. п.

Приведенные примеры показывают, что глаголы звучания обладают рядом лексико-семантических особенностей, которые отличают их от других глаголов.

Большинство глаголов звучания имеют разговорную окраску, относятся к разговорному стилю, выполняют разные эмоционально-экспрессивные функции. Коннотативное значение глаголов звучания обеспечивает стилистическую гибкость языка, его выразительность. Эта особенность глаголов звучания позволяет использовать их как изобразительное средство в художественной литературе.

«Изобразительная функция глаголов исходит из начальной функции звукоподражаний – не случайно их иначе называют изобразительными словами. Эта функция для глаголов заключается в том, чтобы не только обозначить процесс, состояние, но и изобразить их» [7, 22, 23]. Изображению способствуют как лексические, так и грамматические средства. Употребление в тексте одного из синонимов всегда более экспрессивного и эмоционального, чем их нейтрального эквивалента, делает текст намного выразительным и характеризует язык автора и героев как точный и самобытный.

Изобразительная функция глаголов звучания хорошо видна в таких предложениях, когда их лексическая наполняемость зависит не от звукового комплекса глагола, а от синтаксической конструкции, в котором они употребляются, и от типа конструкции, которую навязывает значение глагола. Глагол в таких конструкциях выступает исключительно как строевой элемент, но при этом очень выразительный, причина этого языкового явления, как полагает В. С. Третьякова, не только в синтаксической обусловленности значения глаголов звучания, но и в их экспрессивности и семантической диффузности [7, 23, 24].

Все глаголы звучания, как правило, реализуют свое значение в синтаксической формуле «субъект–действие» [12, 29, 17, 97]. В позиции субъекта выступают как неодушевленные, так и одушевленные существительные, независимо от способа выражения, субъект всегда активен, например: *суу боркгулдайды, гюрюлдейди* «Вода бурлит: клокочет, течет с гулом»; *ит юреди, сынсыйды, улуйду, хырылдайды* «Собака лает, визжит, воеет, рычит». Глаго-

лы предметного звучания могут употребляться при субъекте, обозначающем предмет, одушевленное лицо, при этом в первом случае глагол реализует значение «издавать звук», а во втором – «производить звук с помощью чего-либо» [17, 97]. Например: *кзонгуроу зынгырдайды* «Колокольчик звенит, гремит»; *Къыз мияла сауутланы зынгырдатады* «Девушка звенит стеклянной посудой». Отсюда и две синтаксические конструкции реализации этих значений: «субъект–действие» и «субъект–действие–винительный дополнение», глаголы со значением предметного звучания употребляются с субъектом, обозначающим человека или животное [12, 29].

При реализации своих значений в контексте глаголы предметного звучания могут варьировать характер субъекта и объекта действия. Изменение субъекта может касаться следующих его характеристик: 1) одушевленности-неодушевленности, например: *Алайына кёк кюкюреди, хауа зынгырдады, жер кгалтырады* «Вдруг гром загремел, воздух зазвенел, земля затряслась» (Э. Гуртуев, Азиретни къууанч кюню, 15). *Нарт Ерюзмек жел атына мингенди, кёкча кюкюрет, ол нартха келгенди, Нартны Къызыл Фукдан азат этгенди* «Нарт Ерюзмек сел на своего быстрого, как ветер, коня, загремяв, как гром, примчался к нартам, освободил нартов от краснородого Фука». («Нартла», 27). *Стаканла зынгырдайдыла* «Бренчат стаканы». *Киши ачхычланы зынгырдатады* «Человек бренчал ключами»; 2) активности-пассивности субъекта. Причина проявления активности субъекта или при помощи кого-либо или чего-либо извне, например: *жел быргылада дууулдайды* «ветер гудит в трубах», *автобус дууулдайды* «гудит автобус». Указанные различия проявляются в том, что логический и грамматический субъект действия в данном случае не совпадают [12, 29]. В синтаксической модели, характерной номинативным значениям глаголов звучания, место объекта остается незанятым. *Эшик къыжылдайды* «Дверь скрипит». *Боран гууулдайды* «Буря гудит». *Трактор тырылдайды* «Трактор тархтит» и т. п.

При изменении семантической структуры за счет нейтрализации денотативного (предметного) звучания или превращения его в сопутствующую сему при одновременной актуализации других компонентов (конкретного действия, говорения и т. п.) изменяется и синтаксиче-

ская модель – появляется прямой или косвенный объект. Рассмотрим это явление на примерах. *Хайнух дууулдайды* «Волчок гудит». Здесь объекта нет. Но в предложении *Сыбызгыны дууулдат* «Дудеть на дудке» появляется прямой объект. В переносном значении этот глагол относится к глаголам, характеризующим внешнюю сторону речи и имеет значение «галдеть, болтать, надоедать разговорами». *Сапият нёгерлерине не затны юсюнден эсе да кёп дууулдайды* «Сапият о чем-то долго болтает своим подругам». В данном предложении имеются два косвенных объекта, выраженных дательным и предложным падежами (*нёгерлерине, затны юсюнден*). Пример показывает, что рассмотренный лексико-семантический вариант *дууулда* уходит на периферию группы глаголов звучания. Таким образом, глаголы предметного звучания в переносном значении перекрещиваются с другими лексико-семантическими группами.

В глаголах естественного звучания изменение в семантической структуре происходит по-другому, это обусловлено их денотативной семантикой, которая связывает их с определенным субъектом, производителем действия, семантические различия касаются здесь преимущественно изменения принадлежности звучания субъекту – человеку или субъекту животному (птице и т. п.) (12, 30). Например: *кюкюре*: 1) греметь (о громе); 2) перен. «гневаться, бушевать»; *жюююлде*: 1) просвистеть (о пули); 2) щебетать, чирикать; *пицать* (о птицах); 3) перен. лепетать, лопотать (о детях); *тырылда*: 1) гудеть; тарактеть; грохотать (об арбе, машине и т. п.); 2) перен. разг. болтать без умолку; *улу*: 1) выть (о собаке, волке); 2) выть (о ветре, буране); 3) выть, плакать (преимущественно о женщинах, оплакивающих умершего, попавших в беду и т. п.). *Мурулда*: 1) мурлыкать (о кошке), ворчать (о медведе); 3) ворковать (о голубях); 4) перен. разг. бурчать, бормотать, ворчать (о человеке); 5) перен. напевать (песню, о человеке); *ынычха*: 1) стонать, кряхтеть, охать (о человеке); 2) перен. разг. стонать (о море при сильном волнении) и т. п.

Таким образом, изменения субъекта касаются категорией одушевленности–неодушевленности и активности, а также типа одушевленного субъекта действия (человек или животное). Появление объекта также свидетельствует об изменениях в семантической структуре группы глаголов естественного звучания. С изменением функции

объекта (прямой – косвенный со значением орудийности/неорудийности, адресата, локализатора места действия и т.п.) связаны условия реализации тех лексико-семантических вариантов глагола, которые находятся на периферии, смыкаясь с другими лексико-семантическими группами.

При реализации значения глаголы естественного звучания могут иметь различные обстоятельственные и другие слова, указывающие на место, время, способ и образ действия, причины действия и т. п. Эти слова употребляются как с глаголами «естественного звучания (при реализации прямых, номинативных значений), так и с глаголами предметного, вещественного звучания. Эти глаголы употребляются при указании на 1) время действия: *Солтан-Хамит, атыны башындан тарта, кгошха жууукълашханда, кёк парийле, гау-гуу этип, чыпдыла*. (Шахмырзаланы С., Танг аласында) «Когда Солтан-Хамит, ведя коня за узду, приблизился к кошу, серые волкодавы, залааяв, бросились на него»; 2) место действия: *Оюла тургганча каяла, Эл башында кёк кюкюреди*. (Къулийланы Къ., Юйюнге игилик, 17). «Над селом грянул гром, как будто скалы обрушились»; 3) образ действия: *Поезд, мукъут этип, гурулдап барады*. (Гуртуланы Э. Азиретни къууанч кюню, 107); 4) причина действия: *Кзызыу кюн арбазда ойнай тургган сабийле бир бирлерине суу бюркюшедиле* «В жаркий день дети, игравшие во дворе, брызжут воду друг на друга»; 5) способ действия: *Самат итни, таякъ бла кгозутуп, гырылдаады* «Самат, дразня собаку палкой, заставляет ее рычать и т. д.»

Синтаксические формулы с локализаторами и распространителями рассматриваются в каждой группе отдельно.

Все сложные глаголы звучания обозначают однократные и многократные длительные действия.

Семантическое поле глаголов звучания имеет сложную структуру, представлено ядром, основной и периферийной частями.

Опорным или ядерным словом лексико-семантической группы глаголов звучания является *таууш эт* «звучать», который в своем основном, первом значении интегрально характеризует самые разнообразные звуки, существующие в природе. Глаголы *дауур эт* «шуметь»; *дауурла* «шуметь»; *шууулда* «шуметь» представляют это значение также в наиболее общем виде, хотя и являются

характеризующими глаголами: имеют дополнительный компонент значения «неясность, неопределенность звучания».

При семантической классификации глаголов звучания исследователи исходят из определения прямых номинативных лексико-семантических вариантов глаголов звучания, которое сводится к формулировке «издавать или производить звук». Учитывая эти компоненты значения, лингвисты глаголы звучания делят на несколько подгрупп или разряды. Одни из них делят на две группы: 1) глаголы вещественного предметного звучания – *зынгырда* «звенеть», «греть»; *шыкгырт эт* «треснуть»; *чайкгал* «плескаться» (о воде); *чачыра* «строчить» (о пулемете, автомате) и подобные; 2) глаголы со значением естественного звучания – *макгыр* «блеять»; *хырылда* «рычать»; *ахсын* «вздохнуть», «вздыхать»; *ёкюр* «реветь»; *пышылда* «шепелявить» и подобные [11, 48–52]; на два разряда: 1) глаголы, обозначающие действия, связанные с звуковым явлением, создаваемым неодушевленными предметами; 2) глаголы, обозначающие действия, связанные со звуками, создаваемыми одушевленными предметами [5, 15]; на две группы: 1) глаголы звучания, обозначающие звуки, издаваемые, производимые предметами; 2) глаголы звучания, обозначающие звуки, издаваемые живыми существами [8, 4]. Таким образом, указанные авторы выделяют две семы в глаголах звучания. Другие делят на три группы, исходя из общности родства в семантической структуре данных глаголов. В. С. Третьякова пишет, что «несмотря на семантическую неоднородность в основе наименования действий у всех глаголов лежит один предмет внеязыковой действительности (денотат) – звучание. В связи с общностью их родства в семантической структуре звукоподражательных глаголов обязательно присутствует одна из сем: 1) издавать звук; 2) производить звук с помощью чего-либо; 3) сопровождаться звуком [7, 18]. В зависимости от того, какая из этих сем является основной, дифференциальной (второстепенной) или потенциальной [22, 21 и след.], глагол принадлежит к той или иной группе, когда сема звучания является основной, тогда лексема принадлежит к лексико-семантической группе глаголов звучания: *кзансы* «визжать» (издавать пронзительный крик, о собаке), *дауур эт* «шуметь» – издавать или производить шум (звуки, слившиеся в громкое и нестройное звучание), в осталь-

ных группах сема звучания является дифференциальной – в глаголах физического действия на объект, глаголах падения, глаголах физического действия и в других, которые входят в семантическое поле глаголов звучания. Исходя из этих данных, В. С. Третьякова делит глаголы звучания на три класса: 1) глаголы предметного звучания; 2) глаголы, обозначающие звуки, издаваемые человеком; 3) глаголы, обозначающие звуки, издаваемые животными [9, 19]. Ф. Г. Карунц также делит на три разряда: 1) глаголы вещественного, предметного звучания; 2) глаголы, обозначающие звуки, издаваемые человеком; 3) глаголы, обозначающие звуки, издаваемые животными [9, 5–6].

Классификация В. С. Третьяковой и Ф. Г. Карунц мало чем отличается от деления глаголов звучания на группы Л. М. Васильева. Такую классификацию впервые произвел Л. М. Васильев. Он, учитывая распространенность и продуктивность единиц каждой группы глаголов звучания по их признакам, по их денотативному содержанию, делит на три группы: 1) глаголы, характеризующие звучание неживых предметов; 2) глаголы, характеризующие звуки, издаваемые живыми существами (кроме человека); 3) глаголы, характеризующие звуки, издаваемые человеком [6, 35].

Описание глаголов звучания карачаево-балкарского языка производится по последней схеме, хотя учитываются и исследования всех указанных авторов.

В ядерную часть глаголов звучания прежде всего входят глаголы, которые относятся ко всем группам или к большинству групп. Это глаголы, обозначающие звучание вообще, независимо от того, кто или что издает или производит звук. Это глаголы *таууш эт* «звучать», «издавать звук». *Шуулда* «шуметь» (одушевленные и неодушевленные предметы), *дауур эт* «шуметь». Глаголы *жырла* «петь» (о человеке, птицах, насекомых, моторе, скале, земле, растениях, ветре и т.п.); *гуулда* «гудеть»; *гюрюлде* «греть»; *дуулда* «гудеть»; *зынгырда* «звенеть» и т. п. также обладают относительно общей семантикой и включаются почти во все группы.

Некоторые из этих глаголов характеризуют способ распространения звуков, указывая на характер звучания. *Зынгырда* «дребезжать», «звучать прерывисто, неровно, нестройно»; *дюнгорде*, *кюкюре*, *зынгырда* «грянуть», «загреть», «раздаться внезапно, с силой»; *тарсла*, *тархла*

«трахать, трахнуть», «звучать резко, отрывисто»; *зынгырда* «звенеть», «раздаваться звонко, ясно»; *гюрюлде, кюкюре, кзурулда* «гремять», «звучать с большой силой, громко, резко, раскатисто»; *чакз* «щелкать» (о кнуте, кремневом ружье); *дюнжюрге, гюрюлде* «громоыхать», «звучать с большим шумом»; *гюрюлде* «рокотать» (об орудиях, море), «издавать дробные раскатистые звуки, сливающиеся в монотонное звучание, о низких раскатистых звуках»; *жызылда* «жужжать», «звучать монотонно» (о гуле голосов, шуме толп и т.п.); *жююлде, жызылда, кзанысы* «пищать», «звучать тихо, пискливо»; *гууулда* «звучать ровно, протяжно».

Звучание может охватить какое-то пространство. Это передается, например, глаголами: *шууулда* «шелестеть, шуршать, шуметь»: *аггач шууулдайды* «лес шумит»; *те-нгиз шууулдайды* «море шумит»; *дюнжюрге* «грохотать, громоыхать, греметь»; *кёк кюкюрегенден саулай кзол дюнжюргеиди* «от грома грохочет все ущелье».

Предметы могут резонировать звучания другого предмета. В таком случае второй источник звучания (резонатор) отражает звуковые волны первого источника, в последнем приведенном выше предложении *дюнжюрге* «грохотать» является результатом резонирования первого источника звучания *кёк кюкюреди* «загремел, грянул гром». Еще пример: *ушкок атылды, кзаяла зынгырдадыла* «раздался выстрел (из винтовки), зазвенели скалы».

Изменение голоса характеризуют глаголы *хыр-хыр эт, хырхалан* «хрипеть», *хырха бол* «сипнуть». *Саусуз, хырхыр эте, кючден солуйду* «Больной, хрипя, еле-еле дышит».

Исходный глагол *таууш эт* «звучать» обозначает процесс звучания синкретично, не расчленяя его на составные компоненты, а его фразеологический эквивалент *таууш чыггар* «издать звук» подчеркивает непроизвольность возникновений звука [6, 39].

Группы глаголов звучания делятся на подгруппы, а те, в свою очередь, на микрогруппы.

В первую группу входят глаголы, обозначающие звуки, издаваемые неодушевленными предметами, они подразделяются по типу источников звука на несколько подгрупп. Глаголы предметного звучания объединяются в подгруппу, важную роль в системной организации которой играет принцип иерархичности. Подгруппа глаголов

предметного звучания имеет сложную многоступенчатую структуру, которая определяется иерархией компонентов значений данных глаголов [8, 5].

Глаголы предметного звучания распределяются на микрогруппы, объединяет их общая сема «среда, в результате которой возникает звук», участвуют в этом процессе и семы *назиклик* «высота»; *ауазны кючлюлюгю* «громкость»; *таууш этиуню халы* «характер звучания».

Глаголы, характеризующие звучание растений: *шууулда* «шуметь», «звучать неясно, глухо, однообразно». *Аггач шууулдайды* «лес шумит». *Шууулда* «шелестеть, шуршать, издавать шорох», «издавать легкое шуршание». *Элни аллы кюзлюкле, мыдахланып, шууулдай эдиле, ары-бери чайкзала*. (Байкзулланы Д., Жырла бла таурухла). «Перед селом, печально колыхаясь, шелестели озимые». *Шыбыр-шыбыр эт* «шуршать, издавать шорох, шорохтеть» «издавать глухой звук, шуршание (о листьях кукурузы и т. п.)». *Кзуу чапыракзланы шыбыр-шыбыр этгенлери, нартюхню кзалаугза келип тийгенлери... эшитиледи* (Хубийланы О., Аманат). «Слышно, как шуршат сухие листья и звук падения початков в кучу». *Шыггырда, шыггыр-шыггыр эт* «шуметь, шуршать, издавать легкий глухой звук (о колосьях пшеницы, ячменя, листьях кукурузы)». *Бизге жетген нартюх бахча... ингир аязчыкзны кзэггыуундан шыггырдайды...* («Шуёхлукъ». № 11, 8). «Доставшееся нам кукурузное поле от дуновения вечернего ветра шуршит, шорохтит». *Сары тюзде шыггырдайдыла сабанла, сабыр желде...* (Гуртуланы Б. Шуёхла арасында, 62). «На Сары тюзе при легком ветре шуршат поля. *Шыхырда, шыхыр-шыхыр эт* «шуршать, шорохтеть», «издавать глухой звук» (о соломе, листьях кукурузы и т.п.). *Чапыракзла шыхыр-шыхыр этедиле* «Листья шуршат». *Аяз кечеледе уа нартюхла, кзурггакъ болуп, шыхырдайдыла* (Кзулийланы Къ., Сайлама, 1, 76). «В ветреные ночи высохшая кукуруза шорохтит (издает шорох)». *Шухурда* «шелестеть, издавать шорох (о камышах)». *Кзामीш шухурдайды* «камыш шорохтит». *Шуу-шуу эт, шууулда* «шелестеть, издавать легкий звук, шум, напоминающий произношение долгий «ш-ш». *Терекле шуу-шуу этедиле* «Деревья шелестят». *Шыбыртла, шыбырт эт, шыбырт-шыбырт эт* «шелестеть, шуршать, шорохтеть». *Чапыракзла аякз туюмде шыбыртлайдыла* «Листья шуршат под ногами». *Шыр-шыр эт, шырылда* «шелестеть, шуршать, издавать легкий шум, шелест». *Жел чай-*

кзэгган эки акътерекни бутакълары бир бирге тийсе-
ле, аланы жашил чапыракълары кзалтырайдыла, шыр-
шыр этедиле («Шуехлукъ». № 5, 53). «Когда, колыхаясь
от ветра, ветки двух тополей касаются друг друга, их зе-
леные листья трепещут и шелестят». Шыбыр-шубур эт
«шелестеть, шуршать, издавать шорох, шорохтеть (о ли-
стьях кукурузы, камыше)». Нартюхле шыбыр-шубур эте-
диле «Кукуруза шорохтит». Кзамыш шыбыр-шубур эте-
ди «Камыш шорохтит». Шыхар-шухур эт «шуршать,
шорохтеть (о листьях кукурузы)». Кзургзакъ чапыракъ
ла шыхар-шухур этедиле. (Гуртуланы Б., Жангы талис-
ман, 204). «Сухие листья шуршат». Зыр-зыр эт «произ-
водить шорох, шуршать, шорохтеть, шелестеть (об овсе и
т. п.)». (Зынтхы) зыр-зыр эте, зырылдай, кэм-кэм би-
теди («Овес), зеленый-зеленый, шурша, растет красиво». Шахмырзаланы С., Битимлени билигиз. Ёкюр «гудеть,
звучать длительно, протяжно, издавать низкий звук, гул
(о лесе, камышах и т.п.)». Жел кзаты урады, кзамыш
ёкюреди «Ветер сильно дует, камыш ревет». Шыбырда
«шелестеть, шуршать, шептаться»; Терекни чапыракъла-
ры шыбырдайдыла «Листья дерева шелестят (шепчут-
ся)». (Шаваланы Х., Кюйген тап, 53). Перен. Шыбырда
«шептать, шептаться, щебетать», издавать тихие звуки
(слабый шум, шелест и т.п.)». Агзач тунакы шыбырдай-
дыла «лес глухо шепчет». Хансла тау ёшюнюнде шыбыр-
дайдыла жел бла «На склоне горы травы шепчутся с
ветром». (Къаракетланы Ж., Булутла. 26). Акътерек кеси
кеси бла шыбырдай (турады) «Тополь шепчет сам
себе...» (Бабаланы И., Жетегейле, 120. 120). Перен. Шы-
бырдаш «шептаться», слабо, едва слышно шуметь, шелес-
теть». (Нартюхню) Кзатып башлагган чапыракълары
бир бирлери бла шыбырдашадыла «Начавшиеся сохнуть
листья (кукурузы) щебечут между собой». (Хубийланы О.,
Дерт, 56).

Все глаголы этой микрогруппы обозначают: «изда-
вать глухой звук, легкий шум от движения, трения, со-
прикосновения». Однако от силы воздействия каузатора
звук и шум могут быть более звонкими и шумными.

Все глаголы звучания на -т, -дыр и -ир являются
переходными. Каузаторами переходности являются ве-
тер, буран, живые существа. Например: Жел агзачны
шууулдатады «Ветер заставляет лес шуметь». ...Тау жел
арна сабанны шууулдатады «Горный ветер заставляет
шуршать ячменное поле» (Толгъурланы З., Эрирей, 160).

... Таякъ жангур, терек чапыракъланы шыбырдашып
жауа баилады «Шелестя листьями деревьев, пошел ли-
вень» (Байрамукъланы Х., Къарчаны юйдегиси, 17). Нар-
тюх алгган жашла нартюхню чапыракъларын шыхыр-
датадыла «При уборке кукурузы ребята шуршат листьями
кукурузы». Айыу, хансланы шыбыр-шыбыр этдирип,
кзачды «Медведь убежал, шурша растениями».

Глаголы, характеризующие звучание древесных растений и деревянных предметов

Древесные растения могут издавать звуки при воз-
действии кого-, чего-либо или произвольно. Звучание воз-
никает, когда сгнившее дерево падает, когда ломаются
высохшие ветки, сучья или под тяжестью плодов.

Чыкзырт эт, шыкзырт эт «треснуть, ломаться с трес-
ком», издавать резкий сухой звук». Кече кзуругган гит-
че бутакъны чыкзырт этгени кескин эшитилди «Но-
чью четко слышно, как сучок, треснув, ломается». Чыкзыр-
мукзур эт, чыкзыр-чыкзыр эт «трещать, ломать-
ся с треском, издавать треск». Жерк, чыкзыр-мукзур этип,
ауду «Ольха, затрещав, упала». Чыкзырда «трещать, ло-
маться с треском», «звучать резко, сухо». Кертме терек-
ни бутагзы кёгетлени ауурлугзун кётюралмай, чы-
кзырдап, сынды «Ветка груши, не выдержав тяжести
плодов, затрещала и сломалась».

Звучание деревянных предметов. «Ситуация звуча-
ния предполагает обычно каузатора действия, являющего-
ся причиной звучания тех или иных предметов. Однако
указание на каузатора (одушевленного и неодушевлен-
ного) не всегда входит в значение глагола, чаще оно пре-
ступно-позитивно» [6, 41]. Например: Чыкзырдайдыла
кзаланы эшиклери «Скрипят двери замка» (Жилтинле),
399). Жулдуз эшикни ачханда, ол чыкзырдады «Когда
Жулдуз открыла дверь, она заскрипела». Однако в кара-
чаево-балкарском языке такие случаи встречаются мало.

Чыкзырда, жырылда, жызылда, чырылда, кзыжыл-
да, гзыжылда, кзарс-кзарс эт, кзыж-гзыж эт, дыр-жыр
эт «скрипеть», «визжать», зынгырда «скрипеть», «изда-
вать резкий звук» (при трении, сжатии и т. п.) (о скамье,
поле, деревянной кровати, мате, топчане и т. п.). Унду-
рукъ чыкзырдайды «Кровать скрипит». Арба чархла
чыкзырдайдыла «Колеса телеги скрипят». Учхан чибин
таууш эшитилдирча тынч тургган зал кзозггалып, шин-

тикле чыкгырдадыла «Люди в зале сидели тихо, можно было слышать полет мухи, но когда они поднялись, заскрипели стулья» (Хапчаланы М., Мени насыбым, 53). *Ибирахим бла Халиймат селеше тургъанлай, эшик, чырылдап, ачылды* «Когда Ибирахим и Халиймат беседовали, открылась, скрипя, дверь» (Гуртуланы Б., Жангы талисман, 141). *Орундукъ жырылдайды* «Кровать скрипит». ...*Къолдан чыгып, арбаларыбыз жыр-жыр эте, Покун Сырт таба сюркелебиз* «Выехав из ущелья, мы движемся по направлению Покун Сырт, телега наша скрипит» (Чотчаланы М., Эм таза кёкню тьюбюнде. 6). *Баргъаныбыз тохтамайды. Мен ол затны арба чархланы жырылдагъанлары бла тышдан секиргенинден силкинген арыш Чомачаны жызылдагъанындан билеме* «Наша поездка продолжается. Я это знаю по тому, как скрипят и подскакивают на камнях колеса телеги, как она качается, скрипит штырь дышла» (Чотчаланы М., Эм таза кёкню тьюбюнде. 6). *Эшик кыжылдайды* «Дверь скрипит» и т. п.

Каузативные формы выражают значение «скрипеть чем», «заставлять издавать звук». Здесь наличествует объект действия. Субъект может присутствовать или отсутствовать. Он может быть представлен в значении глагола. *Олтуруп, ундурукъну чыкгырдат* «Сев, заставить кровать скрипеть». *Эшикни жырылдап* «Скрипеть дверь». *Жел калитканы жызылдап* «Ветер скрипит калиткой». *Асхат ары-бери жюрюйдю, паркетни жыр-жыр этдирип* «Асхат ходит туда-сюда, скрипя паркетом» и т. п.

Чыкгырда, чыкгарт эт, чыкгар-мукгур эт, чыкгыр-чыкгыр эт, шыкгар-мукгур эт, чыкгар-чукгур эт, чырылда, шыкгырт-шыкгырт эт «трещать, треснуть», «издавать резкий сухой короткий или более длительный звук (о ломающихся предметах)». *Отунчула бирден балта урадыла, кгуу терекле, ауа, чыкгырдайдыла* «Рубщики одновременно рубят, высохшие деревья трещат и падают». («Жюрек жырлайды», 109). *Ушкок атылганлай, ийнек орунну чалысыны, чыкгар-мукгур этип, сынган тауушу чыккды* «После выстрела из ружья послышалось, как, треща, ломался плетень коровника». (Тёпеланы С., Уучу Заурбек, 67). *Ол заманда кёпюрню бирси жаны чыкгар-чукгур этип, кгулагъындан айырылды* «В это время другая сторона моста затрещала и оторвалась от устоя». (Кацийланы Х., Тамата, 156). *Аякларымы тью-*

бюнде чымартала, чыкгыр-чыкгыр этип, сына эдиле «Под ногами, треща ломался хворост» («Шуёхлукъ». № 13, 47).

В других случаях глаголы звучания также передают значение «трещать», но уже без ломки. *Жазггы март ай келген эди, алай болса да, кече терекле, декабрьдеча, бузлап, чыкгырдай эдиле* «Наступил март, пришла весна, однако, ночью деревья, как в декабре, покрывшись льдом, трещали» (А. П. Чехов, Хапарла, 18).

Глагол *шыкгырт эт* – *шыкгыртла, шыкгыртла, чыкгырт эт, тыкгырт эт, чыркъ де* обозначают однократные действия «треснуть, хрустнуть», «издать резкий или слабый звук». *Агъачны кгар басханды: не аз да шыкгырт этерге онг жокгду* «В лесу выпал снег, поэтому нельзя произвести даже малейший треск или хруст» («Коммунизмге жол»). *Аякъ тьюбюнде бутакъ тыкгырт этди* «Под ногами хрустнула ветка». *Кгуу бутакъ, шыкгыртлап, тюшдю* «Сухая ветка треснула и упала». *Чыркъ деп сынаргга* «Сломаться, треснув».

Каузативные формы: *чыкгырдат, чыкгарт этдир, чыкгар-мукгур этдир, чыкгыр-чыкгыр этдир, шыкгар-мукгур этдир, чыкгар-чукгур этдир, чырылдап, шыкгыр-шыкгыр этдир, шыкгырт этдир, шыкгыртлат, тыкгырт этдир*. Эти формы также употребляются широко... *Боран урады, чыкгырдатып эшиккени* «Дует буря, скрипя дверями» («Жилтинле», 194). *Кийик тонгузла, кгургакъ бутакганы чыкгырдата, кюн бетге ёткюп кетедиле* «Дикие свиньи, треща сухими ветками, уходят на солнечную сторону (ущелья)» («Ленинни байраггы»). *Бираздан, фашистле, терлегенлери барып, (кгоз) терекни, чыкгар-чукгур этдирип, аудурдула* «Через некоторое время фашисты, обливаясь потом, срубили ореховое дерево, которое, затрещав, упало» (Тёпеланы С., Атам урушдан къайтса, 16).

Глаголы звучания, обозначающие звуки, издаваемые сухими или сырыми дровами при горении. Звуки сухих дров, лучин: *чыкгырда, чыкгар-чукгур эт, чырылда* «трещать», «издавать, трещать», «издавать треск, резкий сухой прерывистый звук». *Тыкыр отунла, чыкгыр-чыкгыр этип, жанадыла* «Кленовые дрова горят, треща» («Коммунизмге жол»). *Чырылдап жанады нарат чыракъ да... темир чырахтанда* «Трескаясь, горит сосновая лучина на железном светце» (Этезланы О., Нарт къаланы хапарлары).

Звуки сырых дров: *пысылда, пыс-пыс эт, чысылда, чыс-чыс эт* «шипеть, гореть шипя», «издавать глухой протяжный звук «ш». *Отунла отда пысылдап жанадыла* «Дрова в огне горят шипя». *Суу отунла, чысылдап, пысылдап, иги жанып да жылытмайдыла* «Сырые дрова шипят, горят плохо и не согревают» (Боташланы А., Жашауум, 78). *Отунла, пыс-чыс эте келип, иги жанып башладыла* «Дрова пошипели и начали хорошо гореть». *Тар-тарс эт, тарс-тырс эт* «трещать, стрелять», «издавать резкие отрывистые звуки». *Печьде отунла, чыс-чыс, тарс-тарс эте, жанадыла* «Дрова в печке горят шипя, треща и стреляя». Каузатор действия в данных глаголах имплицитен. Данные глаголы в указанной ситуации не образуют переходные формы на *-т, этдир*.

Глаголы, обозначающие звучание деревянных предметов при движении, падении и т.п. В приводимых примерах, как и в других, могут наличествовать или отсутствовать указания на условия причины возникновения звучания. *Дыггырда, дыггар-дуггур эт, дыггыр-дыггыр эт, дыггар-муггур эт, тыхырда, тыхар-тухур эт, тыхар-мухур эт* «тарахтеть, греметь, громоыхать, грохотать», «производить громкий или глухой шумный, сильный прерывистый звук». *Кзуру чыккыр дыггырдап* «Пустая бочка загрохочет» (Фольклор). *Канкурак тыхырдайды* «Порхлица тарахтит». *Тегене арбадан дыггар-муггур этип тюшдю* «Корыто, падая с арбы, загромоыхало». *Шинтик, аууп, дыггар-дуггур этди* «Стул, падая, загрохотал». *Бурууну гитче эшигини кзадауу тыхырдады* «Засов калитки забора загремел» (Гуртуланы Б., Жангы талисман, 342).

Шуулда «лететь с шумом, свистом», «издавать шум, свист». *Таякз шуулдап барып, итге тийди*. «Палка полетела, шумя (свистя), и попала в собаку». *Дуулда, зуулда, зуу-зуу эт, гуулда, гуу-гуу эт* «гудеть», «издавать гудящий длительный однотонный звук» (о юле, волчке). *Хайнух дуулдайды (зуулдайды, гуулдайды, гуу-гуу этеди)* «Юла гудит». *Шыхырда* «брякать, тарахтеть, греметь», «производить шум, нестройный, обычно громкий или глухой звук». *Гяпчини аггач сауутлары шыхырдайдыла* «У шута (свадебного) тарахтит деревянная посуда, снаряжение». *Кзырылда, кзыр-кзыр эт* «скрипеть», «производить прерывистый звук «кзыр». *Эшик кзыр-кзыр этеди* «Дверь скрипит». *Кзабакз эшик кзырылдайды* «Ворота скрипят».

Каузативные формы. Каузаторами или актуализаторами действия могут быть человек, природные явления и т.п. Звучание может явиться сопутствующим действием. Например, свадебный шут танцует, прыгает, вследствие чего навешанные им на себя посуда и другие предметы начинают ударяться, соприкасаться, тереться и производить, издавать звук. *Ол эшикни дыггырдады* «Он загремел дверью». *Жел терезе кзабакгланы тыкгырдады* «Ветер хлопает (гремит) ставнями окон». *Окгуучула парталаны дыггар-дуггур этдирип, жерлерине олтурадыла* «Ученики, грохоча, расставляют парты на свои места». *Хойнухну дуулдап* «Заставить юлу гудеть».

Глаголы, обозначающие звучание некоторых твердых предметов

Звучание возникает в результате движения, полета, трения, соприкосновения, давления на предмет и т. п. Глаголы звучания здесь представлены синонимическими рядами и одиночными примерами. В них, как и в глаголах, приведенных выше, каузатор действия имплицитен. *Гюююлде, дюююлде* «дрожать, сотрясаться, содрогаться, гудеть» («колебаться, трястись с гулом»). *Юй (жер) гюююлдейди* «Дом (земля) дрожит, сотрясается с гулом». *Дыггырда, хыбыртла, тыхырда* «тарахтеть, громоыхать», «издавать короткий отрывистый звук, ударяясь обо что-либо (о высохшей коже)». *Кзуру гыбыт бек дыггырдап* «Высохший бурдюк сильно загромоыхает» (Нарт сёз). *Гылжа кзошда саламеликден ёлгенди. Териси тыхырдап келди* «Гылжа (корова) на коше пала от сибирской язвы, кожа тарахтя, приехала (привезли)» (Фольклор).

Каузативные формы: *Тракторла юйню гюююлдетип озадыла* «Дом дрожит и гудит от грохота проезжающих мимо тракторов». *Кзатхан гыбытны тыхырдап* «Тарахтеть высохшим бурдюком».

Зуулда, дуулда, шуулда «пролететь с шумом, свистом (о полете с силой брошенного камня, палки, комке глины и т. п.)» *Кзарашауай ... алып бырггагганда, ол гебен чакгылы таш, дуулдап барып, жерге кёмюлюп кгалды* «Когда Карашауай взял камень величиной со стог и бросил, он полетел с шумом, свистом, упал и врылся в землю» («Нартла», 199). *Чомур атхан таш зуулдап барып терезеге тийди* «Камень, брошенный Чомуром, полетел с шумом и разбил окно». *Ит таба таякз шууул-*

дады «В сторону собаки полетела с шумом, свистом палка».

Каузативные формы. *Ташны итге дууулдат* «Швырнуть со свистом камень в собаку». (*Чомур ташны*) *чыракъ жылтырай тургъан терезени марал зууулдатды* «(Чомур) прицелился и с шумом швырнул камень в освещенное лампой окно» (Хубийланы О., Дерт, 29). *Харун, топуракъ гулмакны алып, кзарелдиге шууулдатды* «Харун взял ком земли и с шумом швырнул его в силуэт».

Жыгъырда, жыгъар-жугъур эт, зыгъырда «звенеть, брякать, скрежетать, скрипеть», «производить или издавать шум, стук, скрип (о сосульках, альчиках, костях, яйцах и т.п. при трении, стуке, ударе друг с другом)». *Ёгюзлени кзарын тюлеринден салынган буз сюммекле, бир бирине тийип, жыгъырдайдыла* «Сосульки, свисающиеся с низа животов волов, ударяясь друг о друга, звенят, брякают» (Чотчаланы М., Эм таза кёкню тюбюнде, 7). *Гурт тауукъ, жатып, гаккыланы чайкзайды, жыгъар-жугъур этдиреди* «Наседка лежала на яйцах, качала, скрежетала ими, переворачивая».

Каузативные формы. Субъектами действия обычно выступают живые существа. *Ачемез, кзапханына махтанганча, хуржунунда ашыкъланы жыгъырдатады* «Ачемез, будто хвастаясь, что выиграл, скрежещет альчиками в кармане» (Эбизеланы Х., Къанаматны журтунда, 41). *Къызчыкзла суу жагъада ууакъ ташчыкъланы кзош ууучларында жыгъырдатадыла* «Девочки на берегу реки играют, взяв в ладони маленькие камушки, камушки скрежещут в их ладонях».

Шырылда «шуршать», «производить глухой тихий звук от трения, соприкосновения с чем-либо (о сыпучих телах)». (*Антон*) *машокга кззыкълны тийирсе, нартюх бюртюкле, шырылдап, агъзылышадыла* «Когда (Антон) колом ударит мешок, кукурузные зерна, шурша, сыпятся вниз» (Гуртуланы Б., Жангы талисман, 371). *Башын да мугур булгъай, ат аякъларын кюн жылтыхан терен юзmezге ауур тирейди, юзmez да шош шырылдайды* «Уныло качая головой, лошадь тяжело упиралась в согретую солнцем глубокий песок, песок тихо шуршал».

Каузативные формы. Производитель звучания — человек или животное. *Нартюхню машокга шырылдаатып кзуяргъа* «Ссыпать кукурузу в мешок, заставляя шуршать (с шуршанием)». *Юзmezни шырылдап* «Шуршать песком». *Жырылда, жыр-жыр эт, кзыжылда, кзыртла,*

кзарт-кзырт эт «Скрипеть, хрустеть, хряпать», «издавать негромкий трещащий звук (о снеге под ногами, под лыжами, колесами, санями)». *Аякз тюбюнде кзар жырылдайды* «Снег хрустит под моими ногами». *Чана жа-кзгла тюбюнде кзар жыр-жыр этеди* «Снег скрипит под полозьями саней».

Каузативные формы: *жырылдап, жыр-жыр этдир, кзыжылдап, кзыртлат, кзыр-кзыр этдир* «производить негромкий трещащий звук». *Кзарны жырылдаатып барыргъа* «Идти, скрипя снегом». *Ат да, арбаны чархлары да кзарны кзырылдаатып келедиле* «Кони и колеса брички хрустят снегом».

Актуализаторами звукового действия в данном случае могут быть как одушевленные, так и неодушевленные предметы. *Шыхырда, шыгъырда, шыбырда* «шелестеть, шуршать», «издавать шелест, шорох, глухой звук (возникающий при слабом трении, касании предмета о предмет, о страницах книг и газет, бумаге, бумажных деньгах)». *Китаны бетлери шыхырдайдыла* «Страницы книги шуршат» (М. Горький, Ана, 41). *Ахматны кзолунда ахчала шыгъырдайдыла* «У Ахмата в руках шуршат деньги».

Каузативные формы: *шыхырдат, шыгъырдат, шыбырдат*. Производителями звучания выступают человек, ветер и т. п. *Кзагъытчы Сарыбаш улугъа айтылган махтау сёзлени жазып... кзагъыт чапыракъланы бирин бирини ызындан, шыбырдатып, аудурады* (Гуртуланы Э., Мёлекледе къонакъда). «Секретарь записывала хвалебные слова, высказываемые по адресу Сарыбашева... шурша, переворачивала листы». *Алыучу тюменликлени шыгъырдатады* «Покупатель шелестит десятирублевками». *Жел газетни шыхырдатады* «Ветер шелестит газетой». *Чыкзырда, чыкзар-чукзур эт, чыкзар-чыкзыр эт, шыгъыр-шыгъыр эт* «трещать», «образуя трещины, издавать треск (о льде)». *Буз Харунну аякз тюбюнде чыкзырдайды, сынады* «Лед под ногами Харуна трещит и ломается». *Кёлню иги кзатмагъан бузу биз конькийле бла учаргъа киргенде, чыкзыр-чыкзыр этип, кзыланч-мыланч жарылады* «Когда мы пошли на озеро кататься на коньках, лед затрещал, образовались зигзагообразные трещины».

Каузативные формы: *чыкзырдат, чыкзыр-чыкзыр этдир*. Производителем действия обычно являются одушевленные предметы, иногда и неодушевленные. *Асхат,*

бузну чыкгырдата, сууну ары жаңына ётдю «Асхат, трещая льдом, перешел на другой берег реки». *Таш бузну чыкгырда тып, аны сынган жеринден батып кетди* «Лед затрепал, образовалась трещина, камень попал в нее и погрузился на дно». *Тыкгырда, таркз-таркз эт* «стучать, издавать стук», «производить отрывистые резкие звуки, шум при ударе предмета о предмет (о каблуках, копытах)». *Чурукглары тыкгырдагганлары тохтап, шинтикни жырылдагганы эшитилди* «Перестали стучать каблуки, послышался скрип стула». *Атлары тукжлары таркз-таркз этип барадыла* «Кони идут, стуча, тукая копытами». *Шыхырда, тыхар-тухур эт, жыггар-жуггур эт, жыггырда* «Скрежетать, ударяясь друг о друга или о другой предмет, издавать или производить звуки «тыхар», «тыхар-мухур», «жыггар-жуггур» (о гравии, падающих камнях, об скальных обвалах, об обвале яра)». *Кимни эсе да ауур атламларыны тубюнде ууакз ташла шыхырдайдыла* «Под чьими-то тяжелыми шагами скрежещут мелкие камни» (Этезланы О., Къаяла шугмагъандыла). *Жаяу жолчукдан аягым тийип тёнгереген ташла, тыхар-тухур, жыггар-жуггур эте, кгарангы кзолгга ташайдыла* «С тропинки камни, которые я задел ногой, скатились стучаясь, шумя и грохоча в темное ущелье» («Коммунизмге жол»).

Актуализаторами действия могут быть одушевленные и неодушевленные предметы. *Ташлары жыггыр-жыггыр этдир* «Скрежетать камнями». *Тюшген таш башхаларын да тыхар-тухур этдирип барады* «Сорвавшийся камень, ударяясь о другие, катит их, заставляя производить звук тыхар-тухур».

Звучание обуви: *жырылда, жыр-жыр эт* «скрипеть», «производить скрип». *Чурукгала жырылдайдыла* «Ботинки скрипят». *Сафар орам бла озса, башлы чурукглары жыр-жыр этедиле...* «Когда Сафар проходит по улице, его сапоги скрипят» (Толгъурланы З., Эрирей).

Каузативная форма. *Башлы чурукгларынгы жыр-жыр этдир* «Скрипеть сапогами».

Звучание шерсти некоторых животных, наэлектризованной одежды. *Жырылда, чырылда* «трещать», «издавать резкие повторяющиеся звуки». *Киштикни (атны) туклери жырылдайдыла* «Шерсть кошки (лошади) трещит». *Кёлегим, теше туруп, чырылдады* «Сорочка, когда снимал, затрепала».

Каузативные формы. В первом и во втором случаях побудителем звучания является человек: звук появляется в результате глажения, проведения (трения) рукой по шерсти или при снятии, встряхивании одежды. *Киштикни туклери чырылда* «Трещать шерстью кошки». *Кёлекни чырылда* «Снимая, заставить трещать сорочку».

Звучание платья, платка, сшитого из шелка и подобного материала. *Шуулда, шуу-шуу эт* «шуршать», «производить глухой, обычно тихий звук от трения с чем-либо». *Жулдузну дарий жыйрыггы суюмлю шуулдайды* «Шелковое платье Жулдуза приятно шуршит». *Келини жыйрыггы шуу-шуу этеди* «Платье снохи шуршит». Понудительная форма *Шуулдат, шуу-шуу этдир*. *Зайнеп, Салимгерийни аллында пай чепкенин шуулдата, кукаланады* «Зайнеп, шурша перед Салимгерием фавым платьем, кокетничает» (Байрамукъланы Х., Чолпан).

Звучание мельничного жернова. *Дыггырда, дыггар-дуггур эт, гзурулда, ггур-ггур эт* «греметь, грохотать» и производить глухие громкие звуки при движении». *Тирмен ташла дыггар-дуггур этедиле* «Грохочет жернов мельницы».

Понудительные формы в данном случае не употребляются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ишмухаметов З. К. Звукоподражательные слова в башкирском языке. Автореф. канд. дисс. Уфа, 1970.
2. Ростти А. Заметки об употреблении омонотопей. Вопросы языкознания, 1962. № 3. С. 91-92.
3. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (глагол). Л., 1981.
4. Мухитдинова Х. С. Глаголы звучания в узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1979.
5. Васильев Л. М. Семантика русского глагола, глаголы речи, звучания и поведения. Учебное пособие. Уфа, 1981.
6. Третьякова В. С. Звукоподражательные слова в русском языке. Автореф. канд. дисс. 1985.
7. Сидорова Н. П. Системная организация лексико-семантической группы глаголов звучания и их взаимосвязи с другими глагольными группами. Автореф. канд. дисс. М., 1978.
8. Карунц Р. Б. Семантическая группа звучания в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1975.

9. Горбаневская Г. В. Семантическое поле звучания в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1985.

10. Щелякин М. А. Наблюдения над лексико-грамматическими особенностями глаголов звучания в русском языке. НДВШ, Филологические науки, 1962. № 4. С. 48–52.

11. Сергеева Т. Д. Вопросы семантической типологии глагольной лексики. Барнаул, Алт. ГУ, 1984. С. 81.

12. Джафарова С. М.-К. Подражательные слова в современных тюркских языках. Автореф. канд. дисс. Баку, 1973.

13. Худайкулиев М. Подражательные слова в туркменском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1959.

14. Глухарева Е. А. К вопросу о структурно-семантической группе немецких ономотопеев (глаголы и междометия) // Глагол в современном немецком языке. Сборник научных трудов (межвузовский). Тула, ТГПИ, 1982. С. 74–80.

15. Лапкина Л. З. К типологии инстантов в английском и башкирском языках // Семантические и прагматические аспекты анализа основных языковых единиц. Барнаул, 1982. С. 45–67.

16. Кузнецова О. Д. О двух значениях глаголов звучания в толковом словаре русского языка. Лексикографический сборник. М., 1958. Вып. III. С. 97–102.

17. Зайончковский А. К. К вопросу о структуре корня в тюркских языках // Вопросы языкознания, 1961. № 2.

18. Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.

19. Кайдаров А. Т. Структура односложных корней и основ в казахском. Алма-Ата, 1986.

20. Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962.

21. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М., ВШ, 1981.

А. А. ЖАППУЕВ

ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ-ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Глаголы движения-перемещения в тюркологии предметом специального исследования стали в шестидесятые годы. Раньше они рассматривались в связи с изучением семантико-синтаксических значений падежей [1, 17–18; 2, 68; 3, 198], обстоятельственных наречий [3, 296], послелогов [3, 338, 339], словообразования глаголов движения [4, 83] и т. п.

Более конкретно анализируются данные глаголы в трудах Н. К. Дмитриева [5, 21–22, 5а, 161–169, 56, 596].

Он отмечал, что глаголы движения передают весьма важные процессы действительности и занимают видное место в смысловой стороне языка [5а, 21]. По семантическим особенностям и характеру движения Н. К. Дмитриев глаголы движения делил на две группы: глаголы, обозначающие направление движения, и глаголы, обозначающие способ движения [5в, 596]. Изучению глаголов движения в тюркских языках посвящена статья Э. Р. Тенишева [6, 232–293]. Автор в статье рассматривает «глаголы только собственно или преимущественно движения» [6, 233], делит их на две группы: глаголы движения общего значения и частного значения. Глаголы, приведенные в работе, в основном являются общетюркскими.

Проблема исследования глаголов движения-перемещения в отдельных тюркских языках долго оставалась не затронутой. Впервые этому вопросу уделила внимание В. Ф. Вещилова, ее кандидатская диссертация посвящена описанию глаголов движения турецкого языка (7). Этой же теме посвящена ее статья [7а, 101–114]. И в диссертации, и в статье изучаются морфологическое строение, грамматические особенности, лексическое значение глаголов движения турецкого языка. Таким образом, началось исследование лексической (глагольной) семантики, семантики групп глаголов тюркских языков в разных республиках, например, в Узбекистане (8). Опираясь на опыт русских и зарубежных лингвистов, в тюркских республиках стали изучать семантику лексики различных частей речи, особенно глагольной лексики. Что же касается лексики карачаево-балкарского языка, то она еще системно не изучена, в том числе ее семантика.

Движение как философское, так и лингвистическое понятие имеет широкое значение. В философии движение определяется как способ существования материи, важнейший ее атрибут; в самом общем виде движение — «изменение вообще» [9, 563], всякое взаимодействие материальных объектов [10, 1719]. В лингвистике движение определяется как способ изменения положения предмета или его частей, перемещение.

Движение материи многообразно по своим проявлениям и существует в различных формах. Формы движения связаны с различением неорганической материи, биологической и социальных сфер жизни.

Движение происходит в пространстве и времени, которые, как установила теория относительности, суть лишь

«относительные стороны» единой формы существования материи-пространства-времени [10, 1720]. Лингвистическое понятие о движении конкретизируется при изучении глаголов движения: понятие берется в конкретно-номинативном значении, которое отражает движение субъекта в пространстве и времени.

Во втором издании БСЭ говорится, что механическое движение в той или иной форме присуще всем телам [11, 441]. В связи с этим лингвисты рассматривают движение живых существ и неодушевленных предметов как механическое. В третьем издании движение человека и животных разграничивается от механического и рассматривается отдельно, «под механическим движением понимается изменение с течением времени взаимного положения тел или их частиц в пространстве (движение небесных тел, колебания земной коры, воздуха и морского течения, тепловое движение молекул и т. п.), а в технике — движение различных летательных аппаратов и транспортных средств, частей всевозможных двигателей, машин и механизмов, ... движение жидкостей и газов и т. п. [12, 541].

Глаголы движения-перемещения карачаево-балкарского языка описываются в такой последовательности, как сказано выше.

Неодушевленные предметы не способны к самостоятельному движению. Движение предметов неживой природы совершается под воздействием человека и под влиянием сил природы: ветра, текущей воды, сил притяжения и т.п. «В сознании человека нашли свое отражение такие формы движения, которые связаны с тремя наиболее обычными для него и окружающего его мира средами: с поверхностью земли, с водой и воздухом» и т.п. [13, 33]. То же самое отмечают и другие лингвисты [14, 12; 6, 271-278 и др.]. Указанные формы движения находят свое отражение в лексико-семантической группе глаголов движения-перемещения.

Лексико-семантические группы выделяются на основе определенных принципов. Л. М. Васильев пишет, что выделение ЛСГ «опирается на интуицию говорящих (в частности, на интуицию исследователя), на их знания о реальной действительности, т.е. в конечном итоге на экстралингвистические факторы» [19, 39]. Другие не столь категоричны и указывают на соотносительность экстралингвистического и лингвистического в значении слова

[15, 75; 16, 64; 17, 54; 18, 14, 29 и др.]. При классификации лексико-семантической группы глаголов Л. М. Васильев использует три принципа: 1) денотативный (или тематический); 2) парадигматический и 3) синтагматический [19, 39]. Другие исследователи в большинстве случаев используют парадигматический и синтагматический принципы [17, 54; 15, 72; 20, 5; 21, 5; 22, 4 и др.]. Третьи выдвигают принцип выделения лексико-семантической группы на основе сходства значения слов [18, 50].

В. Л. Ибрагимова пишет, что лексико-семантическая группа глаголов движения выделяется из класса глаголов на основе инвариантного лексико-семантического признака *кенгликде тургъан жерин тюрлендириу* «изменение местоположения в пространстве», а также абстрактных семантических категориальных признаков *жюрюуню* (*барыуну д. а. к.*) *саулай халы* «общий характер движения», *жюрюуню* (*барыуну д. а. к.*) *амалы* «способ передвижения-перемещения», *жюрюу* (*барыу д. а. к.*) *жер* «среда передвижения-перемещения», *жюрюуню* (*барыуну д. а. к.*) *табасы* «направление движения-перемещения» и др. Эти лексико-семантические признаки отмечают все исследователи данной группы (класса) [например, 13, 33; 56, 596; 7, 110; 15, 156-165, 7а; 110-114 и др.]. Приведенные абстрактные семантические категории отражают определенные аспекты реальной ситуации. Они выделяются путем сопоставления значений всех элементов группы и при анализе их дистрибуции [13, 33-34].

При практическом употреблении глаголов абстрактные семантические категории конкретизируются. Лингвисты указывают, что они выступают по отношению к конкретным семам как «сверхсемы» или «архисемы». В. Гак, анализируя глагол «приходить», пишет, что префикс прирепрезентирует сему «приближение» (семантическая категория — направление движения), корневая морфема — ход-сему «пешком» (семантическая категория — способ перемещения), которые отражают соответствующие аспекты данного процесса. По отношению к семе семантическая категория выступает как «сверхсема» или «архисема». Архисемы (абстрактные семантические семы) как родовые понятия к видовым, представляют собой узловые пункты классификации и дифференциации группы [23, 370-71], по которым глаголы движения выступают в различные оппозиции и образуют в пределах группы, подгруппы, микрогруппы различной степени сложности

и иерархизованности [13, 34]. Архисемы или абстрактные семантические категории формируют лексико-семантическую структуру группы, в частности, и глаголов движения-перемещения [13, 34; 15, 55; 24, 4 и др.].

Абстрактная семантическая категория жюрюуню (*барыуну*) халы «характер движения» конкретизируется в значениях глаголов *кзымылда*, *чайкгал* «колебаться», *айлан*, *бурул* «вращаться», *жюрю*, *бар* «идти, ходить, передвигаться, двигаться».

Абстрактная семантическая категория более низкого уровня жюрюуню (*барыуну*) амалы «способ передвижения» конкретизируется в значениях глаголов *бар*, *жюрю*, *айлан* «ходить» (в семе «самостоятельно, с помощью ног»), *уч* «летать» (в семе «перемещаться самостоятельно, по воздуху с помощью крыльев»), *жюз* «плыть» (в семе «самостоятельно передвигаться по поверхности или в глубине воды с помощью рук и ног»), *бар*, *кел* и т. п. «ехать» (в семе «передвигаться по суше, воде при помощи средств передвижения»). Эти глаголы одновременно указывают на среду движения.

В карачаево-балкарском языке отсутствуют слова, адекватно передающие значение русских глаголов «передвигаться», «двигаться». Эти глаголы обозначают движение в любом направлении, например, движение от субъекта, объекта и наоборот. В карачаево-балкарском языке эти движения обозначаются дифференцированно. Движение от субъекта и объекта обозначают одни глаголы (например, *бар*, *кет* и т. п.), движение к субъекту или к объекту обозначают другие глаголы (например, *кел*, *кгайт* и т. п.). Правда, в карачаево-балкарском языке есть глаголы со значением неоднаправленного передвижения (например, *айлан*, *жюрю*, *сюркел* и т. п.), но они, как сказано выше, неполностью соответствуют по объему значений указанным русским глаголам. Приведем примеры по конкретизации семантических категорий. *Кзымылдагзан таудан ауар* «Кто движется, тот перевалит через гору». Здесь *кзымылда* (двигаться) уточняется путем заполнения зависимых позиций при глаголе *кзымылда*. *Жашчыкз кзымылдайды* «Мальчик шевелится». В первом случае речь идет о поступательном движении, во втором – о непоступательном. *Жашчыкз юйге барады* «Мальчик идет домой». В значении глагола есть категориальная сема «перемещение». От нее зависят, ее уточняют дифференциальные семы «с помо-

щью ног», «по твердой поверхности», «поступательно». В *жашчыкз кзымылдайды* конкретизируется сема «двигаться» и сема «на одном месте». Дифференциальные семы в семантике эксплицируются, но они имплицитно представлены в ней и могут обнаруживаться при взаимодействии наименований [23, 371].

Работы большинства исследователей глаголов движения-перемещения в различных языках посвящены изучению отдельных подгрупп глаголов движения. Одни лингвисты описывают только глаголы поступательного движения, указывая на характер, направленность (ненаправленность), способ, среду, на самостоятельность (несамостоятельность) перемещения субъекта и т.п. Например, Н. К. Дмитриев (56, 596), Э. Р. Тенишев (6, 232–293), В. Ф. Вещилова (7, 101–114), К. Халиков (8, 3–9), З. У. Блягоз (14, 8–14), П. Ф. Монахов (17, 62–66), В. Г. Гак (18, 155–168), А. М. Хамидуллина (21, 6–14), Л. М. Хачеросова (22, 4–11), Ю. М. Гордеев (24, 6–19), Е. И. Булгак (25, 40–46), С. М. Афифи (5–11), Н. Д. Гарипова, Д. М. Хасанова (27, 27–32), М. Кумари (27, 4–9), С. А. Абиғалиев (29, 91–93) и др. Другие изучают не только глаголы поступательного движения-перемещения, но и непоступательного движения – глаголы колебательного и вращательного движения. Н. Н. Сергеева в 3-й главе диссертации описывает глаголы колебательного, вращательного и беспорядочного движения, хотя тема диссертации посвящена глаголам горизонтального движения-перемещения [30, 3–12]. Наиболее полно освещаются вопросы глаголов поступательного, колебательного, вращательного, беспорядочного движения в диссертации и других работах В. Л. Ибрагимовой. Она описала глаголы, обозначающие поступательное движение по твердой поверхности, без помощи транспортного средства, перемещение с помощью транспортных средств, перемещение волоком, передвижение в жидкой среде, по воздуху, колебательное и вращательное движение, беспорядочное движение. В таком плане изучены глаголы движения и в балкарском языке [50].

Рассмотрим, как дифференцируется лексико-семантическая группа глаголов движения-перемещения на основе абстрактных семантических категорий.

На первом уровне дифференциации лексико-семантическая группа движения-перемещения членится на основе абстрактной категориальной семы «характер дви-

жения», образуя в этом узле три основные группы [13, 34]: глаголы поступательного, колебательного и вращательного движения. Остальные абстрактные семантические категории («без помощи транспортного средства», «способ передвижения», «с помощью транспортного средства») лежат в основе глаголов поступательного движения. Этот класс охватывает большинство единиц группы. Семантическая категория «способ передвижения» конкретизируется в значениях глаголов, обозначающих передвижение с помощью транспортных средств. Эти глаголы образуют подгруппу с ядерными членами *бар*, *кел*, *кет*, *жюрю*, *айлан* со значением «ехать», «ездить». По семантической категории *барыуну* (*жюрюуну*) *саулай табасы* «общая направленность передвижения» глаголы поступательного движения-перемещения делятся на две подгруппы: с общим значением однонаправленного передвижения (например, *бар*₁ «идти», *бар*₂ «ехать», *жюз* «плыть») и неоднаправленного передвижения (например, *айлан*₁ «ходить», *жюрю*₂ «ходить», *бар*₂ «ходить», *бар*₃ «ездить» и т. п.).

По семантической категории *барыу* (*жюрюу*) *жер* «среда перемещения» глаголы движения-перемещения дифференцируются и образуют четыре группы со значениями перемещения по суше или по твердой поверхности, в жидкой среде (по воде), по воздуху и со значением передвижения жидкостей, газов, которое не связано с определенной средой. Глаголы колебательного движения дифференцируются по категориальной семе *барыуну* (*жюрюуну*) *халы* «характер движения». Глаголы колебательного движения делятся на две группы: на глаголы беспорядочного и на глаголы мерного, однообразного движения. Не дифференцируются только глаголы вращательного движения.

Общая характеристика лексико-семантической группы глаголов движения показывает, что она имеет сложную, многослойную и иерархизированную структуру. Такой структурой обладают большинство подгрупп глаголов движения. Следовательно, кроме идентифицирующей, ядерной семы, общей для всех членов лексико-семантической группы, имеются ядерные семы в подгруппах. Ядерные, периферийные члены группы глаголов движения находятся в привативной оппозиции с ядерными и в эквиполентной оппозиции с другими периферийными членами.

В основе противопоставления семам лежат периферийные дифференциальные семы. «Чем больше в значении слова дифференциальных сем, тем дальше расположено оно от центра поля и тем многообразнее его системные связи с другими элементами словаря» [31, 20]. Кроме того, периферия лексико-семантической группы, включающая в себя подавляющее большинство ее единиц, имеющих много дифференциальных сем в значениях, для которой – информативная насыщенность значения, нередко сочетающаяся, характерна экспрессивной и стилистической коннотации [36, 6].

Большинство глаголов движения являются непереходными. Таковыми являются глаголы типа *айлан* «ходить», *бар* «идти», *кел* «приходить» *кзайт* «возвращаться», *кет* «уходить», *кир* «входить», *чыкз* «выходить», *сюркел* «ползти» и т. п. Имеются глаголы, в значении которых есть сема «каузировать»: *элт* «нести», *ий* «посылать», *ал* «взять с собой», *сыз* «кидать», *ат* «бросать», *ташы* «возить» и т. п. Однако в карачаево-балкарском языке в большинстве случаев каузативность вносится аффиксами понудительности, например: *кетер* «заставить уйти», *келтир* «принести», *чыггар* «выносить», *чапдыр* «заставить бежать», *киргиз* «ввести» и т. п. Каузативные отношения могут выражаться формами простых глаголов в предложениях, где присутствуют наречия, указывающие на направление движения. *Арлакз бар* «Отойди чуть подальше». «*Жашым, бери кел*», – *деди анасы*. «Сынок, иди сюда», – сказала мать. Каузативные отношения могут выражаться и неопределенной формой глагола: *Аны мындан кетерирге керекди* «Надо его заставить уйти отсюда». Некоторые каузативные глаголы могут использоваться для скрытого выражения каузативной ситуации, так как в их семантике содержится указание на отношение каузации и на каузируемое действие. Возможно указание и на каузирующее средство. *Мен атны суу ичирирге элтеме* «Я веду коня на водопой». Глагол *элт* здесь имеет значение «заставить идти», указывает на каузацию «заставить» и на каузируемое действие «вести». Примером, указывающим на каузируемое средство может *Ол топну нёгерне атды* «Он бросил мяч своему другу». В глаголе *ат* тоже есть указание на отношение каузации «заставлять», на каузируемое действие «лететь». Кроме того, есть указание на средство каузации – «резким движением руки». Как видно, каузативное отноше-

ние может быть выражено различными способами и приемами.

Некоторые каузативные глаголы движения обозначают одновременное перемещение как каузируемого, так и каузирующего субъекта. Некоторые из этих глаголов приведены выше, к ним можно добавить глаголы *суйре* «тащить», *тарт* «тянуть», *ашыр* «проводить», *сюр* «гнать» и др. В связи с этим многие из этих глаголов имеют значение номинативности. В предложениях с этими глаголами имеется актанта актуализирующий действие-перемещение каузирующего субъекта. «Все элементы каузативной ситуации, обозначаемой этими глаголами, адекватным образом можно эксплицировать в менее идиоматичных конструкциях» [13, 37], например: *Анасы жашын юге элтеди* «Мать ведет сына домой» — *Анасы юге барады, жашын да элтеди* «Мать идет домой и заставляет идти сына (с собой)» [13, 37; 37, 63, 21, 22].

В глаголах движения имеется два вида каузации. В первом случае лексическое значение выражает непосредственное побуждение к действию, то есть первоисточником движения является каузирующий субъект: *ат* «бросить», *сюр* «гнать», *кзыста* «прогнать», *ташы* «возить», *элт* «нести», «вести» и т. п. В значениях же глаголов типа *жибер* «впустить», *тюшюр* «ронять», *ий* «выпустить», *жол бер* «пропустить» и других первоисточником движения является сам каузативный субъект, а каузирующий субъект может разрешать или препятствовать движению каузируемого субъекта.

Говоря о соотношении между каузативными и некаузативными глаголами, В. Л. Ибрагимова пишет, что они могут быть одно-однозначными и неодно-однозначными. В первом случае один каузатив соответствует одному некаузативу, например: *кётюр* «поднимать» — *кётюрюл* «подниматься» (гомогенная каузация), во втором — (*элт*, *келтир* «вести» — *бар*, *кел* «идти») один каузатив соответствует нескольким некаузативам (гетерогенная каузация) [13, 38].

Глаголам движения-перемещения характерны синонимические и антонимические отношения. Например, *бар* «идти», *атла* «шагать», *допулда* «топать», *суггул* «переть»; *сюркел* «брести», *ауа-сауа бар* «плестись», (*кючден*) *жюрю* «тащиться», *созул* «тянуться», *ат* «бросить», *сыз* «кинуть», *быргза* «запустить».

Антонимические отношения: *бар* «идти» — *кел* «прийти»; *кет* «уйти» — *кел* «прийти»; *бар* «идти» — *кзайт* «возвратиться»; *кир* «входить» — *чыкз* «выходить»; *ёрле* «подниматься, лезть (вверх)» — *тюш* «спускаться» и т. п. Отношения между синонимами представляют собой приравнительную оппозицию, так как их значения полностью не тождественны. Отношения же между антонимами являются эквиоплетными.

Синтагматические особенности глаголов движения-перемещения

Синтагматическое структурное значение характеризует линейные отношения лексических единиц, образующих определенную последовательность в их одновременном соотношении друг с другом в тексте. Такую разновидность структурного значения называют валентностью (потенциальной сочетаемостью в языке) или сочетаемостью (в речи). Это одна из важнейших структурных характеристик слова: она фиксирует его типовую сочетаемость с другими словами и дает наглядное представление о совокупности всех окружений (контекстов), в которых употребляется лексическая единица, или о ее дистрибуции [38, 17]. То же самое пишут и другие лингвисты [19, 22; 39, 184–187; 40, 81 и др.].

Сочетаемость лексических единиц регулируется не только синтаксическими правилами, но и законом семантического согласования, в соответствии с которым слова регулярно сочетаются в том случае, если в их значениях есть общие, повторяющиеся семантические элементы [38, 17; 19, 22–23, 28–29; 15, 86–98]. Синтагматические связи одного слова или группы семантически близких слов проявляются в сумме тех реальных контекстов, в которых они употребляются. Проанализировав контекстные окружения слова и обобщив их, можно выявить его типовую сочетаемость, в которой воплощается комплекс его синтагматических характеристик. Типовая сочетаемость слова выявляется в контекстах, где отражаются конкретные виды синтагматической зависимости слов от контекста.

Контекстные факторы Э. В. Кузнецова делит на три вида: морфологический, лексический и синтаксический факторы, подчеркивая, что в основе они являются семантическими. Морфологический фактор проявляется в со-

отнесенности слова с грамматическими значениями контекстных партнеров. Для глаголов различных семантических групп существует типовая сочетаемость как набор определенных, часто встречающихся в контекстах позиций, обязательность которых неодинакова. Например, *мен юйге бичен келтирдим* «Я привез домой сено». Здесь глагол «привезти» требует обязательного двойного управления. Такая сочетаемость характерна обычно переходным глаголам движения.

Лексический фактор проявляется в соотносительности значения слова с семантическими признаками, содержащимися в лексических значениях его партнеров в контексте. Особенность лексического контекста заключается в том, что слова, с которыми сочетается данное слово, ограничены словами определенной семантики. Например: глагол *бар* в значении «ехать» сочетается со словами, обозначающими средства передвижения: *ат* «конь», *эшек* «осел», машина, поезд и т. д.

Синтаксический фактор проявляется в зависимости значения слова от структуры предложения, то есть от функции, которую слово выполняет в этой структуре. Такая функция имеет в конечном итоге семантическую природу, и ее семантика влияет на лексическое значение слова [15, 92–93]. Эти вопросы частично или в какой-то мере полно освещаются в трудах и других авторов [41, 4–23; 42, 158–169; 19, 25–31; 23, 367–395; 20, 4–9; 43, 30–34, 44, 221–228; 45, 20–26].

Разграничение морфологических, лексических и синтаксических факторов происходит в процессе изучения синтагматических связей, однако, следует учитывать, что контекст всегда имеет единый лексико-грамматический характер, так как в словах грамматические и лексические семы существуют в единстве [15, 93]. Глагол *бар* в значении «идти» выражает значение «передвигаться», «перемещаться, ступая ногами, делая шаги» только сочетаясь с актантом, выраженным существительным, личным местоимением в предложениях типа *Атам гюрбе-жиге барады* «Отец мой идет на кузницу». Для реализации в глаголе *чыкъ* значения «оставить пределы чего-либо» необходимо, чтобы в его контексте присутствовало имя существительное в предложном падеже (морфологический фактор) и его действие «перемещение» (лексический фактор), например: *Къыз юйден чыкъды* «Девушка вышла из дома».

Важнейшим понятием в синтагматике является позиция лексической единицы, т. е. ее положение в тексте по отношению к другим семантически однородным словам, представляющим определенный класс единиц. В каждой позиции слова реализуется то или иное значение. Например, *ий* «послать», «отправить кого-л. куда-л. с поручением, с какой-л. целью». *Тюкеннге ий* «Послать в магазин»; *Жумушха ий* «Послать с каким-либо поручением»; *Окзургга ий* «Послать учиться» и т. п. Имена существительные здесь представлены формой дательного падежа в пространственном значении. В глаголах перемещения в прямом дополнении (как члене предложения) представлена позиция пассивного участника, например: *Жашын школгга элтирге* «Вести сына в школу». *Ийнекни юйге сюрюрге* «Гонять корову домой».

Синтагматические особенности глаголов движения более глубоко и конкретно описывает В. Л. Ибрагимова. Она пишет, что в специальных работах дистрибуция глаголов движения изучалась как бы извне, со стороны текста, а между тем гораздо важнее подойти к ее изучению со стороны семантики глагола, показать обусловленность, предопределенность дистрибуции глаголов их абстрактными категориальными признаками (грамматическими семами). Такое изучение синтагматических особенностей глаголов движения, — пишет В. Л. Ибрагимова, — показывает, что степень обязательности того или иного актанта на уровне формальной грамматики прямо зависит от степени конкретности имеющегося в значении глагола семантических признаков, на которые данный актант ориентирован (45, 10). Далее она приводит три степени зависимости приглагольных позиций: обязательность (облигаторность), факультативность и избыточность [см. также: 19, 24–25, 15, 95–96].

Обязательность необходима, когда глагол нейтрален ко всем проявлениям некоторого денотативного аспекта, отраженного в его семантике в предельно абстрактной семантической категории типа «характер движения», «сфера», «способ» и «общая направленность движения». В таком случае глагол требует обязательной конкретизации данной абстрактной семантической категории в зависимых позициях. Например, денотативный аспект *барьуну (жорюуну) саулай халы* «общий характер движения в значении глагола *бар* «двигаться, идти» отражен в семантической категории «характер движения»,

в силу своей абстрактности должна обязательно конкретизирована в какой-либо зависимой позиции [45, 10 – 11] *Жашчыкз орамда барады* «Мальчик двигается (идет) по дороге».

Факультативность. Если глагол нейтрален лишь к некоторым проявлениям денотативного аспекта, значит семантическая категория, отражающая в значении глагола данный аспект, менее абстрактна и поэтому не требует обязательной конкретизации в контексте. Например, денотативный аспект *барыуну (жюрюуну) амалы* «способ перемещения» в значении глагола *бар* в значении «ехать» отражен в менее абстрактной семантической категории *улоуну болушлугуу бла* «с помощью транспортного средства», которая в случае коммуникативной необходимости может быть конкретизирована в факультативной позиции: *Жашла ишге (арба бла, машина бла) барадыла* «Парни едут на работу (на подводе, машине)». Избыточность имеет место при экспликации в зависимых позициях конкретных сем глагола, например: *Жашчыкз аяклары бла барады* «Мальчик идет ногами». Здесь в словоформе «ногами» (*аяклары бла*) повторяется конкретная сема, имплицированная в значении глагола идти «перемещаться с помощью ног» [45, 11].

Глаголы движения-перемещения обладают различной валентностью (сочетаемостью). Например, глагол *кзакз* в значении «дуть» сочетается только со словом «ветер» и одновалентен: *Сериуон желчик кзакзды* «Подул свежий ветерок». *Жашчыкз школгга барады* «Мальчик идет в школу». Глагол *бар* здесь двухвалентен. При уточнении направления, средств передвижения или среды число валентности глагола увеличивается, например: *Ишчиле ишге автобус бла барадыла* «Рабочие на работу едут автобусом».

Глаголы движения-перемещения в карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, делятся на три группы: 1) глаголы с семантикой неоднонаправленного движения (*айлан* «ходить», *жюрю* «ходить», «перемещаться», *уч* «летать», *сюркел* «ползти»); 2) глаголы, семантика которых отражает ориентированное движение от субъекта или к субъекту *бар* «идти», «ехать»; «лететь» и т. п.; *кзайт* «возвращаться», «приезжать (обратно)»; *кет* «уходить», «уезжать»; *кел* «приходить», «приезжать»; 3) глаголы, обозначающие способ движения (*уч* «летать», *жюз* «плавать», *акз* «течь», *сюркел* «ползти»).

Направление движения, среда передвижения, способ передвижения выражаются различными средствами: пространственными падежами, сочетанием глагола в деепричастной форме с другим глаголом, с помощью вспомогательных глаголов, наречиями с пространственными, временными и другими значениями, послелогоми, послесловно-именными словами. Как видно, направление движения в карачаево-балкарском языке выражается лексическими средствами.

Приведем примеры. Исходный падеж обозначает субъект или объект, служащий отправным пунктом для кого-чего-нибудь куда-либо, т.е. выражает направление движения от субъекта или объекта к нам, к говорящему. *Бу жашчыкз бери Малкзардан келгенди* «Этот мальчик приехал сюда из Балкарии» (Гулайланы Б., Къачхынчы, 18). *Мен Азиретден келеме* «Я иду от Азирета». Если движение пересекает предмет в каком-либо месте, то глаголы также управляют исходным падежом: *Ол жашчыкзны кёпюрден ётдюле* «Он провел мальчика через мост». *Ала жолдан ётдюле* «Они перешли (через) дорогу». Глаголы движения, обозначающие спуск с кого-чего-либо куда-либо, падение кого-либо с чего-либо также управляют исходным падежом: *Ол атдан тюшдю* «Он слез с коня». *Сабий тапчандан жыгзылды* «Ребенок упал с топчана». Глаголы типа *жибер, ий* «посылать, отправлять что-либо через кого-либо» тоже управляют данным падежом: *Санга ол китапны Ахматдан ийгенме* «Я эту книгу послал через Ахмата».

Глаголы движения сочетаются и управляют винительным падежом в пространственном значении. Глаголы, которые сочетаются с винительным падежом, являются переходными. При сочетании с винительным падежом глаголы движения могут обозначать действие, которое охватывает весь предмет или часть его, они могут выражать и конкретные действия. Например: *Биз дуппурну башына чыкз-дыкз* «Мы поднялись на вершину холма». *Ол битеу базарны айланып чыкзды* «Он обошел весь базар». Частичный охват предмета: *Сабийле аггач ичинде бара эдиле, бир кесек безирей эдиле, кюле эдиле* «Дети шли по лесу, шутили и смеялись» («Шуёхлукъ». № 47, 78). В следующих примерах выражаются конкретные действия: 1) когда глагол сочетается с именем собственным: *Ахматны атланы тюплерине атдыла* «Ахмата бросили под ноги лошадей» (Этезланы О., Тарда); 2) когда гла-

гол сочетается со словами с притяжательными аффиксами: *Къасболат сюрююн къууалап кетди* «Касболат ушел, погнав свое стадо» (Шахмырзаланы С., Танг аласында); 3) когда глагол сочетается с удвоенным (парным) словом с аффиксом винительного падежа: *Жер-жерлени кзыдырдым, эл-эллени кёрдюм* «Много я ездил и много сел видел» (Шахмырзаланы С., Назмула); 4) когда глагол сочетается с нарицательным именем без каких-либо определяющих слов и аффиксов принадлежности, конкретизирующих объект, субъект, когда речь идет о хорошо известном (говорящему и слушающему) предмете. Такой предмет логически подчеркивается: *Челекни келтирдим* «Я принес ведро».

Глаголы движения управляют и местным падежом, сочетаются с его формами, указывающими место передвижения, то есть в пределах какого-либо объекта: *Халкъ жюрюйдю кенг орамда, жасанып, салкъын май ингирни хауасын тогъуйду* «Народ ходит по улице, нарядившись, вдыхая вечерний воздух мая» («Жанкъылыч», 69). *Жай элде айланып, кесине бир нёгер табып келди* «Парень обошел село, нашел себе партнера и вернулся» (Фольклор).

Сочетаясь с дательным (направительным) падежом, глаголы движения обозначают направление движения. Например: *Сабийле школгъа барадыла* «Дети идут в школу». *Элге барып, бир хапар билип келейим* — деп, *Башир юйге кетди* «Поеду в село, узнаю какие там новости и вернусь», — сказал Башир и уехал («Коммунизмге жол», 1970). Направительный падеж используется и для выражения времени и направления: *Ол ингирде келди* «Он пришел вечером». Дательный падеж инфинитива, зависящего от глагола движения, имеет значение обстоятельства цели. Например: *Бир кюн элни кызылары, келип, байны кызын да алып, нанькъ жыяргъа барадыла* «Однажды девушки села пришли к баю, взяли его дочь и отправились собирать малину» (Фольклор). *Мен сени кёрюрге келгенме* «Я пришел, чтобы повидать тебя».

Глаголы движения управляют именами, которые употребляются с послелогоми. По этому поводу А. Н. Кононов писал, что послеложное дополнение отражает действие глагола на объект через посредство послелога (3, 406). Глаголы движения-перемещения, сочетаясь с именем, причастием на *-гган* и послелогом *бла* обозначают следующие

действия: 1) номинативность действия: *Кызычыкъ нёгерлери бла суу алыргъа барады* «Девочка с подругами идет за водой»; 2) имеет инструментальное значение, то есть указывает на средства движения, при помощи которых совершается передвижение: *Къарындашым ат бла келди* «Мой брат приехал на коне»; 3) обозначает одновременность или безынтервальность действия: *Аны эшитген бла, Жабалакъ аманны кебинден ёрге кётюрюлдю, тентирей кетип, жыгъылды* «Услышав это, Жабалакъ с трудом поднялся на ноги, зашатался и упал» (Гуртуланы Б., Жангы талисман, 264); 4) обозначает пространственные отношения, направления движения: *Абирекле уа, атларына да минип, суу боюну агъач ичи бла ёзен элле таба кетдиле* «Абреки, сев на коней, поехали по лесу вдоль реки в направлении степных сел» (Шауаланы М., Мурат, 119) и т.п. Глаголы движения сочетаются также и с другими послеложными дополнениями, например: 1) с послелогом *къатыш* «с», «вместе с»: *Керимат да ала (аскерчиле) къатыш, тентирей-тентирей барады* «И Керимат тоже вместе с ними (солдатами) идет, шатаясь» (Шауаланы М., Кечерлеми?, 106); 2) с послелогом *дери* «до»: *Къошха дери атла бла бардыкъ* «Мы до коша доехали на лошадях»; 3) с послелогом *ючюн* «ради», «из-за», «для»: *Къайтып келдик сизни ючюн* «Мы вернулись ради вас».

Послеложно-именные слова используются преимущественно для обозначения пространственных отношений. Они дополняют и уточняют функции дательного, местного и исходного падежей с пространственным значением. Глаголы движения, сочетаясь с послеложно-именными словами в основном выражают направление движения, например: *Жюзючю сууну тюбюне кёмюлдю* «Пловец нырнул под воду». *Махмут атасыны аллына чапды* «Махмут побежал навстречу своему отцу». В этих предложениях послеложно-именные слова *тюбюне* «под» и *аллына* «навстречу» уточняют направление движения субъекта.

Глаголы движения-перемещения сочетаются и с наречиями с пространственным значением, которые указывают на пространство, по которому происходит движение, на направление, на время, в пределах которого совершается передвижение, на длительность, продолжительность процесса движения, на количественные отношения, причины и цели передвижения-перемещения.

Таким образом, наречия выполняют уточнительную роль. Например: *Ибрагим секирип турду, сора тапкада кир аггач аякчыкздан эрлей кзурмачны алып..., амма-жукка эте келип, биягзынлай анасыны кзатына чекдю* «Ибрагим быстро вскочил с места, вмиг схватил с полки грязную деревянную миску с жареной кукурузой...и, подпрыгивая на одной ноге, подошел, по-прежнему сел рядом с матерью» (Аппаланы Х. Къара кюбюр, 5). *Былай терк нек кзайтдынг, жашым?* «Почему так быстро вернулся, сынок?»

Наречия *ары* «туда», *бери* «сюда» уточняют направление движения:

Газетде ишлегенде бир-бир, эки-эки ары жыйылдыла «Газетчики по-одному, по два собрались туда (Жакийланы Х., Мухаммат, 201). *Зекерия: Эй, юде ким барды, бар эсе, бери чыкз* «Зекерия: Эй, кто в доме есть, если кто есть, выходите сюда» (Шахмырзаланы С., Танг аласында, 104). *Былайтын* «через это место, по этому месту» указывает на пространство, по которому передвигается субъект: *Былайтын озган адамла музейге барадыла* «Люди, прошедшие здесь, идут в музей». Наречия времени указывают на время, в пределах которого процесс перемещения может начаться, продолжаться или кончаться: *Ингирде кзар жаууп башлады* «Вечером начал падать снег». *Ала бусаггата ишге бара турадыла* «Они сейчас идут на работу». *Кзарындашым бюгюн келгенди* «Мой брат приехал сегодня». Наречия могут уточнять количество или меры передвижения: *Эчкилени излеп, аггачда кеп айландыкз* «В поисках коз мы много (долго) ходили по лесу». Наречия причины и цели обозначают причину или цель действия, например: *Кеп айланнгандан арып тохтагганбыз* «Остановились мы, устав от того, что много ходили». *Кзызла да саусузну сора келдиле* «Девушки тоже пришли поведать больного».

Выше приведены ряд средств, уточняющих направление движения. Направление движения выражается и вспомогательными глаголами аналитически. Это характерно и другим тюркским языкам. Н. Д. Гарипова и Л. М. Хасанова отмечают, что в башкирском языке противопоставление между линейной и разной направленностью выражается, как правило, не самими основами глагола, а с помощью деепричастных форм [46, 32–33]. На эту особенность глаголов движения указывают и другие исследователи [8, 7; 29, 91, 47, 132; 48, 73]. В большин-

стве случаев оба компонента таких глаголов являются глаголами движения, например: *Жашчыкз юйге чабып кирди* «Мальчик вбежал в дом». Основную семантическую нагрузку несет первый компонент, второй имеет вспомогательное значение. *Кзачып чыкз* «выбежать»: *Итти кергенлей, Аслан арбаздан кзачып чыкзды* «Аслан, увидев собаку, выбежал из двора».

Темп и интенсивность движения, темп или скорость движения зависят от различных обстоятельств: субъект может перемещаться, передвигаться нормальным темпом, торопиться, бежать, мчаться, идти медленно и т.п. в зависимости от ситуации, в которой оказывается субъект, от его намерения. В одних случаях смысловой компонент «скорость» может выражаться корневой морфемой глагола, например: *бар* «идти от нас», *чап* «бежать», *атыл* «кинуться», *думп бол* «помчаться», (*чартлап*) *чыкз* «выскочить», *сюркел* «брести, тащиться» и т. п.; в других случаях компонент «скорость» выражается всей суммой сем глагола и уточняющего определителя, например: *акзырын бар* «идти медленно», *терк бол* «идти быстро», *терк чап* «бежать быстро». Наречия *акзырын* «медленно», *терк* «быстро» уточняют темп движения.

Глаголы движения выражают обычно целенаправленное передвижение-перемещение. Таковыми являются глаголы *бар* «идти (от нас)», *кел* «идти (к нам)», *кел* «идти, приходиться», *кет* «уходить», *чыкз* «выходить», *элт* «нести», *чап* «бежать» и т. п. Бесцельный характер ходьбы обозначают глаголы *айлан* «шататься», «слоняться без дела», (*бош*) *айлан* «болтаться», *орамланы сана* «слоняться без дела» и т. п.

Глаголы движения имеют значения: 1) кратности: *Кзонакзга келирге* «Прийти в гости»; 2) длительности: *Таусолтан отону ичинде жюрюй эди* «Таусолтан ходил по комнате» (Гадиев И., Санга айтама, 205); 3) совершенного действия не в один прием: *Юйюбюзден жюрюп ишлерге узакз болгзаны себепли, общежитге жарашдым* «Так как ходить на работу из дома было далеко, я устроилась в общежитие» (Хапчаланы М., Мени насыбым, 6); 4) способность к совершению действия: *Гитче жашчыгзым а энди жюрюп тебиреген болур* «А младший сынишка, наверно, начал ходить» (Зокаланы З., Солуу кюн, 81); 5) отличительных черт субъекта: *Адам жюрюген этеди, кзанатлыла уа учхан этедиле* «Человек ходит, а птицы летают». Двуправленность перемещения в карачаево-

балкарском языке одним глаголом не выражается, хотя оно и подразумевается, например: *Къызчыкъ школгъа барады* «Девочка идет в школу». Естественно, она после занятий вернется домой, однако, возвращение в значении глагола *бар* нет. Двунправленное движение выражается двумя глаголами, первый из них обычно употребляется в деепричастной форме, второй в спрягаемой форме, например: *Мен элге барып келдим* «Я съездил в село и вернулся». *Ол юйге кирип чыккъды* «Он зашел в дом и вышел». *Къызчыкъ къоншуларына сют элтип келди* «Девочка отнесла молоко соседям и вернулась».

Для глаголов движения-перемещения, как и для других лексико-семантических групп, характерна коннотация.

Коннотативные значения присущи периферийным единицам, которые характеризуют движение со стилистической и экспрессивно-эмоциональной стороны. Например: *сюрел* «плестись», *ауа-сауа* «идти в развалку», *быргъа* «швырять», *жѣбеле* «семенить», *шыбырт-шыбырт* эт «шаркать» и т. п.

В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, в смысловой структуре большинства глаголов движения дифференцированно не выражены различия в среде перемещения, а также в способах перемещения. Перемещение пешком или с помощью какого-либо транспорта выражается здесь одним и тем же глаголом (см. 46, 32). Например, в карачаево-балкарском языке глаголы *бар*, *кел*, *кет* и т. п. обозначают движение в различных средах и способ движения: *бар* «идти (пешком)», «ехать (на транспортных средствах – на лошади, машине и т.п.)», «лететь (на самолете, вертолете)», *кел* и *кет* обозначают те же действия, различие только в направленности перемещения: *кѣл* обозначает передвижение в сторону говорящего, а *кет* – от говорящего. Среда и способ движения-перемещения конкретизируются специальными средствами языка, например: *жаяу бар* «идти (пешком)». Здесь *жаяу* (пешком) конкретизирует среду («земля, суша») и способ передвижения («передвигаться, ступая ногами»); *ат бла бар* «ехать (на лошади)» конкретизаторы *ат* «лошадь», *бла* – послелог, который соответствует русским предлогам «по, на, с, вместе с, через» и т. п.; самолет *бла бар* «лететь (на самолете)»; *кеме бла бар* «плыть (на пароходе)» и т. п. Указанные средства описаны выше.

Процесс движения имеет начало, продолжение, конец. Исходная точка в одних случаях указывается, в других – она не выражена, но эксплицируется контекстом. *Ахмат юйден чыгъып, машинасына минип ишине кетди* «Ахмат вышел из дома, сел на машину и поехал на работу». Здесь указана исходная точка движения «дом», этот же исходный пункт эксплицируется в предложении: *Къазий бла Алий школгъа бирге кетдиле* «Казий и Алий вместе ушли в школу» (Хубийланы О., Жукъусуз кечеле, 33).

Неоконченность действия: *Жамычысы къырпакъ этген атлыны газетле алып баргъанын кѣрючю эдим...* «Я часто видел всадника в заиндевеловой бурке, везущего газеты (Къулийланы Къ., Сайлама, 1, 5). Передвижение может быть прервано в связи с какой-либо причиной, например: *Уллу орамны кетип баргъан бир киши: «Не бола турады быллайда, бу къычырыкъ неди?» – деп жетди* «Мужчина, который шел мимо по большой дороге, подбежал и спросил: «Что здесь случилось, что за крик?!» (Шаманланы М., Окъа бѣрк, 29). Действие прервано угрожающим криком, который услышал шедший по дороге человек. Он бросился туда с целью узнать, с кем случилась беда, с желанием помочь. Разобравшись в сути дела, он пойдет дальше, домой. Действие-передвижение может быть исчерпанным, например: *Солтан-Хамит анасыны буйругъун тамам толтуруп, юйге кирди* «Солтан-Хамит, полностью выполнив приказание матери, зашел домой» (Шахмырзаланы С., Танг аласында, 69).

Процесс передвижения обычно ограничивается перемещением из одного пункта в другой: *Биз къошдан юйге ингирде келген эдик* «Мы из коша домой приехали вечером».

Другие вопросы будут рассматриваться при описании парадигматики глаголов движения. Это глаголы *айлан*, *жюрю*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Меморансий П. М. Краткая грамматика казах-киргизского языка. СПб. Ч. 1. 1897.
2. Гордлевский В. А. Грамматика турецкого языка. М., 1928.
3. Кононов А. К. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.
4. Воровков А. К. Учебник уйгурского языка. Л., 1935.

5. *Дмитриев Н. К.* Строй турецкого языка. Л., 1939.
- 5а. *Дмитриев Н. К.* Семантика русского и татарского глаголов // Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе. М., 1962.
6. *Тенишев Э. Р.* Глаголы движения в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.; Н., 1961.
7. *Вещилова В. Ф.* Глаголы движения в турецком языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.; Л., 1951.
- 7а. *Вещилова В. Ф.* Глаголы движения в турецком языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. IV. Лексика. М.; Н, 1962.
8. *Халиков К.* Глаголы движения в современном узбекском литературном языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1967.
9. *Энгельс Ф.* // К. Маркс и Ф. Энгельс Сочинения. 2-е изд. Т. 20.
10. Большая советская энциклопедия. М., 1972. 3-е изд. Т. 7.
11. Большая советская энциклопедия. М., 1952. 2-е изд. Т. 13.
12. Большая советская энциклопедия. М., 1974. 3-е изд. Т. 16.
13. *Ибрагимова В. Л.* Семантика русского глагола. Лексика движения. Уфа, 1988.
14. *Блягоз З. У.* Глаголы перемещения в современном русском литературном языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Горький, 1964.
15. *Кузнецова Э. В.* Лексикология русского языка. М.: ВПШ, 1989.
16. *Щербина Т. С.* Причины образования лексических систем // Лингвистические единицы разных уровней и их функциональные характеристики. Краснодар: изд-во КГУ, 1982.
17. *Монахов П. Ф.* Из опыта анализа семантической структуры слова (на материале глаголов движения в немецком языке) // Вопросы лингвистической семантики. Тула: ТГПИ, 1975.
18. *Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология. М., 1977.
19. *Васильев Л. М.* Семантика русского глагола. М.: ВПШ, 1981.
20. *Сергеева Н. Н.* Глаголы горизонтального движения-перемещения как семантико-синтаксический класс в системе современного русского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1970.
21. *Хамидуллина А. М.* Словообразовательные отношения в семантическом поле глаголов движения. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1973.
22. *Хачеросова Л. М.* Семантическое исследование английских глаголов движения и их роль в организации текста (на материале глаголов пешего перемещения). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Одесса: ОГУ, 1978.
23. *Гак В. Г.* К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1971, 1972.

24. *Гордеев Ю. М.* Поле направленности (Глаголы движения и их распространители в современном русском языке). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1974.
25. *Булгак Е. И.* Компонентная структура значения «перемещение» // Вопросы филологии. Минск: ВПШ, 1972. Вып. 2.
26. *Афифи С. М.* Лексикологический анализ глаголов идти-ходить и их производных в современном русском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1964.
27. *Гарипова Н. Д., Хасанова Д. М.* К сопоставительной характеристике русских и башкирских глаголов движения и положения в пространстве // Русский язык в Башкирии. Учен. зап., Вып. 23. Серия филол. наук. № 10 (14). Уфа, 1968.
28. *Кумари М.* Выражение направленности глаголов движения в современном русском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1979.
29. *Абигалиев С. А.* Лексико-семантический анализ глаголов движения в немецком и казахском языках // Проблемы лингвистической семантики. Каз. ГУ, Алма-Ата, 1986.
30. *Сергеева Н. Н.* Глаголы горизонтального движения-перемещения как семантико-синтаксический класс в системе современного русского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1970.
31. *Ибрагимова В. Л.* Семантическое поле глаголов движения в современном русском языке. Уфа, 1975 (диссертация).
32. *Ибрагимова В. Л.* Семантические классы глаголов колебательного и вращательного движения // Исследования по семантике. Лексическая и фразеологическая семантика. Межвуз. науч. сб. Уфа: БГУ, 1982.
33. *Ибрагимова В. Л.* К вопросу о строении лексико-семантических групп (на материале глаголов перемещения и пространственного положения) // Исследования по семантике. Семантика языковых единиц разных уровней. Межвуз. научн. сб. Уфа: БГУ, 1988.
34. *Ибрагимова В. Л.* Лексико-семантический класс глаголов перемещения в русском языке // Исследования по семантике. Уфа, 1980.
35. *Ибрагимова В. Л.* Семантика глагола. Лексика движения. Уфа, 1988.
36. *Сентенберг И. В.* Глагольная лексико-семантическая парадигма в лексико-семантической системе английского языка // Системные семантические отношения в языке. Лексикология, Волгоград, 1978.
37. *Монахов П. Ф.* О глаголах «объектного движения» // Лингвистические исследования. Учен. зап. факульт. ин. яз. ТГИ. Тула, 1969. Вып. 2.
38. *Новиков Л. А.* Лексическая семантика // Современный русский язык. Теоретический курс. Лексикология. М., «Русский язык», 1987.

39. *Денисов П. Н.* Лексика русского языка и принципы ее описания. М.: Р. Я., 1980.

40. *Котелова Н. З.* Значение слова и его сочетаемость. Л., 1975.

41. *Скелская Г. И.* Введение в синтагматику. М.: ВЛИ, 1979.

42. *Шмелев В. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

43. *Иноземцева З. С.* Взаимодействие лексической и синтаксической сочетаемости (К проблеме коммуникативно значимых системных связей) // Семантический аспект изучения языковых единиц. Сб. научн. тр. Ашхабад, 1982.

44. *Голубева Н. П.* Синтаксическая сочетаемость переходного турецкого глагола // Семантический аспект изучения языковых единиц. Сб. научн. тр. Ашхабад, 1982.

45. *Кибардина С. М.* Основы теории валентности. Вологда, 1979.

46. *Ибрагимова В. Л.* Семантическое поле глаголов движения в современном русском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 1975.

47. *Гарипова Н. Д., Хасанова М. Д.* К сопоставительной характеристике русских и башкирских глаголов движения и положения в пространстве // Русский язык в Башкирии. Уч. зап. Уфа, 1968. Вып. 23. Серия филол. наук. № 10(14).

48. *Тумашева Д. Г.* О способе номинации пространственной характеристики глаголов действия в татарском языке // Проблемы лингвистической семантики. Алма-Ата: Каз. ГУ, 1986.

49. *Ахмадуллина Ф. Ю.* К вопросу о глаголах движения в русском и татарском языках // Вопросы формирования грамматического строя русского языка. Казань, 1978.

50. *Псянчин Ю. В.* Лексико-семантическое поле глаголов движения башкирского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Баку, 1990.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие 3

Лексика

Л. И. Жабелова. Структурные типы редуцированных слов в карачаево-балкарском языке 4

Л. Х. Махиева. Къарачай-малкъар тилде фонетика терминлени жаратылыулары эм айнуулары 13

И. М. Отаров. Сфера употребления карачаево-балкарской лексики 20

М. А. Ахматова. Об однокоренных синонимах в современном карачаево-балкарском языке 34

Грамматика

С. М. Хуболов. Синтаксические функции фразеологизмов карачаево-балкарского языка 39

М. А. Бирабасова. Бессоюзные сложноподчиненные предложения в ногайском и карачаево-балкарском языках 47

М. Б. Кетенчиев. Структура именных предложений с предикатами места в карачаево-балкарском языке 52

М. З. Улаков. Роль устной речи в формировании лексической нормы карачаево-балкарского языка 57

Х. С. Джанибеков. Паллиатив в карачаево-балкарском языке 64

Ф. П. Эркенова. Спорные вопросы разграничения падежей в тюркских языках 87

А. Т. Додуева. Четырехместные формально-семантические модели простых предложений с предикатами движения, выраженными глаголами перемещения в карачаево-балкарском языке 96

З. Х. Мокаева. Къарачай-малкъар тилде тилни ат кесеклерини грамматика формаларыны сёзлеге ётюулерини 103

Семантика

А. А. Жаппуев. Семантика глаголов чувства в карачаево-балкарском языке 111

С. К. Башиева. К вопросу об объеме фразеологического значения 134

А. А. Жаппуев. Глаголы звучания в карачаево-балкарском языке 145

А. А. Жаппуев. Глаголы движения-перемещения в карачаево-балкарском языке 172

ISBN 5-88195-520-X

9 785881 95520X